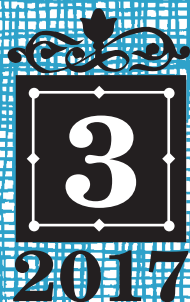

ISSN 0869.544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

“НАУКА”

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3
2017
МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Симов М. И.</i> (София). Русские консульства на Балканах и их роль в осуществлении разведки накануне русско-турецкой войны 1877–1878 годов	3
<i>Вишняков Я. В.</i> (Москва). Сербы в русской армии в годы Первой мировой войны.....	15
<i>Зорин А. В.</i> (Киров). Проблема признания США чехословацкого правительства в изгнании в годы Второй мировой войны.....	30
<i>Степанов А. С.</i> (Москва). Причины принятия советским руководством решения о ликвидации Л. Ребета и С. Бандеры	44

СООБЩЕНИЯ

<i>Козлов Д. Ю.</i> (Москва). «Fringes Vabanquespiel». Планы прорыва флота империи Габсбургов в Черное море (август 1914 года)	57
<i>Старченко Л. А.</i> (Брянск). Положение плененных малороссов в Германии и Австро-Венгрии во время Первой мировой войны.....	65
<i>Носов Б. В.</i> (Москва). К выходу в свет 10 тома «Истории польской науки»	71

ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ

<i>Шемакин А. Л.</i> (Москва). Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования).....	87
<i>Хлебникова В. Б.</i> (Москва). Путевые и журналистские заметки П. А. Ровинского о Сербии.....	99

РЕЦЕНЗИИ

<i>Пеганов А. О.</i> А. Marès. Edvard Benes. Un drame entre Hitler et Staline.....	109
<i>Гусев Н. С.</i> М. Станчев. Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ... ..	111
<i>Смолянинова М. Г.</i> Болгарское искусство XX века	113
<i>Ананьева Н. Е.</i> Slavische Wordbildung im Vergleich: Theoretische und Pragmatische Aspekte....	116

<i>Гусев Н. С., Леонтьева А. А.</i> Научная конференция «Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе, XVIII–XX вв.».....	120
--	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Калиганов И. И., Польшванный Д. И.</i> К юбилею академика Васи́ла Гюзелева.....	124
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2017 г. *М.И. СИМОВ*

РУССКИЕ КОНСУЛЬСТВА НА БАЛКАНАХ И ИХ РОЛЬ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РАЗВЕДКИ НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ

В данной статье рассматривается один из сравнительно слабо изученных аспектов русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а именно: разведывательная деятельность России перед этим конфликтом и роль русской агентурной сети на Балканах в сборе информации о противнике. Цель исследования – сформировать представление о системе сбора и передачи сведений о противнике из русских консульств на местах в Петербург и штаб действующей армии в Кишиневе.

The article is devoted to the activities of the Russian intelligence on the eve of the Russian-Turkish war of 1877–1878. The focal point is the role of the Russian consular network in the process of gathering intelligence information about the enemy and transmitting it to St. Petersburg and the headquarters in Chişinău.

Ключевые слова: разведка, русско-турецкая война 1877–1878 гг., русская агентурная сеть на Балканах.

Keywords: intelligence, Russian-Turkish war of 1877–1878, Russian agents network on the Balkans.

Деятельность консулов Российской империи на восточном направлении и, в частности, на Балканах, никогда не ограничивалась только сферой торгово-экономических отношений и защитой личных и имущественных прав соотечественников за границей. Прежде всего, русские консульства выполняли политические функции и служили разновидностью постоянных дипломатических представительств Петербурга в кругу местного христианского населения. Не подлежит сомнению и тот факт, что одной из важнейших обязанностей консулов было осуществление наблюдения и сбор информации о соответствующем регионе, что имело прямую связь с активной политикой России на Балканах. Еще перед первым русским консульством, основанным в Венеции в 1711 г., ставилась задача, помимо всего прочего, передачи сведений об обстановке в северо-западной части Балканского полуострова [1]. Во второй половине XIX в. российское министерство иностранных дел приступило к расширению сети своих дипломатических представительств в Юго-Восточной Европе, что было связано, в том числе, и с необходимостью получения

Симов Михаил Ивайлов – аспирант исторического факультета Софийского университета им. св. Климента Охридского.

информации. В сообщении посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу от августа 1857 г. государственный канцлер А. М. Горчаков обосновывал необходимость расширения дипломатической сети, указывая, что забота России об участии христиан и христианской церкви в Османской империи требует «быть точно проинформированными, в какой области наиболее остро чувствуется необходимость в нашей помощи» [2. С. 157]. Директор Азиатского департамента Е. П. Ковалевский также писал А. М. Горчакову в связи с консульствами на Балканах: «Необходимо повсеместное присутствие наших агентов в Турции, [...] людей, которые держали бы нас в известности и успели бы предупредить, когда наступит предсмертный час Турции» [2. С. 318].

Дипломатическая сеть России на Балканах обслуживала и нужды военной разведки, которая именно в период милютинских реформ получила более организованную и институционализированную форму (подробнее см. [3; 4. С. 694]). Однако в течение двух десятилетий после 1856 г. единственной официальной должностью в Военном министерстве для всего обширного региона Балкан и Османской империи была должность военного агента в Константинополе, и при таком раскладе консулы естественным образом превращались в резидентов, собирающих сведения военного и военно-политического свойства. Консульские донесения, содержащие информацию военного плана, пересылались из Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи в военное ведомство, о чем свидетельствует множество сохранившихся документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)¹. О важности консульско-дипломатических каналов как источнике ценной и необходимой военному ведомству информации, красноречиво свидетельствует (отражая и механизм ее передачи) письмо начальника Главного штаба генерала Ф. Л. Гейдена директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову от ноября 1875 г.: «По установленному порядку, все консульские донесения, представляющие интерес для военного ведомства, сообщались Азиатским департаментом Главному штабу. В настоящее время консульские донесения из Турции имеют особенно важное значение, так как представляют единственно верные данные, по которым можно судить о современном положении дел» [5. Ф. 401. Оп. 3/927. Ед. 9. Л. 158–158об.].

Одним словом, консулы являлись важной частью агентурного аппарата русской разведки и регулярно снабжали центральные учреждения Петербурга потоком самых разнообразных сведений. Необходимость в такой информации возрастала прямо пропорционально каждому последующему усложнению ситуации на Балканах, а после начала Восточного кризиса летом 1875 г. и особенно накануне назревающей войны с Османской империей любые сведения, поступавшие с Балкан, приобретали особую важность как для российского Министерства иностранных дел, так и для русской армии.

Так как политика России по отношению к южным славянам и их национально-освободительной борьбе в этот период неоднократно становилась предметом исследования, а донесения консулов использовались в качестве основного источника по репрессиям османских властей по отношению к христианскому

---

¹ В Военное министерство поступало немало консульских донесений, причем во время пересылки к ним прилагалась приписка соответствующего содержания. Документы такого типа хранятся, в основном, в фонде РГВИА № 401. См., например [5. Ф. 401, Оп. 2. Ед. 10. Л. 1, 13–14, 17, 24–29].

населению, настоящая статья ставит своей целью рассмотреть разведывательную деятельность России перед предстоящей войной с Османской империей и отдельно остановиться на роли русских консулов в этой деятельности.

Хронологические рамки исследования охватывают последние мирные месяцы перед объявлением войны, период интенсивности разведывательной деятельности. Основную источниковую базу составляют документы из фондов РГВИА, а именно: консульские донесения, поступившие в Военное министерство и Главный штаб русской армии, а также переписка между Министерством иностранных дел, военным ведомством и штабом действующей Дунайской армии в связи с полученной информацией.

До настоящего времени в научной литературе почти отсутствуют публикации, посвященные данной теме. Исключение составляют две статьи болгарского историка Й. Митева [6. С. 78–85; 7. С. 160–180], в которых, однако, также отсутствует целостная картина разведывательной деятельности, осуществляемой русскими консулами. Непосредственно до объявления русско-турецкой войны в апреле 1877 г. Петербург располагал дипломатическими представителями в 28 городах Балканского полуострова (не считая консульств на островах Корфу и Сира), пятеро из которых находились в ранге генеральных консулов. Эти дипломаты формировали ядро официальной агентуры русской разведки в мирное время, и, совершенно естественно, что в месяцы, предшествующие непосредственной войне, их задачами было осуществление постоянного наблюдения за динамикой обстановки в регионе и передача информации в Петербург.

Еще в начальную фазу Восточного кризиса консулы получили специальные предписания для предоставления сведений военного характера. В октябре 1875 г. русским консулам в Османской империи был выслан секретный циркуляр, обязывающий их собирать информацию об османских вооруженных силах в районе их пребывания [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 5–7]. Консульские донесения осенью и зимой 1875–1876 г. достаточно ясно очерчивают эскалацию антиосманской борьбы на Балканах. Неудачная для Белграда сербско-турецкая война и кровавое подавление Апрельского восстания в Болгарии принудили Россию окончательно отказаться от сдержанной политики и поставили ее перед необходимостью начать непосредственную подготовку к войне с давнишним противником на Босфоре, продолжая в то же время попытки мирного урегулирования кризиса. Эти обстоятельства естественным образом обусловили и последовавшую активизацию русской разведки на Балканах.

Накануне войны разведка осуществлялась с целью выяснения военно-политической обстановки на полуострове и наблюдения за военными приготовлениями Высокой порты к все более неизбежному конфликту с Россией. Первостепенную важность представляло получение актуальных и подробных сведений о дислокации, движении и концентрации османских вооруженных сил на балканском театре военных действий, активности турецкого флота на Дунае, а также о состоянии фортификационных сооружений, проходимости дорог и горных перевалов, наличии фуража и припасов в отдельных поселениях и пр. Российский стратегический план будущей кампании определял и районы, наиболее интересующие Россию с точки зрения разведки, однако в той или иной степени предоставлять информацию военного характера было поручено всем русским консулам в Османской империи и на Балканах. Особенно ценные сведения

поступали из консульских представительств в Рушукe, Варне, Салониках, Адрианополе, Галаце, Тульче, Измаиле, а также Бухаресте, Белграде и Рагузе.

Русский консул в Салониках Т. П. Юзефович² еще летом 1876 г. сообщал в донесениях посланнику в Константинополе Н. П. Игнатьеву подробные данные о прибытии турецких войск и военных грузов на городскую пристань и их отправлении поездами в сторону Митровицы (современная Косовска-Митровица. — М.С.) для ведения боевых действий против Сербии. Случаи грабежей и насилий со стороны приезжавших и отбывавших в глубь полуострова башибузуков бесконечны и неисчислимы, писал в конце июля Юзефович, добавляя, что греческий элемент в этой области все больше ориентируется в сторону славян, «видя в своем бездействии чистую потерю» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 112–115]. Наблюдения русского консула совпадают с общими настроениями в Греции и населенных греками частях Османской империи осенью 1876 г. [8. С. 71]. В донесениях Юзефовича присутствуют и подробные сведения о положении в Фессалии, которые тот получал от консула в Ларисе и впоследствии переправлял Н. П. Игнатьеву в Константинополь [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7625. Л. 162].

Очевидно, что основная роль в изучении действий противника накануне войны принадлежала генеральному консулу в Рушукe, задачей которого было осуществление непосредственного наблюдения за военной активностью османов в Дунайском вилайете. И до начала Восточного кризиса консульство в Рушукe в силу своего стратегического положения оставалось важным центром русской разведки в мирное время, откуда поступали данные, использовавшиеся для составления военно-статических описаний вилайета [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7625. Л. 2; 9. С. 419–420]. До февраля 1876 г. пост генерального консула в городе занимал А. Н. Мошнин³, которому еще в августе 1875 г., по высочайшему распоряжению, было позволено дополнительно расходовать по 150 полуимпериалов в год для сбора сведений, представляющих военный интерес [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7625. Л. 6]. В результате, в Военное министерство поступали ценные материалы, среди которых – подробный план и описание варненской крепости и фотографии крепости Шумла [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 8931. Л. 4].

Новый генеральный консул в Рушукe, В. Ф. Кожевников⁴, едва заняв свой пост, тотчас же начал энергично собирать сведения о дислокации и численности османских войск в Дунайском вилайете, данных, которые были особенно необходимы уже сформированному в Кишиневе штабу Дунайской армии [7. С. 78]. Сам Кожевников являлся опытным дипломатом, будучи до 1867 г. русским консулом в Тырново, и его назначение в Рушук в довольно напряженный для русской балканской политики момент едва ли можно считать случайным.

Россия нуждалась в человеке, который быстро и энергично занялся бы изучением неприятеля с учетом назревающей войны. Именно это и делал Кожевников – с декабря 1876 г. он начал составлять точные и подробные списки о численности и расположении османских войск в вилайете. В конце декабря, например, русский консул сообщал, что «на данный момент» там расположено 34 батальона войск, половина из которых прибыла

² Т. П. Юзефович был издателем известного сборника «Договоры России с Востоком».

³ А. Н. Мошнин скончался в феврале 1876 г.

⁴ В. Ф. Кожевников был назначен на пост генерального консула в Рушукe в ноябре 1876 г.

из Сербии и Черногории, они сосредоточились в укрепленных пунктах, находясь в плачевном состоянии здоровья, но благодаря усиленному питанию и отдыху быстро восстанавливают свои силы [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 12]. Помимо информации о силах противника, Кожевников активно изучал будущий театр военных действий, уделяя особое внимание состоянию дорог, горных перевалов и, конечно же, состоянию османских крепостей к югу от Дуная. В донесении от 4 декабря 1876 г. он сообщал, что часть сведений о дорогах в Балканских горах уже отправлена в посольство в Константинополе и в штаб армии в Кишиневе в виде двух подробных таблиц, а для сбора остальных сведений непосредственно на места высланы специальные люди [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 186].

В служебном подчинении генеральному консулу в Русуке находился дипломатический агент России в Варне, пост которого в исследуемый период занимал болгарин Н. Даскалов. Тот факт, что варненский порт являлся «воротами», через которые османские войска прибывали по морю из различных частей империи для укрепления противостоящего России дунайского фронта, делает подробные и точные данные из этого города особенно ценными. Донесения Даскалова довольно ясно свидетельствуют об активной переброске сил через Варну с целью дальнейшего их сосредоточения в укрепленных пунктах Силистре, Шумле, Русуке. Как сообщал Даскалов в середине декабря, 7 декабря 1876 г. в Варну из Константинополя прибыли 3 000 человек резервных войск редиф⁵ из Салоник, продолжались и фортификационные работы в Варне [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 15].

Ключевым фактором успеха русского стратегического плана против Османской империи было успешное форсирование Дуная, поэтому получение актуальной информации об активности турецкого речного флота и о береговых укреплениях становилось одной из главных задач разведки накануне войны. Помимо генерального консула в Русуке, эти сведения собирали русские консулы в дунайских городах Тульче, Галаце, Измаиле.

В обширном донесении от 7 ноября 1876 г. консул в Измаиле П. С. Романенко описывал состояние османской военной подготовки в его районе наблюдения, отмечая, что укрепления по правому берегу Дуная находятся в плачевном состоянии, никаких восстановительных работ не проводилось со времен последней русско-турецкой войны. В донесении он сообщил и сведения о Тульче, явно полученные от тамошнего русского вице-консула А. Е. Василевского. В то время как Романенко характеризовал османскую армию, которой поручена береговая охрана от Тульчи и Исакчи до Мачина, как «отчаянных разбойников», его мнение о турецком флоте по Дунаю диаметрально противоположно: «Это мощная сила, которая в любой момент может быть усилена за счет подкрепления с Босфора, в том числе и за счет английских офицеров, поступивших на турецкую службу, очевидно, для ведения действий против нас в случае нашего перехода к югу от Дуная. Поэтому наше начальство должно обратить особое внимание на эти силы» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 171]. По словам Романенко, турки распространяли разные лживые слухи о собственных силах и поэтому проверка всех сведений консулами на местах – самый надежный способ получения истинной картины [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 172об.]. Жители присоединенной в 1856 г. к Молдавскому княжеству части Бессарабии сохранили полную лояльность России, писал русский консул,

---

⁵ Нерегулярное войско армии Османской империи, призываемое только на время войны.

задавленное непосильными налогами и чуждой им румынизацией, местное население уже 20 лет ожидает воссоединения с родной Россией и готово оказать всяческую поддержку императорской армии, добавлял он в обширном докладе [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 175].

Все сказанное выше ясно очерчивает важную и усиливающуюся роль русских консулов в сборе разведывательной информации о турецкой подготовке к войне и будущем театре военных действий. Ввиду того, что первоочередной интерес представляло отслеживание активности османских войск в Дунайском вилайете, расчет был сделан в основном на информацию, собранную консульскими представителями в Рушуке, Варне, Галаце, Измаиле и Тульче. Однако сведения, полученные с других концов империи, также были необходимы для более точного учета сил противника и составления целостного представления о его дислокации, передвижении и возможных будущих действиях. Также активно собирались топографические и статистические данные [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 160]. К концу 1876 г. при все более явно очерчивающейся войне и после формирования Действующей армии и размещения ее штаба в Кишиневе необходимость в регулярном получении сведений требовала изменений в механизме их передачи из консульств на Балканах в Петербург и штаб армии.

До декабря 1876 г., согласно установленному порядку, консулы отправляли свои доклады в посольство в Константинополе или напрямую в Министерство иностранных дел в Петербурге. Министерство иностранных дел в свою очередь переправляло донесения, содержавшие военные сведения, военному министру, начальнику Главного штаба Ф. Л. Гейдену или в Военно-ученый комитет при Главном штабе. Эта цепочка передачи информации ясно засвидетельствована в корреспонденции между центральными учреждениями Петербурга⁶. Этим же способом информация из консульских представительств поступала в военное ведомство лишь при посредничестве Министерства иностранных дел и с соответствующим промедлением. Недостатки этой системы становились все более очевидными с усилением военной подготовки. В качестве меры для обеспечения штаба армии своевременной секретной информацией в декабре 1876 г. генеральный консул в Рушуке получил инструкции одновременно высылать свои донесения в Константинополь и в штаб Действующей армии в Кишиневе [10. С. 186].

31 декабря 1876 г. начальник Главного штаба генерал Ф. Л. Гейден писал директору Азиатского департамента Н. К. Гирсу: «Ввиду необходимости в точных и своевременных сведениях о турецкой армии прошу Ваше превосходительство оказать содействие Военному министерству, приказав всем нашим консулам в Европейской и Азиатской Турции доставлять и мне (выделено автором. – М.С.) сведения о численности батальонов низам⁷ и редиф, полков кавалерии и артиллерийских батарей, которые к данному моменту находятся в районе их консульства. Военное министерство возьмет на себя все расходы по доставке указанных сведений» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 1]. В секретном письме от 10 января 1877 г. Гирс уведомлял генерала Гейдена, что в соответствии с его требованием, он отдал распоряжение всем консулам в Османской империи сообщать по телеграфу требуемые сведения [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 34].

⁶ Сохранившиеся в РГВИА консульские донесения обычно сопровождаются документом, чаще всего указывающим, что соответствующее донесение переправлено для прочтения директором Азиатского департамента Н. К. Гирсом военному министру Д. А. Милютину или начальнику Главного штаба Ф. Л. Гейдену.

⁷ Регулярная пехота Османской империи.

Эти донесения в виде зашифрованных телеграмм однотипны и содержат в сжатом виде информацию о численности османской армии в районе наблюдения соответствующего консула, а также о количестве и системе ее вооружения. Так, например, в телеграмме от середины января консул в Сараево сообщал: «По собранным мной, возможно, самым точным сведениям, здесь находится 97 батальонов, из которых 21 редиф и 76 низам. Если считать за среднее число солдат в батальоне 700 человек, то вся армия составит 67 900 человек». Далее указывалась дислокация этих военных частей по населенным пунктам [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 33]. Такие телеграммы консулы посылали регулярно, иногда, лишь чтобы сообщить, что в численности и дислокации османских сил в районе нет никаких изменений.

Таким образом, Главный штаб уже мог пользоваться сетью агентов в Османской империи более полноценно, получая регулярные и актуальные данные. Тем временем, более подробные сведения о военной обстановке продолжали отправляться обычным способом, а именно: донесения пересылались из Азиатского департамента генералу Гейдену и военному министру Д. А. Милютину. Между тем, в штаб-квартиру Действующей армии был назначен бывший консул России в Константинополе М. А. Хитрово, который напрямую вел переписку с консульскими представителями на Балканах [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 63]. Таким образом, формировался еще один канал для непосредственной передачи информации из консульств в штаб армии.

Предпринятые меры по улучшению осведомленности по военным вопросам отражают интенсификацию подготовки к предстоящей войне и красноречиво свидетельствуют о значении, которое придавалось консулам как резидентам военной разведки на местах. Это неудивительно, ввиду характера консульской службы на Востоке и обстоятельств, обязывающих использовать каждый информационный ресурс в интересах планирования и проведения будущей военной кампании.

Провал Константинопольской конференции послов почти полностью перечеркнул перспективу мирного выхода из кризиса и придал сильный импульс военной подготовке России, которая нашла отражение в значительно более активной разведывательной деятельности перед началом войны. Об этом можно судить по объему информации, поступавшей от русских консульств в Главный штаб и штаб Действующей армии за период с января по начало апреля 1877 г., что значительно превышало объем данных за предыдущие месяцы.

Донесения консулов дают ясное представление об ускоренной подготовке Порты к предстоящей войне. По сведениям консула в Салониках от января и февраля 1877 г., по железной дороге из Митровицы в Салоники производилась активная транспортировка сил для последующего сосредоточения на дунайском театре военных действий, которая стала еще интенсивнее после подписания Константинопольского мирного договора между Сербией и Высокой Портой в середине февраля 1877 г. «После подписания перемирия часть войск, расположенных против Сербии, прибывают в Солунь и отсюда незамедлительно отправляются к Константинополю на кораблях», — сообщал Юзефович в донесении от начала января того же года. Особое внимание русский консул обращал на египетские войска, которые, по его мнению, отличаются образцовой дисциплиной и превосходным вооружением, но их солдаты малы ростом и выглядят физически слабыми [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 129].

Донесения генерального консула в Русуке подтверждают постоянное сосредоточение военных сил в Дунайском вилайете и особенно в крепостях Русук,

Шумла, Варна, Силистра на востоке и Видин на западе. 15 января 1877 г. Кожевников сообщал: «Согласно собранным отовсюду сведениям, в Дунайском вилайете сейчас насчитывается около 55 батальонов различных войск — т.е. от 35 до 40 000 человек. Армия сейчас распределена так: в Варне 12 500 человек, в Шумене — 7 400, в Русе — 9 300, в Силистре — 1 800, в Видине — 15 000 вместе с ранеными» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 55]. В списке, составленном в конце месяца, армия Дунайского вилайета уже составляла 52 950 человек [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 103], а к 8 марта русский консул уже насчитывал 189 батальонов или 160—170 тыс. человек, готовых встретить русское наступление [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 134]. Ко второй половине февраля оборонительные сооружения около Рушук были полностью завершены и снабжены орудиями, писал в донесении от 22 февраля Кожевников, те же наблюдения относятся и к крепостям Видин, Никополь, Шумла и Силистра [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 173].

Консулы в Тульче, Галаце и Измаиле сообщали, что в их районах наблюдения также ведутся подготовительные работы, но концентрация войск там значительно более низкая. В шифрограмме от января 1877 г. вице-консул в Тульче А. Е. Василевский сообщал, что к 15 числу в городе находился только один батальон низам [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 48], а в начале месяца началось возведение укреплений по правому берегу Дуная, причем работать на самом месте заставили христиан [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 79]. Донесение от 8 февраля того же консула уведомяло, что данные укрепления завершены, но при последующем подробном рассмотрении признаны негодными, из-за чего начата их перестройка по другому принципу [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 104]. Военные приготовления выражались и в чрезвычайных поборах османского правительства с местного населения тульчанского округа. С каждого поселения собирали по 20—30 кг. пшеницы и ячменя и от 50 до 80 овец, турецкая администрация также требовала от населения предоставить в случае войны лошадей и телеги для перевозки фуража и раненых солдат, писал в донесении Василевский в феврале [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 110—111].

Тульчанский вице-консул, как ясно видно из дипломатической переписки, регулярно высылал информацию вышестоящему по служебной иерархии русскому консулу в Измаиле, который, в свою очередь, отправлял свои донесения одновременно директору Азиатского департамента и в штаб армии в Кишинев [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 109, 111, 131]. Информация о турецких военных кораблях на Дунае продолжала широко освещаться в докладах консулов как в Рушук, так и в Тульче, Галаце и Измаиле. Этим сведениям уделялось особенное внимание, отслеживалось количество, расположение и движение кораблей, их вид, вооружение и экипаж [6. С. 82]. «К вечеру 14 числа из Сулина прибыли 2 панцирные лодки и бросили якорь в Тульче, но на другой день отправились в Русе. 15 числа прибыли вновь из Сулина три шхуны и одна панцирная лодка, которые 16-го отправились в Русе, за исключением одной шхуны, которая осталась в Тульче», — сообщал Василевский 17 февраля [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 153].

Вообще дунайский город Тульча вырисовывается как важный центр разведки в этот период, в фондах РГВИА присутствуют и донесения неизвестного русского тайного агента в городе, которые дошли до штаба Действующей армии при посредничестве консула в Измаиле [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 41]. Очевидно, главной задачей этого агента было именно наблюдение за турецким флотом на Дунае.

Важные данные, помогающие раскрыть турецкие стратегические планы будущей кампании, предоставил русский консул в Адрианополе И. А. Иванов. Его донесения указывают на то, что после Дуная османы активно готовили и вторую оборонительную линию по Стара-Планине. Иванов постоянно сообщал о прибытии военных частей из разных концов империи и сосредоточении их вблизи старо-Планинских перевалов с резервными силами в Ямболе, Сливене, Филиппополе и Пазарджике. «Порта непрестанно продолжает отправлять войска в Балканские горы. Расположение войск часто меняется, но постоянно в смысле вышеуказанного меняется концентрация турок в балканских перевалах с резервными частями в Ямболе и Сливене», — сообщал русский консул в начале февраля [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 106]. Еще в январе Иванов телеграфировал, что Порта планирует сосредоточить 30 000 человек на юге от Стара-Планины с штаб-квартирой в Ямболе. «Перевалы оснащаются, уже привезена артиллерия», — добавлял консул [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 68]. «Состояние прибывающих войск жалкое. Это плохо обученные редифы, которые едва ли выдержат огонь в открытом поле, но они могут успешно отбиваться на закрытой местности», — гласит донесение консула в Адрианополе к Н. Гирсу от 4 февраля [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 107]. То же достаточно обширное донесение содержит и предупреждение о возможной высадке десанта английского корпуса на Босфоре для осуществления действий против России в случае ее наступления на османскую столицу. Свои подозрения Иванов аргументировал присутствием английских офицеров, которые провели топографические измерения в районе Силиврии и в окрестностях дороги между Константинополем и Адрианополем. «В своих мыслях о возможном английском десанте я исхожу не из какого-либо анализа целостной политической ситуации, а лишь из догадок и простых выводов, сделанных на базе моих личных наблюдений», — завершил донесение Иванов [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 108–108об.]. Из консульств в остальных частях Османской империи также приходили регулярные сведения, на базе которых в штабе армии составлялись подробные таблицы о численности и расположении османских войск.

Разумеется, интерес представляет и вопрос о том, каким образом сами консулы осуществляли сбор сведений, и какую местную агентуру использовали. Дать детальный ответ на этот вопрос — сложная задача, так как подробная информация редко присутствует в консульских донесениях. И все же отдельные упоминания и отрывочные данные дают возможность описать в общих чертах разведывательную работу на уровне агентов низшего звена.

В первую очередь, есть свидетельства о том, что русские консулы подчас имели доступ к османским документам, содержащим секретную военную информацию. Так, например, консул в Адрианополе писал, что данный военный план Порты по сосредоточению 30-тысячного корпуса по обороне Балканских гор был предоставлен ему лицом, принадлежащим к османской администрации [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 106]. Можно предположить, что речь идет о высокопоставленном лице, раз он имел доступ к подобным документам. В своих донесениях консул в Салониках Юзефович ссылаясь на дипломатическую корреспонденцию османского посланника в Афинах, очевидно, перехваченную русским дипломатом [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 115].

Без сомнения, русские консулы активно пользовались услугами местного (чаще всего болгарского) населения для сбора разведывательной информации⁸. Именно болгары считались самыми надежными информаторами из-за их лояльности к России и того факта, что главной целью войны было именно освобождение Болгарии. В инструкции для агентов на местах, составленной полковником П. Д. Паренсовым в начале 1877 г., указывается, что агенты должны быть только болгарами, ради которых Россия и будет воевать, и к работе ни в коем случае не должны допускаться греки [14. Ф. 14. Оп. 1. Ед. 3967. Л. 1049–1051]. Вероятно, это недоверие к грекам связано с тем, что некоторые из них служили в турецкой разведке, как отмечал, например, консул в Галаце [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 172об.], в то время как болгары уже доказали свою преданность во время Крымской войны и русско-турецкой войны 1828–1829 гг.⁹

Несмотря на то, что в донесениях генерального консула в Русуке не обнаруживается конкретной информации, он, несомненно, имел в своем распоряжении большое число лиц, которые доставляли ему сведения из различных частей Дунайского вилайета. Уведомляя 4 декабря 1876 г., что для разведывательной деятельности по дорогам Балканских гор непосредственно на места посланы люди, Кожевников, по всей вероятности, имел в виду именно местных болгар, которым было заплачено за сбор определенной информации. «Сведения о дорогах в Казанлык, Стара-Загору и Сливен могут быть получены, но это требует больше расходов и времени, так как для этого дела необходимо послать людей, которые не будут эксплуатировать наше доверие, воспользовавшись чрезвычайными обстоятельствами», — добавил в том же донесении русуцкий консул [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 186].

3 апреля 1877 г. консул в Галаце писал помощнику-начальнику штаба Действующей армии, что он взял к себе на службу болгарина Т. Велкова¹⁰, так как он постоянно поддерживает связи со своими соотечественниками к югу от Дуная и может быть полезен в сборе всякого рода сведений [16. Инв. № 178. Л. 203–203об.]. Контакты с болгарскими революционерами поддерживал и консульский агент Даскалов [6. С. 79].

Консул в городе Галаце А. С. Романенко еще осенью 1876 г. завербовал в качестве информатора одного капитана австрийского парохода, славянина по происхождению, который имел связи с местными болгарами и постоянно совершал рейсы между Галацем, Тульчей, Измаилом и Килией. От этого агента ждали точных сведений обо всех действиях турок на Дунае [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 174об.]. Русский консул в Измаиле, в свою очередь, поддерживал связи с известным старообрядцем О. С. Гончаровым, в личном письме к главнокомандующему Действующей армии выразившим полную преданность России и готовность помогать русской армии сведениями о противнике [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7635. Л. 71–72об.].

Разумеется, изучение противника сопровождалось трудностями, которые консулы отмечали в своих докладах. Еще в декабре 1875 г. консул в Сараево А. Н. Кудрявцев просил извинить его за свои неполные донесения, так как, по его словам, при настоящем положении дел в этой области получение сведений о войсках и вооружении становится все более затруднено

⁸ Об участии болгар в русской разведке см. [11. С. 117; 12. С. 4; 13. С. 279].

⁹ О русской разведке во время Крымской войны и использовании болгар в качестве информаторов см. [15. Р. 192–207].

¹⁰ Т. Велков, участник болгарского народно-освободительного движения, был причастен к русской разведке еще с осени 1876 г., а во время русско-турецкой войны был информатором при русском штабе, см. [12. С. 5].

ввиду отсутствия лиц, которые обычно снабжали его этой информацией [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 5]. Генеральный консул в Белграде А. Н. Карцов писал, что после начала войны и наступившего в Сербии беспорядка в точности разузнать что-либо становится «непосильной задачей» [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 90]. В декабре Кожевников сообщал из Рушук, что из-за бдительного наблюдения со стороны турок сбор сведений военного характера день ото дня становится все труднее [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 186]. Согласно донесению консула в Салониках от сентября 1876 г., из-за стремления турецких властей прикрыть движение войск через салоникский порт, собранные сведения становятся все более отрывочными [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 164]. Несмотря на это, и в течение следующих месяцев Юзефович продолжал высылать достаточно подробные списки о прибывающих и отплывающих из Салоник кораблях и их грузах, включая солдат и вооружение.

Из представленного выше можно заключить, что накануне войны 1877–1878 г. русская дипломатическая сеть на Балканах, и особенно в Османской империи, играла незаменимую роль в снабжении Главного штаба и штаба Действующей армии информацией разведывательного характера. Русские консулы осуществляли довольно успешное наблюдение за концентрированием и продвижением османских вооруженных сил на балканском театре военных действий, так что их донесения ясно показывают развертывание сил противника в крепостях Северной Болгарии, а также более незначительное военное присутствие в районе будущей переправы через Дунай.

Также не стоит считать, что консулы недооценивали врага. Хотя в целом они единодушны по поводу плохого состояния османской армии и особенно плачевного положения редифа, они отмечали наличие современного вооружения и возможностей создания успешной обороны против русского наступления. Из всего этого следует, что русские дипломаты пользовались широкой сетью местных агентов, чьи имена редко присутствуют в источниках. По понятным причинам важнейшую роль в разведывательной деятельности России перед предстоящей войной играли консулы придунайских городов Рушук, Варна, Измаил, Галац и Тульча, которые имели возможность непосредственного наблюдения за османской военной активностью в землях Северной Болгарии и по реке Дунай. Именно они поддерживали непосредственную связь со штабом армии в Кишиневе и с отдельными офицерами, присланными их командованием для разведывательных миссий. Например, консул Кожевников обеспечивал прикрытия и содействие полковнику Паренсову во время его тайного пребывания в Рушук в январе 1877 г. с целью подробного изучения османских укреплений [16. С. 154–163]. В то же время консулы в Галаце и Измаиле оказывали помощь русскому капитану флота М. П. Новосельскому, посланному в Румынию, чтобы наблюдать за турецким флотом на реке Дунай [5. Ф. 846. Оп. 16. Ед. 7629. Л. 170].

Получение информации посредством сети дипломатических представительств было не единственной формой разведывательной деятельности, находящейся в распоряжении русского штаба. С декабря 1876 г. в землях Северной Болгарии началась вербовка агентов среди местного болгарского населения, которые впоследствии посылали сведения резидентам Генштаба в Бухаресте, офицерам П. Д. Паренсову и Г. И. Бобрикову [12. С. 7–10; 17. С. 7]. Существовавшие консульско-дипломатические каналы все же могут быть указаны как самые эффективные источники секретной информации накануне войны, так как они обеспечивали гораздо более обширным и регулярным потоком сведений, который

на практике продолжал идти вплоть до самого объявления войны и отзыва русских консулов из Османской империи, а те консулы, которые были резидентами в соседних христианских государствах, продолжали осуществлять разведывательную деятельность и во время самой войны.

Благодаря разведке и не в последнюю очередь предоставленным консулами сведениям, Россия вступила в войну с Османской империей, имея хорошее представление о численности и расположении сил противника, успешно разгадав и оборонительную стратегию, которой намеревалась придерживаться Порты. Русский Генштаб обладал довольно подробными сведениями и об османском флоте на реке Дунай. Это, в свою очередь, позволило русским стратегам выбрать самое благоприятное направление для наступления, достичь преимущества, форсируя Дунай при Свиштове, за которым последовали бесспорные успехи русской армии на начальном этапе войны. В качестве недостатка разведывательной деятельности в месяцы, предшествовавшие конфликту, можно указать тот факт, что Россия не сумела создать на османской территории достаточно широкую тайную агентурную сеть, которая продолжала бы работать и после отзыва русских консулов.

Перевод с болгарского А. С. Добычиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выписка из письма полковника М. Милорадовича русскому торговому консулу в Венеции Д. Ф. Боцису об антиосманском восстании в Черногории, Герцеговине и Албании // Российский государственный архив древних актов. Ф. 86. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 5–8об.
2. Русия и българското национално-освободително движение 1856–1877. София, 1987. Т. 1. Ч. 1.
3. Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи. М., 2010.
4. Схиммельпэнник ван дер Ойе Д. Д. А. Милютин и военная разведка России // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008.
5. Российский государственный военно-исторический архив.
6. Митев Й. Сведения на руския генерален консул в Русе за турските войски в Дунавския вилает в навечерието на Освободителната война // Известия на Института за военна история и Военно-историческото научно дружество. София, 1987. Т. 43.
7. Митев Й. Докладите на руските консули в Одрин, Пловдив, Русе и Солун за Априлското въстание 1876 г. // Юбилеен сборник в чест на академик Димитър Косев. София, 1985.
8. Цехмистренко С. П. Греция, Россия и Восточный кризис 1875–1878 гг. М., 2013.
9. Българско национално-революционно движение 1868–1874. Чуждестранни документи. София, 1992. Т. 2.
10. Жейнов И. Документи от Архива на външната политика на Руската империя за дейността на генералното консулство на Русия в Русе (1865–1877 г.). Русе, 2009.
11. Димитров Ф. По въпроса за използването на български за разузнавателна дейност в навечерието на Освободителната Руско-турска война 1877–78 г. // Военно-исторически сборник. 1959. № 2.
12. Тодоров Г. Ролята на българите в руското разузнаване през Освободителната Руско-турска война (1877–1878) // Известия на института за история. 1960. № 9.
13. Дойнов С. Участието на българския народ във войната // Руско-турската освободителна война 1877–1878. Сборник статии по някои проблеми на войната. София, 1977.
14. Български исторически архив към Народна библиотека Св. Св. Кирил и Методий (НБКМ-БИА).
15. Köremezli İ. Shpion vs. Casus: Ottoman and Russian Intelligence in the Balkans during the Crimean War (1853–56) // Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 50. № 2.
16. Централен държавен архив на България – Колекция микрофилми (ЦДА-КМФ) 09.
17. Паресов П. Д. Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба. СПб., 1901. Т. 1.
18. Добрев Д. Организация, форми и способности на разузнаването в Руско-турската освободителна война 1877–1878 г. // Военно-исторически сборник. 1981. № 2.

© 2017 г. Я.В. ВИШНЯКОВ

СЕРБЫ В РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Автор на основе малоизвестных документов фондов Российского государственного военно-исторического архива, раскрывает нюансы формирования, а также обстоятельства межнационального конфликта в сербском добровольческом корпусе, сформированном в 1916 г. В статье подчеркивается, что взаимоотношения сербов, хорватов и словенцев внутри добровольческого корпуса, являя собой пример микромира, прекрасно иллюстрируют предопределение будущей печальной судьбы югославского государства и его армии, изначально, еще до своего официального оформления, обреченных на развал.

The author, using less known units of the Russian State Military-Historical Archive, demonstrates the nuances of how an inter-ethnic conflict in the Serbian Volunteer Corp, formed in 1916, did emerge. It is underlined, that relations between the Serbs, Croats and Slovenians within the Volunteer Corp were like a microcosm, and could serve as an illustration of the future sad destiny of the Yugoslav state and its army, doomed to fall apart long before their official creation.

Ключевые слова: Первая мировая война, Добруджа, Сербия, Сербский добровольческий корпус, М. Живкович, А. М. Зайончковский

Keywords: World War One, Dobruja, Serbia, Serbian Volunteer Corp, M. Živković, Andrei Zayonchkovski.

Исследование вопроса об участии сербских и югославянских добровольцев в боях стран Антанты и их союзников против Австро-Венгрии и Германии получило широкое освещение в трудах отечественных и зарубежных, прежде всего сербских, историков. Кроме того, в научный оборот вовлечен значительный корпус документов, освещающих их роль в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны (см. [1–7]). В России добровольческие формирования югославян, прежде всего сербов, куда вступали, как находившиеся здесь сербы, но главным образом пленные и дезертиры из австро-венгерской армии, стали формироваться с конца 1914 – начала 1915 г.¹ Изначально эти отряды предполагалось перебросить по Дунаю в Сербию для пополнения рядов ее армии, но после поражения последней осенью 1915 г. работу по формированию сербских добровольческих частей решено было продолжить для их использования на Юго-Западном фронте. В этой связи интерес исследователей

Вишняков Ярослав Валерианович – д-р ист. наук, профессор МГИМО (У) МИД России

¹ Российский историк В. В. Зеленин отмечал, что «к сентябрю 1917 г. в России было около 2 миллионов военнопленных, из которых почти 80% – солдаты и офицеры австро-венгерской армии, в том числе более 300 тысяч югославян». [5. С. 8–9].

к деятельности «интернациональных» воинских формирований, составленных из солдат и офицеров, еще недавно воевавших на стороне противника, вполне закономерен, поскольку позволяет поставить общий вопрос о целесообразности, а главное эффективности, их использования против стороны, за которую они еще не так давно проливали кровь.

Всего в течение 1916–1917 гг., по данным сербских историков, через этот корпус прошли около 70 тыс. движимых, как они замечают, стремлением к национальному освобождению добровольцев, хотя из-за плохой организации и различных проволочек при его создании, изначально он принял меньше людей, чем изъявивших желание вступить в его ряды [З. С. 293; 8. С. 128]. Тем не менее, на мой взгляд, эти данные выглядят существенно завышенными. При формировании Первой сербской дивизии призыв вступать в ее ряды, как показывают документы Российского военно-исторического архива (РГВИА), не вызывал массового энтузиазма у военнопленных. Так, например, Смоленский предводитель дворянства князь Урусов 10 октября 1916 г. писал М. В. Алексею: «При обмене мнений на заседании Собрании г.г. предводителей и депутатов дворянства, имевшем место быть 8 октября 1916 г., выяснились некоторые обстоятельства, свидетельствующие о ненадежности громадного большинства пленнх, вызванных для формирования сербских контингентов, так, например, при опросе, произведенном в одном из уездов при посредстве лица, владеющего сербским языком, из 118 пленнх югославян только 4 высказали свое желание сражаться за Сербию (2 учителя и 2 студента), остальные, даже после горячей речи, обращенной к ним названными лицами, категорически отказались, и, возражая убеждавшим их товарищам, говорили: “Нас уже опрашивал сербский офицер в Дарницком лагере, и мы тогда уже отказались, так как мы не можем сражаться против войск, в рядах которых находятся наши близкие, помимо сего, если будет обнаружено наше пребывание в рядах русских войск, нашим семьям на Родине не жить”. Подобное же настроение наблюдалось и в других уездах, где поголовного опроса не производилось. Признавая всю важность этих обстоятельств, г.г. предводители и депутаты дворянства сочли своим патриотическим долгом просить меня довести о сем до сведения Вашего Высокопревосходительства» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 483].

Действительно, многие из пленнх высказывали нежелание поступать в сербские полки из-за вполне понятного опасения за судьбу своих семей, проживавших на территории двуединой монархии. Служба в корпусе автоматически делала их предателями и дезертирами со всеми вытекающими последствиями, как для них самих, так и для их ближайших родственников. Однако отказ поступать в формируемое подразделение имел под собой и вполне прагматические основания. Многие пленные югославыне — хорваты и словенцы по отношению к другим военнопленным — австрийцам и немцам находились в более привилегированном положении, выполняя в глубоком тылу несложные сельскохозяйственные работы и имея весьма сносные условия существования. По словам генерала Эбелова², «будучи хорошо обставлены на полевых работах у сельских хозяев, которые, дорожа рабочей силой не могли охотно пойти на лишение рабочих рук в страдную для хозяйства пору ликвидации урожая, военнопленные из югославян

² Эбелов Михаил Исаевич (1855–1919) — генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны занимал должность Главного начальника Одесского военного округа. В 1919 г. был расстрелян большевиками.

отказывались, за редким исключением, менять свое обеспеченное положение на тяготы военного похода». Имея в виду это обстоятельство, генерал Эбелов отдал ошибочное, как оказалось впоследствии, распоряжение собрать всех, без различия национальностей, пленных югославян в Одессе, поскольку, как ему казалось, «здесь, среди добровольцев, уже согласившихся стать под сербское знамя, под влиянием патриотически настроенных коренных сербских офицеров, нужно было ожидать лучшего результата вербовки» [7. С. 116]. Все эти обстоятельства, как мы увидим далее, наложившись на революционные события 1917 г., стали роковыми для дальнейшей судьбы этого формирования.

Первую сербскую дивизию было намечено сформировать в феврале 1916 г., специально прислав для ее управления офицеров с острова Корфу. Как доносил представитель сербской армии при штабе верховного главнокомандующего полковник Б. Лонткевич, «зачислено на формирование сербских полков около 17 000 нижних чинов и до 70 офицеров. Для замещения командных должностей выписаны офицеры из Сербии». [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 20–20об.]. Во главе ее был поставлен полковник Стеван Хаджич, а начальником штаба стал подполковник Воин Максимович³. Русское командование при этом рассматривало формируемую Первую дивизию, как самостоятельное воинское подразделение, признавая «необходимым придержаться сербской организации, несмотря на значительную особенность последней по сравнению с нашей» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 18–20]. Таким образом, в основу ее комплектации были положены принципы, принятые в сербских вооруженных силах, при том что сама она, для удобства управления, была скомплектована по штатам дивизии, принятым в русской армии, а именно — в составе четырех полков, состоящих в свою очередь из трех батальонов. Помимо этого стал формироваться и сербский запасной батальон. Снабдить Первую сербскую дивизию предполагалось австрийскими винтовками и пулеметами, также принятыми на вооружение в сербской армии, с чем, однако, возникли определенные сложности. На начало января 1916 г. согласно рапорта начальника артиллерийского снабжения Юго-Западного фронта, «в запасах фронта» имелось всего лишь три исправных австрийских пулемета и 9 000 000 австрийских патронов». «Последние, — отмечалось в рапорте, — могут расходоваться лишь по указанию Главнокомандующего» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 5]. Сложности возникли и при обеспечении Первой дивизии лошадьми и артиллерией. При этом российское правительство выделило на обустройство штаба Первой сербской дивизии весьма значительную сумму: «На заведение необходимого, но не предусмотренного табелями имущества полагать бы отпустить из военного фонда управлению сербской пехотной дивизии 2000 руб. и сербскому запасному батальону 1200 руб., а всего 3 200 руб.» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 18–20]. Кроме того, в состав формируемой дивизии были включены и русские военные чины, прежде всего технический, медицинский и ветеринарный персонал, и придана пулеметная команда. В середине мая 1916 г. свежесформированное подразделение осмотрел, во время визита в Россию, сербский премьер-министр Никола Пашич, а вскоре и сам русский император Николай II, что говорит не только о военном, но в большей степени политическом значении, которое придавалось этим новым сербским полкам, особенно после героического перехода сербской армии через горы Албании

³ См. [6. С. 27]. Максимович Воин (1876–1942) впоследствии стал известным сербским генералом, профессором военной академии, редактором газеты «Воин».

и Черногории с последовавшей затем ее эвакуацией на о. Корфу и переброской ее сильно поредевших частей на Салоникский фронт.

В этом аспекте формируемый Сербский корпус рассматривался как единственный ресурс «в руках сербского правительства при возвращении его на родину, где все мужское население в возрасте военнообязанных истреблено швабо-болгарами» [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 82]. В декабре 1916 г. Сербская королевская миссия в секретной записке о Сербии отмечала: «Сербская армия на Солунском фронте представляет незначительную силу, приблизительно 60 000 штыков. Своим участием в военных действиях она ежедневно тает» [7. С. 117, 122]⁴. Значительные потери сербская армия понесла осенью 1916 г. в ходе Битольской операции. По сведениям сербского военного историка Д. Денды за 1916 г., в ходе боев на Салоникском фронте из строя выбыли 27 965 сербских солдат, из которых 7208 умерли от болезней [10. С. 69]. Еще в начале января 1917 г. через северный русский порт Романов (Архангельск) в Салоники были отправлены 28 офицеров и 1157 нижних чинов. В конце августа 1917 г. из того же Архангельска предполагалось отправить еще 266 офицеров и чиновников и 2880 нижних чинов — добровольцев второй дивизии. При этом отправке в Салоники подлежал исключительно личный состав корпуса, без обоза, лошадей и оружия, которые надлежало сдать в Архангельске [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 451. Л. 4–11].

К середине лета 1916 г. комплектование Первой сербской дивизии было в основном завершено, а саму ее расквартировали в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье). Однако, несмотря на проведенные торжественные смотры, боеспособность сербов русским командованием ставилась под сомнение, причем не только по чисто военным характеристикам. В апреле 1916 г. штаб Юго-Западного фронта показательно подчеркивал, что «сербскую же дивизию, формируемую из военнопленных, принимать в расчет пока нельзя, так как она может быть вполне пригодной к бою не по окончании ее формирования и обучения, а по выяснении надежности личного состава, как офицерского, так и нижних чинов, на что потребуются известное время» [9. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 342]. Но в условиях войны времени на выяснение «надежности личного состава» не оказалось, а в первоначальные планы будущего использования частей корпуса пришлось внести существенные коррективы. Формируемым сербским частям уже скоро суждено было принять первое боевое крещение в боях за Добруджу, причем в составе отдельного 47-го корпуса русской армии под командованием генерала А. М. Зайончковского. На решение Ставки о посылке Первой сербской дивизии на фронт в Добруджу, видимо, повлияла успокоительная телеграмма генерала Н. А. Маркса⁵ — горячего сторонника формирования сербской добровольческой дивизии: «Я близко интересовался составом сербской дивизии, бывал в лагере, собрании на учениях, приглашал к себе. Все полковые, батальонные и половина ротных — сербы с Корфу, остальные офицеры из военнопленных, большинство пошло, по-видимому, чтобы улучшить свое положение, и весть о походе не была принята с тем восторгом, с каким откликнулись коренные офицеры, однако

⁴ Эти данные разнятся с цифрами, принятыми в сербской историографии. Видные сербские историки, такие, как В. Дедиер, М. Экмечич, А. Митрович, указывали, не сильно расходясь в цифрах, что на Салоникском фронте к концу 1916 г. находилась около 130–150 тысяч солдат и офицеров.

⁵ Маркс Никандр Александрович (1861–1921) — генерал-лейтенант, начальник штаба одесского военного округа.

вполне можно рассчитывать, что против болгар, за возможным случайным исключением, весь офицерский корпус пойдет охотно. Я говорил перед уходом штаба дивизии с Хаджичем, он спокоен за состав вполне, но добавил, что в случае чего по первому же колеблющемуся пошлет пулю в лоб. Из дивизии Хаджичем было удалено три офицера, не подходивших по своим общеславянским идеям к роли сербского офицера. Эти лица, вследствие ходатайства сербского посланника, не возвращены в лагерь военнопленных, а переданы в распоряжение сербской миссии. Затем, перед самым отъездом, было отчислено 6 офицеров, которые по обследованию оказались подозрительными, наконец, была обнаружена цензурой ненадежность одного офицера, высказавшегося иронически о присяге в письме; он лишен звания и выслан в Пермь. Что касается нижних чинов, то сложившееся в обществе недоверие едва ли имеет основание. Солдаты оживленно приветствовали поход и командиры частей убеждены в их добросовестности. В дивизию шли лишь те, кто не боялся за семью и имущество, то же убеждение вынес и наш артиллерийский полковник, формирующий пулеметные команды, где все офицеры коренные сербы, а нижние чины из бывших военнопленных. Случаи дезертирства были – за три месяца 83 человека; некоторые вернулись, объяснив, что ходили подработать. Единственное серьезное нарушение дисциплины имело место в третьем полку. Солдаты заявили офицеру, что они не будут исполнять его требований, как незаконных. Офицер этот из военнопленных был слишком строг и пересаливал на учениях, задерживая дольше других. Солдаты преданы полковому. Дело ныне перешло, согласно утвержденного ставкой порядка, в Военно-Окружной суд. Виновные в тюрьме. Мое личное мнение, что при успешном движении вперед русских сил дивизия при отличном кадровом составе коренных офицеров втянется в боевую работу» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 127–128].

Тогда же, летом 1916 г., вследствие ходатайства полковника С. Хаджича, было принято решение о формировании Второй сербской добровольческой дивизии, которую, в свою очередь, было решено свести с Первой в единый сербский корпус под командованием генерала М. Живковича, поставленного на эту должность 29 июля 1916 г. Работа по формированию корпуса шла довольно активно, причем подготовительные мероприятия по формированию Второй дивизии стали проводиться еще до прибытия в Россию Живковича и офицеров сербской армии. «Помощник начальника первой сербской дивизии генерального штаба полковник Кушакович, оставленный Начальником названной дивизии в Одессе для формирования запасного Сербского батальона, сообщил, что с острова Корфу 31 июля и 2 августа выехали в Одессу, согласно указанию королевского сербского военного министра, для формирования корпусного штаба и второй сербской дивизии генерал Живкович и офицеры. Одновременно сербский военный министр приказал полковнику Кушаковичу, не выжидая прибытия офицеров теперь же начать формирование временного штаба второй сербской дивизии», – говорилось в донесении штаба Юго-Западного фронта в августе 1916 г. [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 175].

Я, в рамках данной небольшой статьи, не буду останавливаться на подробном разборе добруджанских боев. Отмечу лишь, что общим обстоятельствам подготовки и хода этой операции посвящена обширная и весьма информативная статья российского историка В. Б. Каширина «Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году». В современной отечественной историографии эта работа стала фактически первой, раскрывающей как нюансы

проведения данной операции, так и причины неудачи, постигшей российские войска. Автор при этом справедливо отмечает, что история участия России в боях в Добрудже заслуживает написания отдельного монографического исследования [11]. Вместе с тем сербская дивизия в этих боях показала, в отличие от румын, пример мужества и героизма, а ее потери составили около 80% личного состава. Так, в период с 25 августа по 16 октября 1916 г., из 19 000 человек Первой дивизии сербы потеряли убитыми и ранеными 231 офицера и 8996 нижних чинов⁶. Мужество сербских солдат не осталось незамеченным. Николай II и сербский монарх Петр Карагеоргиевич передали через генерала Зайончковского особую благодарность и восхищение подвигом сербской дивизии [2. С. 72–73]. Сам же командующий 47-м корпусом ходатайствовал перед Ставкой о производстве ее командира полковника С. Хаджича в генералы [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 228].

Такие большие потери среди сербов объясняются в том числе и тем, что они не получили своевременного пополнения. К началу сентября в Добруджу на пополнение рядов первой сербской дивизии было послано всего 2000 человек и 16 офицеров. А. М. Зайончковский же, подчеркивая в телеграммах, что «одними высокими качествами русско-сербских войск, без большого количества штыков, здесь ничего не поделаешь» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 218], требовал новых подкреплений, причем не только рядового, а главным образом офицерского состава высшего и среднего звена. В телеграмме от 6 сентября 1916 г. он писал: «Доблестная сербская дивизия, ведя непрерывные упорные бои, понесла огромные потери, особенно в кадровых офицерах. Дабы сохранить ту же силу и тот же доблестный дух дивизии, очень прошу экстренно прислать из кадровых сербских офицеров, прибывших с Корфу, одного командира бригады, одного командира полка, четырех командиров батальонов, и двенадцать ротных командиров» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 226]. Кроме этого, не имея возможности вывести сербскую дивизию в тыл, командир 47-го корпуса требовал немедленно прислать в сербскую дивизию еще 4000 солдат, причем за счет добровольцев формируемой Второй дивизии. Не случайно 17 сентября 1916 г. Зайончковский послал в штаб Юго-Западного фронта следующую короткую телеграмму: «Пока вторая дивизия будет сформирована, первая будет уже уничтожена» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 199]. В других телеграммах он резюмировал: «Полагаю, что лучше иметь одну цельную дивизию, чем две, неспособных к бою, тем более, что Первая сербская дивизия уже имеет свою отличную боевую спайку» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 233]. Штаб Юго-Западного фронта, тем не менее, воздержался от этого шага, и намеченных подкреплений, в том числе и необходимого числа офицеров высшего и среднего звена Первая сербская дивизия не получила. Русское командование приняло решение о продолжении скорейшего формирования Второй сербской дивизии, тем более, что к 31 августа 1916 г., когда Первая сербская дивизия уже вела активные боевые действия под Добруджей, «в запасном батальоне, и для пополнения возможных потерь 1-й дивизии, и для формирования V-го и VI-го полков имелось всего 2706 человек, еще не вполне испытанных, хотя и приведенных наспех к присяге сербскому королю» [9. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 14]. Именно эти две тысячи человек, как мы упоминали выше,

⁶ В ходе боев в Добрудже Первая сербская дивизия потеряла убитыми 35 офицеров, ранеными 195 и одного без вести пропавшего. Нижних чинов было убито 684, ранено 6048, пропавших без вести 2264 (см. [9. Ф.1837. Оп.1. Д. 425. Л. 299; 12].

в начале сентября были отправлены на фронт для пополнения рядов Первой сербской дивизии.

При этом Ставка и лично Николай II в начале сентября 1916 г. отдали особое распоряжение — «принять энергичные и быстрые меры по формированию Второй сербской дивизии. Дивизия эта формируется в Одессе из югославян, именно: сербов всех местностей и вероисповедований, хорватов и словенцев, показавших уже себя с самой лучшей стороны на Добруджанском фронте. Судя по поступившим уже в штаб дивизии письменным заявлениям, имеется весьма значительное количество пленных югославян, желающих вступить в ряды сербской добровольческой дивизии, и наиболее верным способом осуществления Августейшей воли был бы, по-видимому, безотлагательный вызов всех военнопленных югославян указанных выше народностей, находящихся в различных предприятиях в распоряжении земских управ и частновладельческих экономиях, к местным уездным воинским начальникам и командирование в управление каждого из них офицера сербской дивизии для опроса желающих вступить в ряды дивизии и немедленного доставления их в Одессу, направляя офицеров-приемщиков из Одессы в соответствующие окружные штабы для дальнейшего отправления по назначению распоряжением этих последних» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 177]. Именно поэтому Д. Кушакович, по поводу просьбы Зайончковского, в телеграмме, направленной 9 сентября 1916 г. на имя помощника начальника штаба Одесского округа, отмечал: «Действительные сербские офицеры, прибывающие с Корфу, назначены в состав II Сербской добровольческой дивизии и таковых будет гораздо меньше, чем было в I-й Сербской добровольческой дивизии при ее формировании, но все-таки можно ставить в распоряжение начальника I-й добровольческой дивизии из действительных офицеров: одного полковника (командовавший пехотной бригады), одного полковника (кавалерии, командовавший кавалерийским полком и пехотным отрядом), одного пехотного подполковника и одного майора, которые придут на днях. На пополнение I-й Сербской добровольческой дивизии отправлено из запасного батальона 1 сентября 16 запасных офицеров и 2000 нижних чинов. Прошу предписать начальнику I-й Сербской добровольческой дивизии рассчитывать только на это число нижних чинов и офицеров, которые теперь имеются в его распоряжении и вышепоименованных действительной службы, четырех штаб-офицеров, которые будут посланы начальнику I-й Сербской добровольческой дивизии, тот час по прибытии» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 221–221об.].

Замечу, что тогда же, в августе 1916 г., стали ощущаться первые трудности с вербовкой новых добровольцев во Вторую дивизию, в начале осени 1916 г. во Второй сербской дивизии стали наблюдаться частые случаи нарушения воинской дисциплины. Как следует из рапорта ее командира, полковника Дмитриевича Главному начальнику Одесского военного округа от 31 октября 1916 г., «некоторые скверные солдаты продают некоторые вещи своего солдатского снаряжения». И хотя, по его словам, «предпринято все, чтобы это больше не повторялось», тем не менее, он настоятельно просил русские военные власти выдать специальное распоряжение, «чтобы не смело ни одно гражданское лицо покупать от солдат их солдатские вещи, их солдатское снаряжение ни под каким видом, и что всякое пойманное лицо со стороны властей будет самым строгим образом наказываться» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 286]. Кроме того, согласно справке по судному отделению Штаба Одесского военного округа, с 17 августа по 27 ноября 1916 г. из Второй сербской дивизии

самовольно отлучились 250 человек, причем характерно, что 165 случаев из этого числа произошло именно в ноябре, что, как мы увидим далее, было далеко не случайно [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 317].

Первоначально Первая дивизия была отведена в Измаил на перекомплектование. 20 ноября 1916 г. в телеграмме на имя начальника штаба Одесского военного округа полковник Хаджич сообщал: «Некомплект оружия в сей дивизии следующий: винтовок 6969, карабинов 298, сабель 294, револьверов 494, пулеметов 29, седел 79, лошадей верховых 115 и обозных 126, повозок 5, патронных двуколок 6, кинжалов 276 и 2 кухни. В I сербском артиллерийском дивизионе некомплект 390 лошадей, вьючных артиллерийских — 25, двуколок с упряжью — 5» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 458. Л. 4]. Всего к середине ноября 1916 г. в Измаиле в составе Первой сербской дивизии находились 418 офицеров и 10 735 нижних чинов. За ней числилось 3680 лошадей, 718 парных повозок, 628 двуколок, 13 орудий, 48 зарядных ящиков, один автомобиль, две мотоциклетки и 93 вола [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 458. Л. 7]. К началу декабря 1916 г. Первая сербская дивизия была окончательно отведена в тыл и расквартирована в районе Одесса—Вознесенск—Березовка. Всего, по данным на февраль 1917 г., в двух дивизиях находилось: из сербской армии прибыли — 72 штаб- и 104 обер-офицеров, 1 генерал (это сам М. Живкович) и 176 офицеров, добровольцев-офицеров из военнопленных в корпусе служили 661 человек. Всего же в 1-й дивизии было 470 офицеров, во 2-й дивизии — 256, еще 82 офицера служили в запасном и 30 — в корпусном управлении [7. С. 223].

Вместе с тем поражение под Добруджей отрицательно сказалось на моральном состоянии рядовых солдат — участников боев, что явилось одной из существенных причин падения боеспособности этого соединения и начавшихся вскоре там беспорядков. «После разгрома 1-й дивизии все те раненые добровольцы, у которых был такой прелестный дух, не только не выражали желания идти на фронт, но открыто говорили, что они поступили добровольцами, желая бороться на границах своего отечества, а не усеивать своими костями Добруджу», — говорилось в рапорте генерала Чистякова, направленного в конце 1916 г. штабом Юго-Западного фронта проверить сербские полки [7. С. 173]. Кроме того, их рассказы об ужасах добруджанских боев вызвали брожения среди вновь поступивших добровольцев второй дивизии — прежде всего хорватов и словенцев, не желавших идти на фронт. Так, например, 22 октября 1916 г. в 4-ю роту V полка явились три беглых нижних чина 1-й дивизии и стали рассказывать «об ужасах боев и колоссальнейших потерях дивизии в Добрудже. Среди большинства людей 4-й роты (главн. образом хорватов и словенцев) начались разговоры о том, что если должны погибнуть во что бы то ни стало, то лучше погибнуть здесь, в Одессе» [7. С. 173]. В конце ноября 1916 г. командир Второй дивизии полковник Димитриевич направил генералу Живковичу рапорт о попытке дезертирства солдат, в котором четко прослеживается паническое настроение, царившее в казармах сербских дивизий после добруджанских боев, усугубляемое к тому же самыми невероятными слухами. «В третьем батальоне 7-го пех. полка между 8 и 9 ноября с.г. случилось совместное удаление из команды, сделанное 1 фельдфебелем, 4 младшими унт. офицерами, 17 ефрейторами и 196 рядовыми разных рот этого батальона. Удаление приготовлено агитацией с этим паролем:

1) Русские власти принимают дезертиров и возвращают их на прежние места, откуда и прибыли;

2) Существует приказ по сербскому корпусу, чтобы инвалидов, которые не имеют семейства в России, возвратить на позицию и там застрелить, чтобы дольше не мучились;

3) Германцы, без сомнения, победят;

4) Сербия и Румыния побеждены и не будут больше существовать как самостоятельные государства;

5) Китай объявил войну России и выставил против нее 5 мил. людей;

6) Семейства добровольцев будут уничтожены;

7) Большинство офицеров примкнет к беженцам.

Около 10 часов вечера эти люди, хотя заблаговременно было известно об их намерении удалиться и приняты нужные меры, все-таки успели выйти из деревни и направились к Одессе. Казаки, посланные за ними, настигнув их в поле, угрозой оружием, успели вернуть их в деревню, где их засадили под арест. Кроме этих собиралось уйти еще 2 с половиной взвода, но им не удалось уйти. При этом один из беженцев бранил одного добровольца. Найдено также несколько патронов, неизвестно кому принадлежавших» [7. С. 197].

Чтобы исправить положение с комплектованием корпуса, его командование прибегло к нестандартным мерам. При корпусе появилось особое учреждение – воспитательная команда. Полковник Кушакович в рапорте, отправленном начальнику штаба Одесского военного округа 7 ноября 1916 г., объяснил необходимость создания подобного учреждения следующим образом: «Формирование II дивизии показало, что большой процент военнопленных югославы охотно вступают в ряды Сербского добровольческого корпуса после полного и всестороннего их осведомления о целях и задачах югославянского добровольческого движения. Но помещения и условия, в которых пришлось работать при формировании II дивизии, показали, что необходимо принимать прибывающих военнопленных в особом помещении, осведомлять их и после изъявления ими согласия передавать их в роты запасного батальона. Ввиду изложенного мною сделано распоряжение о переводе чинов запасного батальона, которые принимали прибывающие транспорты, в казармы пробочного завода – в воспитательную команду. Там военнопленные будут воспитываться в национальном духе от 8 до 30 дней, после чего упорствующие будут передаваться воинскому начальнику для возвращения их обратно в плен. Как видно, воспитательная команда не есть новая часть, а тот же самый запасной батальон, с одной лишь разницей, что он впредь будет продолжать свою работу по принятию добровольцев в самостоятельном, отдельном помещении» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 506]. Однако вскоре до российских военных властей стали доходить сведения о том, каким именно образом вновь прибывшие добровольцы воспитывались в этом учреждении «в национальном духе». В январе 1917 г. Штаб Одесского военного округа получил следующую телеграмму из Петрограда: «В штаб Верховного Главнокомандующего поступило заявление австрийских военнопленных хорватов и словенцев, состоящих в третьей роте шестого полка, которые жалуются на то, что они по принуждению должны были вступить в Сербские добровольческие части, причем указывают, что они не знают, для какой цели там находятся, так как еще в мирное время были злейшими врагами сербов, и заявляют, что они никогда не забудут дурного обращения с ними в Одессе; сербы их били прикладами и многих забили до смерти. Далее говорится, что они поклялись воспользоваться правом просьбы о расследовании и помощи, путем отправления их

на работы и указанием на то, что они были и будут австрийскими патриотами, а с сербами останутся навеки злейшими врагами» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 116]. Пик беспорядков пришелся на 23 октября 1916 г., когда «в ходе драки в казарме 1-го батальона 5-го пехотного полка 2-й сербской добровольческой дивизии между вновь прибывшими добровольцами разных юго-славянских народностей на почве религиозной розни и политических взглядов», была сделана попытка захватить оружие. И хотя она не удалась, «в происшедшей при этом свалке оказалось тринадцать человек убитых и задавленных и трое раненых».

Вопрос об избивениях при агитации к вступлению в его ряды получил общественный резонанс после того, как поручик 3-го полка Первой сербской дивизии словенец Гаспар Пекле поделился этими сведениями с редактором газеты «Югославия» Г. Тумой. На основании полученных сведений, 31 октября 1916 г. Л. Тума вместе с также находившимся в тот момент в России хорватским публицистом, основателем общества «Юрий Крижанич» К. Геруцем, направили соответствующее письмо тогдашнему министру иностранных дел России Б. В. Штюмеру, в котором не только указывались случаи избивения добровольцев сербскими офицерами, но и подчеркивалось стремление югославян служить не в чисто сербском, а именно в «югославском» батальоне [9. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 6–7]⁷.

Российские власти вынуждены были реагировать. 3 (16) ноября 1916 г. министр иностранных дел Штюмер обратился к Алексееву с просьбой провести следствие по данному вопросу, ведение которого было поручено уже упоминавшемуся генерал-лейтенанту С. Д. Чистякову [7. С. 149]. Сделанные им выводы были весьма категоричны. «Случайно собранная масса естественно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не “сербы”, а католики, и до того, к чему стремятся сербы им дела нет», — отмечал он в рапорте, и далее резюмировал: «Последние явления имели место среди югославян, которые отказывались от поступления в сербский добровольческий корпус, в более или менее резкой форме, с большим или меньшим влиянием на остальных, прибывших с ними югославян. Побои проводились самими же солдатами (действительными добровольцами) в отсутствии офицеров, главным образом по ночам. Избивались хорваты и словенцы, наиболее враждебно настроенные против сербов. Бывали случаи, что сами караульные били и отбирали деньги у арестованных» [7. С. 202].

Отметим, что заявления о творившихся во Второй сербской дивизии бесчинствах поступали в том числе и от русских чинов, которые помимо этого подчеркивали пренебрежительное отношение ее офицеров к российским военным служащим и чиновникам. Так, квартирмейстер пехотного полка Второй дивизии доносил о поведении сербских офицеров при переводе в Орехов. Командир полка приказал поручику Паичу обеспечить офицеров квартирами в Орехове. «По прибытии выяснилось, что квартир нет. На вопрос Паичу русскими офицерами, — где наши квартиры? Тот ответил — вы, русские,

⁷ Русско-хорватское общество «Юрий Крижанич», идеей которого было объединение всех славянских народов, было создано в Москве в 1915 г. Помимо Геруца, видными деятелями общества были чех Коничек, хорват И. Гарापич и словенец Г. Тума. В 1916 г. тот же Геруц создал в Москве общество «Югославия», а Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием. О Крунославе Геруце см. подробнее: [13. С. 59–62]. Сам же Пекле, судя по всему, в феврале 1919 г. вступил в ряды чехословацкого корпуса и стал сражаться против советской власти [4. С. 257–258].

ищите сами квартиры. И здесь я заметил полное недоверие и презрение к русским офицерам». Особенно в рапорте отмечалось поведение заведовавшего в Орехове хозяйством капитана Тапасковича, «который славился в полку сильными кулаками и ужасными побоями». «Здесь действовал дисциплинарный порядок. Солдат били, изнуляли голодом, держали зимой в затворе в холодных и сырых погребках, и они, дабы спастись, убегали куда попало. Капитан Тапаскович получил от командира полка полную силу и власть и начал бить всех, как палач, несмотря на нас, русских». Причем поведение этого офицера было оскорбительно не только по отношению к собственным солдатам, но и по отношению к русским чинам: «Когда прихожу к нему с докладом, он тогда встает и кричит, ругаясь (нецензурно. — Я.В.) [...] чего я не достоин как русский чиновник в своей родной земле, перед каким-нибудь гостем», — эмоционально писал тот же русский служащий — квартирмейстер Второй дивизии [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 442. Л. 78–79]⁸.

Показательно в этом смысле еще одно заявление, поданное несколько позже, 16 мая 1917 г., членом РСДРП, старшим врачом 4-го полка Первой сербской дивизии Гавриилом Константиновичем в Совет офицерских и солдатских депутатов г. Одессы. В нем он указал на многочисленные бесчинства, творимые солдатами корпуса по отношению к местному населению, а также на нелестные высказывания офицеров и солдат корпуса по отношению к России и русским. Вывод его был очевиден: корпус — это контрреволюционная структура, в связи с чем его необходимо разоружить, сербских офицеров отправить в Салоники, а солдат в Сибирь на работы. Он подчеркивал: «К русским солдатам и офицерам относились с презрением. Они говорили, что русские офицеры извозчики, а русские солдаты глупые и идиоты и что один сербский солдат стоит 17 русских (это говорили офицеры IV полка, известный чемпион-палач 1-й сербской дивизии майор Хаджич, командир III батальона, подполковник Цветич, командир II батальона, известный пьяница и развратник, поп Гиок Попович, который грабил в Добрудже от румынских крестьян разных продуктов для полка, а продавал полку за деньги)», — отмечал Константинович. В этом же рапорте он особо подчеркивал, что «к революции сербские офицеры относятся враждебно. Они говорят: “арест нынешнего великого покровителя и защитника идеи Великой Сербии есть величайшее несчастье для нас и для сербского народа, и кто арестовал нашего покровителя — это сволочь, совет рабочих и солдатских депутатов, скоро мы им покажем. В этой дряни, (т.е. совете рабочих и солдатских депутатов) находится 3000 шпионов”, — кричал начальник штаба 1-й дивизии Белич» [14. С. 480–483].

В свою очередь, пришедшее к власти в России Временное правительство, подчеркивая экстерриториальность корпуса, решило самоустраниться от решения его будущей судьбы. Эта мысль четко прослеживается в депеше министра иностранных дел П. Н. Милюкова, направленной на Корфу поверенному в делах при сербском правительстве Б. П. Пелехину 14(27) апреля 1917 г: «Считая вопрос об установлении тесных дружественных отношений между сербами и их сородичами хорватами и словенцами, входящим в область внутренней жизни всего сербо-хорвато-словенского народа, мы не находили

---

⁸ 10 ноября 1916 г. в селе Мариинское, где были расквартированы части Сербского корпуса, патруль 1-й роты VII полка нашел убитым около своей квартиры капитана Штольфа. И хотя следствие так и не смогло найти убийц, генерал Чистяков счел необходимым отметить в рапорте, что «можно заключить, что он убит по ошибке вместо к-ра 1-й роты кап. Тапасковича (серб из королевства), весьма требовательного и строгого» [7. С. 74].

бы возможным при настоящей политической обстановке, вмешиваться в него слишком активно, но, конечно, не отказываемся в пределах возможного от примирительной посреднической роли» [14. С. 475]. Такая позиция нового министра, известного болгарофила, имевшего репутацию ненавистника сербов, вызывала серьезные опасения у командования не только за судьбу корпуса, но и за реализацию заветной идеи «Великой Сербии», лишь усиливая в среде сербских офицеров неприятие событий русской революции февраля 1917 г., в том числе из-за приверженности руководства корпуса именно к монархической государственной конструкции будущей Югославии под управлением династии Карагеоргиевичей. Эта идея не соответствовала чаяниям многих офицеров-добровольцев, позитивно отнесшихся к событиям в Петрограде, поскольку их идеалом было создание Югославии по федеративной модели. Так, в меморандуме М. В. Алексею от 21 мая 1917 г., который от имени офицеров и солдат корпуса написали уже упоминаемый Пекле и еще один офицер-доброволец Шовари, прямо указывалось: «Мы, в конце концов, убедились, что мы не служили нашему идеалу, но империалистическим и завоевательным стараниям сербской мегаломании» [4. С. 39].

В этой ситуации будущее корпуса не вызывало никакого оптимизма ни у переживавших хаос русской революции высших российских военных и политических кругов, ни у его солдат и офицеров. К лету 1917 г. дисциплина в корпусе упала до катастрофического уровня, а общее состояние в сербских дивизиях было близко к абсолютной анархии, усугублявшейся межнациональными столкновениями. Так, к маю 1917 г., по сведениям, которые представили русскому командованию прибывшие в Ставку те же Г. Пекле и Шовари, «из сербского добровольческого корпуса вышло до 3 мая около 120 офицеров, 41 юнкер и около 6000 солдат-югославян. Офицеры, исключая 2 сербов, — по национальности хорваты и словенцы» [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 118]. Из этого числа больше половины участвовали в боях за Добруджу [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 118].

Тем не менее, командование корпуса продолжало настаивать на том, что главная причина беспорядков — это деятельность Геруца и Тумы. События русской революции способствовали именно такому простому объяснению произошедших событий, поскольку беспорядки в корпусе оказалось легко «списать» в том числе и на покровительство хорватам бывшего царского министра Штюрмера. Эта мысль прослеживается в меморандуме о беспорядках в корпусе, составленном Живковичем 23 апреля 1917 г., т.е. спустя три месяца после завершения следствия Чистякова. В нем прямо указывалось, что причина конфликта была вызвана «влиянием внешним, которое находится вне сферы влияния корпуса», а «из документов, найденных в архиве бывшего министра Штюрмера, видно, что он старался всеми средствами заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией. В рамках осуществления этого плана входило еще и расформирование Сербского корпуса и Чешко-Словацкой бригады» [7. С. 256–259]. Далее Живкович отметил, что недовольные офицеры, «по данному Геруцем сигналу и под его руководством», выставили определенные условия к командованию корпуса, среди которых были как его переименование в Юго-Славянский, так и отделение «солдат хорватов и словенцев от сербских в отдельные полки, во главе которых будут стоять офицеры только хорватской и словенской народности. На веру должно быть обращено внимание и не смешивать католиков с православными». При этом «этот отряд никогда не должен считаться войском королевства Сербии, но считать его

отдельным революционным войском Югославии», которое не должно впредь участвовать в боях на русском фронте. Живкович подчеркивал, что сербское правительство «пошло навстречу всем поставленным условиям за исключением последнего», а сербскому корпусу было дано название Добровольческий корпус Сербов, Хорватов и Словенцев [7. С. 268–269]. Такое решение было передано Живковичу от имени сербского военного министра Терзича. При этом в нем особо подчеркивалось, что «имя “Югославия” официально не будет применяться, ибо болгары, хотя и югославыне, но не с нами. Таким образом будут все удовлетворены, ибо сохраняется имя своих народов и племен. Если хорваты либо словенцы не довольны и желают выйти, передайте их русским военным властям для поступления с ними по усмотрению: либо для возвращения в плен, либо для принятия их в свою армию, а с теми, которые останутся верными, образовать Сербский корпус» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 442. Л. 103].

Развитие ситуации на обломках Российской империи коренным образом повлияло на дальнейшую судьбу этого формирования. Из корпуса начался массовый отток добровольцев и формирование «альтернативных» воинских формирований. 12 июня 1917 г. Гаспар Пекле, находясь в Могилеве, составил обращенное к Верховному главнокомандующему воззвание, в котором указал, что вышедшие из Сербского корпуса «словенцы, хорваты и сербы решили сформировать Югославянский добровольческий отряд, входящий впредь до заключения мира в состав русской армии» [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 166]. В Дарницком лагере военнопленных под Киевом началась агитация за вступление в его ряды. В свою очередь, после двух месяцев вербовки «офицерам-диссидентам» к концу лета 1917 г. удалось собрать в югославянский ударный батальон около 500 человек.

Эти действия вызвали естественный протест главы сербской военной миссии в России полковника Б. Лонткевича и генерала М. Живковича, пытавшихся, в свою очередь, организовать в Дарнице новый набор добровольцев в Сербский корпус, в том числе вновь приняв в его состав тех солдат, которые ранее его покинули. Именно такое поручение получил сотрудник Сербской военной миссии поручик Комненович, который в телеграммах Лонткевичу особо подчеркивал необходимость «ликвидировать эти новые формирования отрядов из югославын, в противном случае это будет иметь деморализующее и разлагающее действие на наши формирования в Одесском округе, а вместе с тем будет убивать престиж Сербии и возложенную на нее политическую миссию» [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 208]. В свою очередь, глава сербской военной миссии в посланной генералу Лукомскому 14 июля 1917 г. телеграмме подчеркивал: «Упомянутые офицеры-диссиденты в свою очередь собирают между пленными добровольцев, будто бы для ударных батальонов, между тем их намерение — формировать отдельный отряд югославын в противоположность уже существующему в Одессе на основании соглашения русского с сербским правительством, добровольческому корпусу сербов, кроатов и словенцев». В этой связи Лонткевич обращался к русскому правительству с просьбой «создать возможность дальнейшего вербования добровольцев из пленных югославын и облегчить эту деятельность уполномоченным органам сербского правительства». Он при этом предлагал признать корпус как единственную «организацию югославын, а именно состоящую под руководством официально существующего югославынского комитета, утвержденного всеми союзниками», а также удалить из Дарницкого лагеря всех бывших офицеров-диссидентов корпуса, тем самым лишив их «возможности своей

злоумышленной и несоответствующей истине агитацией влиять на вновь прибывающих с фронта пленных югославянской национальности, убеждая их не поступать в сербский корпус в Одессе, откуда впоследствии они будут отправляться в Солунь для пополнения сербской армии» [9. Ф. 2003. Оп.1. Д. 686. Л. 204–205].

К началу августа 1917 г. в корпусе из 42 000 солдат осталось лишь около 18 000 человек, большая часть из которых к концу того же месяца по требованию генерала Щербачева должна была быть переброшена на румынский фронт, составив резерв 6-й армии [4. С. 45–46]. Это, однако, неоднократно откладывалось из-за недокомплекта личного состава, и вскоре решение было отменено. Противоречивые распоряжения Ставки вызывали еще большую неразбериху среди руководства корпуса, отрицательно сказываясь на его боеспособности.

Терпению русских военных властей наступил предел. В середине августа 1917 г. генерал-майор Романовский издал распоряжение «всякую агитацию и дальнейшую вербовку» в альтернативные югославянские части прекратить, а сформированный «ударный батальон в 500 человек, включив в состав его офицеров-диссидентов, производивших вербовку, а также 18 человек, дополнительно заявивших комиссии Киевского военного округа о своем желании вступить в этот батальон», немедленно отправить на Юго-Западный фронт. Последующий опрос военнопленных должна была теперь проводить особая комиссия штаба Киевского военного округа при участии поручика Комненовича. Причем, как замечалось в приказе, «сначала вербуются добровольцы в Сербско-Кроато-Словенский добровольческий корпус, вслед за тем, путем опроса вызываются желающие поступить в русскую армию, далее желающие быть зачисленными в рабочие дружины, и, наконец добровольцы для пополнения потерь в ныне существующем ударном батальоне, коему присвоить название “Особый ударный батальон”, не называя его “юго-славянский”». Нежелающие служить должны были быть переведены на положение военнопленных и отправлены во внутренние районы империи, причем в приказе особо подчеркивалось запрещение ношения ими сербской военной формы [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 239–240].

В это же время собственную вербовку добровольцев начала еще одна группа сербских офицеров под руководством полковника А. Срба, к тому времени уже заочно обвиненного на Салоникском процессе по делу тайной офицерской организации «Черная рука» («Объединение или смерть»). Он уже после победы октябрьского восстания, в ноябре–декабре 1917 г., из бывших солдат корпуса сформировал в Одессе батальон численностью около 200 человек, который в марте 1918 г. был переброшен в г. Мариуполь. Сам же Срб в ночь на 27 апреля 1918 г. был убит в Таганроге при до конца не выясненных обстоятельствах. Подразделение Срба возглавил майор М. Благотич, погибший в боях под Казанью. Однако эта тема, равно как и общее участие сербских полков в событиях Гражданской войны 1918–1921 гг., является уже предметом отдельного исследования.

Заметим, что история Сербского корпуса являет собой пример своеобразного «микромира», иллюстрирующего гибельность попыток создания «синтетического югославянства». При этом показательно, что именно в его казармах впервые произошел открытый, подчеркнутый, вооруженный сербо-хорватский конфликт, причем в момент, казалось бы, острой необходимости консолидации усилий двух народов для вооруженной борьбы с общим неприятелем за создание «общего» государства.

Таким образом, уже тогда было очевидно столкновение двух национальных концептов будущего видения формы югославянского государства: либо расширение границ Сербии за счет присоединения к ее территории населенных сербами частей Воеводины, Боснии, Славонии, части Далмации, либо «югосферическое» слияние в рамках общего государства Сербии и Хорватии, что могло произойти лишь в случае полного уничтожения Австро-Венгерской монархии и создания на ее обломках искусственной наднациональной конструкции. К началу 1917 г. курс на создание именно югославской модели будущего государства стал проявляться все более отчетливо, причем не только среди балканских, но и российских политиков.

20 июля 1917 г. на острове Корфу между представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана достаточно компромиссная декларация о создании государства сербов, хорватов и словенцев. Данная «югосферическая» система, в свою очередь, вполне отвечала интересам Англии и Франции, стремившихся в том числе и таким образом нейтрализовать политические амбиции в регионе своих конкурентов — Германии и Италии [7. С. 45–46]. Однако попытки строительства нового «югославского» народа обратились в трагедию двух Югославий XX в. И в этом смысле судьба сербского корпуса, к тому же тесно связанная с развалом Российской империи и становлением нового советского государства, прекрасно иллюстрирует предопределение будущей печальной судьбы Югославии и ее армии, изначально, еще до своего официального оформления, обреченных на развал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954; *Очак И. Д.* Из историје учешћа југославаца у борби за победу совјетске власти у Русији 1917–1921 г. // Октабрска револуција и зарубежне славјанске народи. М., 1957; *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962; Југословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. Београд, 1980; *Лобачева Ј. В.* Србија, Југославјански комитет и сербо-хорвата-словенска емиграција у Америци у 1914–1916 г. // Славјановедение. 2007. № 4; *Лобачева Ј. В.* Југославјанско покретање у Америци у године Прве светске ратне 1914–1918 г. М.; СПб., 2014; *Мицић М.* Незапамћена битка. Српски добровољци у Русији 1914–1918. Ново Милошево, 2016.
2. Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977.
3. *Поповић Н.* Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977.
4. Учество југославјанских радних у Октабрској револуцији и грађанској рату у СССР. Зборник докумената и материјала. М., 1976.
5. *Зеленин В. В.* Под црвеном заставом Октабра. Југославјански интернационалисти у Совјетској Русији 1917–1921. М., 1977.
6. *Петровић И.* Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001.
7. *Вишняков Ј. В., Тимофеев А. Ј., Милорадовић Г.* Армија без државе. Од сербског к југославјанском добровољачком корпусу у Русији во време Прве светске ратне: Сб. док. М., 2014.
8. *Милорадовић Г.* Карантин идеја. Лагера за изолацију «подозрителних лица» у Краљевству серба, хорвата и словенца у 1919–1922 г. М., 2010.
9. Росјански државни војно-историјски архив.
10. *Денда Д.* Росјански савезник на Балкану: сербска армија 1914–1918 г. (Численост, организација, структура, опрема) // Заједно у вековима конфликта. Русија и Србија у XX веку. Сб. радова. М., 2016.
11. *Каширин В. Б.* Поход у Добруджанску степ: еволуција замисли, планирање и подготвка експедиције руских војска за Дунав у 1916 години // *Studia Balkanica* (К јубилеју Р. П. Гришиној). Сб. радова. М., 2010.
12. *Поповић Н.* Губици и српске добровољачке дивизије у борбеним операцијама у Добруци 1916 године. // Војно-историјски гласник. 2012. № 2.
13. *Ващенко М. С.* «Хорватски консул» у Петербургу // Родина. 2010. № 4.
14. *Вишняков Ј. В.* Армија без државе: Сербски добровољачки корпус у Русији 1916–1917 г. // Руски зборник. Истраживања по историји Русије. М., 2015. Т. XVIII.

© 2017 г. А.В. ЗОРИН

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ США ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ИЗГНАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется эволюция политики Соединенных Штатов Америки в отношении чехословацкого эмигрантского движения сопротивления по вопросу признания правительства в изгнании под руководством Эдуарда Бенеша в 1939–1942 гг. Выделяются этапы этой политики и основные сложности в решении чехословацкого вопроса; анализируются позиции американских дипломатов и государственных деятелей по данной проблеме, влиявшие на них внутри- и внешнеполитические соображения и факторы; рассматривается роль чешских и словацких организаций в Соединенных Штатах. Статья основана на широком круге документальных источников.

The article considers the evolution of the USA policy towards the Czechoslovak emigrant resistance movement on the issue of the recognition of the government in exile under the presidency of Eduard Beneš in 1939–1942. The author highlights the stages of this policy and major difficulties in solving the Czechoslovak question, analyses the position of the American diplomats and statesmen, as well as inner- and foreign-political reasons and factors which influenced them. Furthermore, the role of the Czech and Slovak organisations in the USA is viewed. The article is based on a broad range of documentary sources.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Э. Бенеш, чехословацкое правительство в изгнании.

Keywords: World War Two, Eduard Beneš, Czechoslovak government in exile.

Чехословацкую республику (ЧСР) можно считать одной из первых жертв нацистской агрессии в Европе. Осенью 1938 г. от нее в пользу Германии, Венгрии и Польши были отторгнуты пограничные территории. А в марте 1939 г. остатки государства были окончательно разделены на включенный в состав нацистского рейха Протекторат Богемии и Моравии, зависимое от Германии Словацкое государство и аннексированное Венгрией Закарпатье. Расчленение и уничтожение Чехословакии привело к вынужденной эмиграции части ее населения и политической элиты, в рядах которой уже в 1939 г. началось формирование движения сопротивления. Созданные центральные органы управления выдвинули претензию на получение международного признания в качестве правительства ЧСР в изгнании со стороны противников держав

Зорин Артем Викторович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Вятского государственного университета.

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

Оси. Однако, этот процесс растянулся на несколько лет. Последней великой державой, признавшей статус эмигрантского правительства Чехословакии, стали Соединенные Штаты Америки – государство, в котором проживали крупнейшие общины чехов и словаков за рубежом. В данной статье предпринимается попытка разобраться в мотивации политики Вашингтона по данному вопросу, анализируются ее основные этапы и факторы.

Начало американо-чехословацким отношениям было положено еще в годы Первой мировой войны, когда США стали одним из центров поддержки чехословацкого движения во главе с Т. Г. Масариком (ставшим позже первым президентом республики) за создание национального государства. Именно в США Масарик провел последние месяцы войны, налаживая отношения с национальными организациями, американскими общественными и политическими кругами [1. С. 138–143]. Стронникам Масарика в Соединенных Штатах удалось создать и успешно поддерживать в дальнейшем благоприятный имидж чехов и словаков и своей республики как оплота демократии в авторитарной Центральной Европе.

Во многом благодаря этому, в период чехословацко-германского конфликта 1938 г. в американском обществе были широко распространены симпатии к Чехословакии. Ее расчленение и оккупация чешских земель вызвали осуждение в Америке как акт грубой агрессии и нарушение международного права. Однако, правительство США в силу преобладания изоляционистских настроений в обществе, предпочло дистанцироваться от территориальных противоречий в Европе [2. С. 54–55]. Вместе с тем эти события поставили Вашингтон перед необходимостью выработки обоснованной позиции в отношении начавшегося чехословацкого освободительного движения, одним из центров которого стали Соединенные Штаты.

Еще в начале 1939 г. по приглашению Чикагского университета в Америку прибыл бывший президент ЧСР Э. Бенеш, покинувший свой пост в октябре 1938 г. после подписания Мюнхенского соглашения. Там же в это время оказался другой известный чехословацкий политик – сын первого президента республики, бывший посол ЧСР в Лондоне Я. Масарик. Именно вокруг этих двух фигур началось формирование чехословацких органов сопротивления в Америке. На следующий день после германского вторжения в Чехию, 16 марта 1939 г. Бенеш обратился к правительствам США, Великобритании, Франции и СССР с призывом не признавать легитимность произошедших событий [3. D. 1; 4. D. 1]. Одновременно с этим чехословацкий посланник в Вашингтоне В. Гурбан известил госдепартамент о своем отказе сложить полномочия по приказу Берлина и передать дипломатические полномочия представителям Германии. После кратких консультаций Вашингтон поддержал действия чехословацкого дипломата и осудил агрессию Германии. Расчленение ЧСР не было признано юридически, хотя США вынуждены были закрыть свое посольство в Праге [5. P. 50–59].

Вместе с тем, попытки Бенеша получить более широкую поддержку американских властей вызвали беспокойство в американском руководстве, поскольку американская общественность с опасением воспринимала любую возможность вовлечения США в европейский конфликт. На прошедшей вскоре встрече главы Европейского отдела госдепартамент Д. П. Моффата с Гурбаном чехословацкому посланнику прежде всего был задан вопрос, не собирался ли Бенеш заняться организацией «нового временного правительства» в Америке? Хотя Гурбан ответил отрицательно [5. P. 56], Ф. Д. Рузвельт через дипломатические каналы просил бывшего чехословацкого президента

воздержаться от просьб о встрече. В своем ответе на письмо Бенеша от 27 марта Рузвельт лишь известил его, что США официально не признают законности оккупации Богемии и Моравии [3. D. 14].

Но уже вскоре Бенеш приступил к разработке плана освобождения республики. Примером для него была деятельность чехо-словацкого движения в годы Первой мировой войны. Тогда созданному Т. Г. Масариком в Париже из эмигрантов Чехословацкому национальному совету удалось добиться поддержки и признания союзниками благодаря организации собственных вооруженных сил и выгодной внешнеполитической конъюнктуре. Деятельность совета в тот период финансировалась в значительной степени за счет пожертвований от чешских и словацких организаций в Америке. К концу войны он был признан державами Антанты и США в качестве правительства будущего чехословацкого государства [1. С. 138–143]. Бенешу необходимо было повторить эти достижения двадцатилетней давности, но в новых, как казалось, более благоприятных условиях.

Основа плана была разработана уже в апреле 1939 г. Он предполагал создание общих органов управления чехословацким движением, опирающихся на сохранившиеся в ряде стран дипломатические миссии, считавшиеся легитимными органами представительства ЧСР (в США, Франции, Великобритании, СССР и Польше). Для организации их взаимодействия необходимо было учредить координирующий центр под руководством Бенеша и сформировать вооруженные силы. Финансовую поддержку предполагалось получать прежде всего от чехословацких эмигрантов и общин соотечественников за рубежом. Такой орган мыслился как временный, и с началом полномасштабной войны (которая ожидалась летом или осенью) он мог быть преобразован во временное правительство, признанное противниками Германии [3. D. 25].

Первой страной, где началось формирование органов сопротивления под руководством Бенеша, стали США. Уже в апреле 1939 г. он упоминал о создании трех центров чехословацкого движения – в Вашингтоне, Нью-Йорке и Чикаго [3. D. 25]. В столице действовало дипломатическое представительство, в Нью-Йорке и Чикаго – генеральные консульства (в Чикаго находилась крупнейшая организация американских чехов – Чешский национальный альянс Америки); консульства ЧСР действовали в Питтсбурге (Пенсильвания) и Кливленде (Огайо) – центрах словацкой эмиграции [6. P. 113]. 18 апреля три организации – Чешский и Словацкий национальные альянсы Америки, Национальный альянс словацких католиков учредили Чехословацкий национальный совет Америки (ЧНС – название отсылало к аналогичному органу времен Первой мировой) со штаб-квартирой в Чикаго. Там же был создан центральный офис чехословацкого освободительного движения за границей во главе с питтсбургским консулом Я. Папанеком [3. D. 44]. Позже под его руководством в Нью-Йорке была учреждена информационно-пропагандистская служба. Поддержку движению оказывали не только чехи и словаки, но и многие американцы – в том числе мэр Нью-Йорка Ф. Ла-Гардия, известный юрист Д. Ачесон (позже он занимал ответственные посты в госдепартаменте) [6. P. 117].

Чтобы заручиться поддержкой официальных властей, 20 апреля Бенеш направил Рузвельту обращение с изложением своей программы. Понимая сложность внутривосточной ситуации, он представил ЧНС в качестве объединения лояльных правительству США граждан чешского и словацкого происхождения, созданного для сохранения национальной культуры и духа.

Указывая на поддержку чехословацких дипломатов и политических сил на родине, Бенеш выражал намерение встать во главе чехословацкого освободительного движения, организовав в случае войны правительство и вооруженные силы. Со стороны американских властей он просил выражения поддержки и одобрения, личной встречи с президентом [3. D. 23].

Однако, Рузвельт действовал осторожно в чехословацком вопросе. Несмотря на ухудшение отношений с Германией, Вашингтон продолжал поддерживать с ней дипломатические отношения (так же, как и с другими участниками раздела ЧСР – Венгрией и Польшей). Лондон и Париж, не признав германской оккупации, также не спешили оказывать поддержку чехам. В обеих европейских столицах у власти продолжали находиться политики, причастные к подписанию Мюнхенского соглашения. Бенеш для них более не являлся легитимным президентом, и отчасти вызывал раздражение из-за своих действий в период кризиса. В Париже предпочитали рассматривать в качестве официального представителя исчезнувшей республики посланника Ш. Осуцкого (словака по национальности), выступавшего с критикой действий Бенеша и его претензий на лидерство и отстаивавшего приоритет своих полномочий [7. P. 98]. Еще один политический деятель – эмигрировавший во Францию бывший премьер-министр ЧСР (в 1935–1938 гг.) словак М. Годжа, также критиковал намерения Бенеша, но уже с позиций словацкого национализма (упоминая о дискриминации словаков в довоенной республике) [8. P. 550].

Эта позиция транслировалась в Вашингтон и американскими дипломатами – послами в Великобритании Д. Кеннеди и во Франции У. Буллитом. Первый в период чехословацко-германского кризиса открыто поддерживал курс британского премьер-министра Н. Чемберлена [9. P. 162–166; 10. P. 172], второй подозревал Бенеша в стремлении развязать войну ради эгоистических политических интересов и негативно воспринимал его просоветскую политику. Позже Буллит прямо заявлял Бенешу о своем отрицательном отношении к созданию правительства под его руководством из-за отсутствия поддержки бывшего президента в чехословацком движении [3. Doc. 114]. В самих США развернулась полемика в среде чешских, словацких и русинских организаций, вылившаяся на страницы их печатных изданий и петиций в адрес госдепартамента, Белого дома и членов Конгресса. Против Бенеша были настроены многие словацкие организации, часть которых поддерживала созданное Словацкое государство.

Тем не менее, президент США был крайне обеспокоен событиями в Европе и мнение Бенеша – одного из наиболее опытных европейских политиков, представляло для него большой интерес. Не желая демонстрировать открытую поддержку, Рузвельт пригласил Бенеша на конфиденциальную встречу в свою частную резиденцию в Гайд-Парке (Нью-Йорк). Она состоялась 28 мая 1939 г. [6. P. 128; 7. P. 75–80; 11. P. 48]. Согласно записям Бенеша, во время беседы американский президент заявил о сочувствии и моральной поддержке Чехословакии, осуждении Мюнхенского соглашения. Он заметил, что в данный момент ситуация не позволяет ему выступить с открытой поддержкой чехословацкого движения, но допустил ее оказание в будущем и обещал отнестись к чехословакам так же, как во время прошлой войны. Видимо, подразумевалось, что необходимой предпосылкой должно быть изменение общественного мнения после начала войны с Германией. Рузвельт также считал, что она может развиться в ближайшие месяцы. Для реализации плана Бенеша глава Белого

дома советовал ему вернуться в Лондон [3. D. 39]. Перед отбытием из США чехословацкий лидер встретился с госсекретарем К. Хэллом и его заместителем С. Уэллесом, а также с советским послом К. А. Уманским, которому сообщил о поддержке своих планов со стороны американского президента [4. D. 12, 51].

Воодушевленный одобрительной реакцией в США, Бенеш в июле 1939 г. вернулся в Европу, где должны были быть созданы основные органы сопротивления. Однако, ему пришлось пойти на компромисс со своими противниками. Вскоре в Париже был учрежден Чехословацкий национальный комитет (ЧСНК) с коллективным руководством. В списке его членов фамилия Бенеша стояла на первом месте (в алфавитном порядке), но формально он не считался лидером организации. Уже вскоре после начала войны, 2 октября 1939 г. премьер-министр Франции Э. Даладье и Осусский как представитель ЧСР подписали договор о создании чехословацкой армии. 17 ноября ЧСНК был официально признан французским правительством, а 20 декабря 1939 г. Великобританией [7. P. 90; 12. P. 235]. Но вскоре комитет столкнулся с первыми трудностями – после заключения советско-германского пакта СССР признал Словацкую республику и установил с ней дипломатические отношения, представительство ЧСР в Москве было закрыто [4. D. 39, 41, 42]. Дипломатическая миссия в Варшаве прекратила свое функционирование из-за немецкой оккупации.

В таких условиях Бенеш вновь попытался заручиться поддержкой Рузвельта. На февраль-март 1940 г. планировалась поездка в Европу со специальной миссией С. Уэллеса, который должен был уточнить позиции воюющих сторон и их требования в вопросах мирного урегулирования. В ее преддверии Гурбан передал Моффату меморандум ЧСНК с обозначением его основных целей и требований. Личное обращение Бенеша было также направлено Рузвельту [3. D. 190], а американский ЧСНС подготовил и передал в госдепартамент меморандум в поддержку Бенеша от имени граждан США чешского и словацкого происхождения [3. D. 193; 13. 860F.01/334]. Просьба о встрече Бенеша с Уэллесом во время его пребывания в Лондоне была направлена послу Кеннеди. Но эти обращения не имели положительного эффекта. Моффат считал, что США как нейтральное государство не могли признать в качестве правительства комитет, сформированный за границей и не имеющий континуитета с предыдущим правительством [13. 860F.01/314]. Уэллес ответил на просьбу о встрече отказом, сославшись на плотный график и предложил передать ему меморандум с изложением чехословацкой позиции [13. 860F.01/317].

Тем не менее, чехословацкая проблема поднималась при переговорах во всех посещенных Уэллесом столицах: Берлине, Риме, Париже и Лондоне. Германия и Италия выступили решительно против пересмотра Мюнхенского соглашения и восстановления Чехословакии [14. P. 33–41]. Премьер-министры Франции и Великобритании поддержали восстановление независимости Чехии, но не упоминали о Словакии и необходимости пересмотра условий Мюнхена [14. P. 33–41; 15. P. 94–97, 114]. Таким образом, план Бенеша и ЧСНК по воссозданию республики противоречил позициям всех великих держав, участвовавших в конфликте. В этих условиях у заместителя госсекретаря США не было резонов всерьез говорить с Бенешем о какой-либо поддержке. Подготовленный ЧСНК для Уэллеса меморандум остался без ответа [3. D. 209; 11. P. 49].

Серьезные изменения в чехословацком вопросе наметились лишь в середине 1940 г. — после смены кабинета в Лондоне и капитуляции Франции. К этому времени комитет и его военные подразделения были эвакуированы в Великобританию. После того, как в мае 1940 г. пост британского премьер-министра занял У. Черчилль, 21 июля Лондон признал ЧСНК в качестве *временного чехословацкого правительства* [13. 860F.01/367]. Во вновь созданной структуре Бенеш занял пост президента, в коалиционном кабинете министров за внешнюю политику было поручено отвечать Я. Масарику (министр иностранных дел) и Г. Рипке (государственный секретарь). Роль временного парламента должен был выполнять Государственный совет из представителей различных политических сил республики [7. Р. 112].

По словам личного секретаря Бенеша Э. Таборского, на время чехословацкий лидер решил отложить попытки добиться поддержки Вашингтона из-за предстоящих осенью 1940 г. в США выборов. Он полагал, что до окончания голосования президент США не решится активно выступить против изоляционистов. Состоявшееся в ноябре переизбрание Рузвельта на третий срок предоставило ему необходимые возможности для корректировки внешнеполитического курса. В начале 1941 г. на пост посла США в Лондоне вместо Кеннеди был назначен Д. Вайнант, более благоприятно настроенный в отношении Бенеша. В одном из сообщений в Вашингтон американский дипломат замечал, что был знаком с чехословацким президентом со времени своей предшествующей работы в Женеве (Вайнант был генеральным директором Международного бюро труда в 1939–1941 гг.), где правительство ЧСР представлялось ему «искренне стремящимся приблизить свои жизненные стандарты к американским» [16. Р. 27]. Тогда же был назначен американский представитель при признанных Вашингтоном эмигрантских правительствах в Лондоне — Э. Дрексел-Биддл, с которым Бенешу также удалось найти общий язык. Благодаря новым связям чехам удалось получить дополнительные контакты и каналы общения в госдепартаменте.

Правда, ожидания Бенеша не оправдались в полной мере. В январе 1941 г. Гурбан вновь провел переговоры в Вашингтоне, но получил ответ, что госдепартамент предпочитает придерживаться прежнего курса в отношении Чехословакии [11. Р. 49]. Продолжавшаяся агитация со стороны американских чехов и словаков также не принесла заметных результатов. В ответе госдепартамента на переданный 8 января 1941 г. представителями ЧСНС меморандум с просьбой о признании «временного правительства» в Лондоне госдепартамент сообщил о сохранении своей позиции [13. 860F.01/375].

Тем не менее, руководство департамента запросило у Европейского отдела информацию по чехословацкой проблеме. К тому моменту США продолжали поддерживать дипломатические отношения с Германией и через нее получали информацию о положении в Протекторате. Из Берлина приходила информация о негативном отношении чешского населения к немцам, но отмечалось и отсутствие открытого сопротивления [13. 860F.00/935–860F.00/962]. Первый секретарь американского посольства Дж. Кеннан (в 1938–1940 гг. он работал в Праге) высказывался за поддержку правительства Протектората, поскольку пражские власти были дружественно настроены к США, а лондонский комитет не имел реального влияния в чешских землях. Бенеш, по его мнению, и вовсе не пользовался популярностью в народе. Кеннан считал, что любое возможное сопротивление немцам в будущем могло быть организовано только вокруг пражского правительства [13. 860F.01/461½].

Новый руководитель Европейского отдела Р. Атертон в меморандуме для Уэллеса от 5 февраля описал сложившуюся ситуацию [13. 860F.01/461½]. Заместитель госсекретаря ответил, что в данный момент, с учетом изложенного мнения, признавать правительство Бенеша, было бы нежелательным, и попросил подготовить соответствующее обоснование [13. F.W.860F.01/369]. Отделом были выдвинуты следующие аргументы: хотя США никогда де-юре не признавали ни Мюнхенского соглашения, ни оккупации чешских земель в марте 1939 г., де-факто они признали передачу судетских областей Германии; президент Бенеш добровольно покинул свой пост в октябре 1938 г., после чего являлся частным лицом и читал лекции в Чикаго; после Мюнхена США сохраняли дипломатические отношения с правительством Чехословакии и сменившим Бенеша на посту президента Э. Гахой, как и свое дипломатическое представительство в Праге вплоть до немецкой оккупации. Таким образом, с точки зрения Вашингтона, именно Гаха был последним законным президентом Чехословакии, а не Бенеш. Созданный им в эмиграции орган, следовательно, не имел правопреемства (континуитета) с довоенными органами управления республикой и мог быть признан лишь как новое временное правительство. Кроме того, не в пользу Бенеша свидетельствовало и его одобрение внешней политики СССР, что в случае признания могло создать для США дополнительные проблемы [13. 860F.01/461½].

По всей видимости, последний аргумент имел существенное значение. В одном из разговоров Биддла с Рипкой американский дипломат указывал на сохраняющееся в Америке и госдепартаменте недоверие к русским и восприятие чехов как сторонников и проводников советских интересов. Еще одним важным сдерживающим фактором являлось нежелание американцев ввязываться в обсуждение территориальных изменений в Европе. Два последних из перечисленных аргументов упоминал и контактировавший с представителями госдепартамента Папанек [17. D. 39, 40].

В основу официального обоснования нежелания Вашингтона признавать ЧСНК в качестве правительства была положена правовая аргументация, изложенная Атертоном первому секретарю чехословацкого посольства в Вашингтоне 18 февраля 1941 г. На вопрос, почему США признали другие правительства в изгнании, но отказались признать правительство Чехословакии, сотрудник госдепартамента ответил, что главной причиной являлось отсутствие преемственности между довоенным правительством ЧСР и «правительством» Бенеша в Лондоне. Атертон подчеркнул, что США в настоящее время не были готовы изменить свою позицию, обозначив лишь возможность признания в будущем [16. P. 21]. Попытка Бенеша повлиять на это решение через еще один канал – личного представителя Рузвельта Г. Гопкинса, посетившего Лондон в начале февраля 1941 г., окончилась неудачно – как и Уэллес годом ранее, тот отверг предложение о встрече [11. P. 49].

Тем не менее, контакты с госдепартаментом продолжались. 14 марта во время разговора Гурбана с Хэллом госсекретарь, желая прояснить положение в чехословацком движении, интересовался, «был ли чехословацкий народ разделен» (имелось в виду наличие соперничающих политических фракций). Гурбан ответил отрицательно, давая понять, что лондонское правительство представляло все политические силы бывшей Чехословакии. В переданном Хэллу меморандуме подчеркивалось, что непризнание со стороны США использовалось немцами для пропаганды в Протекторате [16. P. 22]. Бенеш в разговорах с Вайнантом старался перенести диалог о признании

из юридической плоскости в политическую и предлагал лично (при необходимости, тайно) вести переговоры с представителями госдепартамента в Лондоне, соглашался не поднимать вопрос о восстановлении границ республики. Вайнант в сообщении в Вашингтон поддержал необходимость признания Чехословацкого правительства, но на условиях, которые «не свяжут руки США на будущей мирной конференции» [16. Р. 25–28].

В США интересы чехословацкого правительства лоббировал конгрессмен А. Сабат (уроженец Чехии, демократ, старейшина Палаты представителей). Он несколько раз обращался к Хэллу с просьбой поддержать «бывшего президента» Бенеша, указывая, что признание его правительства будет встречено с благодарностью тысячами американцев чешского происхождения и вдохновит миллионы чехов в Европе продолжать сопротивление и борьбу за свободу. Но Хэлл, отвечая, ссылаясь на официальную позицию [13. 860F.01/382, 860F.01/386]. Аналогичным образом Атертон отреагировал на новое обращение руководства ЧСНС, посетившее департамент 8 мая. Он рекомендовал не давить на госдепартамент в этом вопросе, обещая со временем решить проблему. В ходе данного разговора выявилась еще одна причина активизации Бенеша в вопросе о признании – желание вскоре посетить США, но уже в официальном статусе [13. 860F.01/414]. В условиях раскола и внутреннего соперничества в национальном движении такой визит был чрезвычайно важен как для укрепления позиций Бенеша в чешских и словацких кругах Америки, так и в плане расширения возможностей для его более активного участия в международных отношениях. Чехословацкий лидер планировал посетить Москву, и поддержка Соединенных Штатов могла бы усилить его позиции на переговорах.

Параллельно с этим Бенеш добивался дальнейших уступок со стороны Лондона, прося объявить о недействительности Мюнхенского соглашения, признании континуитета Чехословакии в ее прежних границах и своего статуса президента республики. Посол Вайнант, следивший за этими переговорами, сообщал в Вашингтон о готовности британских властей удовлетворить просьбу чехов, но с рядом существенных оговорок. По словам американского дипломата, британский министр иностранных дел Э. Иден перед принятием окончательного решения предполагал предварительно согласовать свое решение с Вашингтоном и правительствами доминионов [16. Р. 26–28].

4 июня для подкрепления своей позиции Бенеш обратился с новым посланием к Рузвельту, в котором заявлял, что время для оказания обещанной поддержки пришло. Чехословацкий лидер объяснял это рядом аргументов. Во-первых, наличием под его руководством административных структур, способных руководить всеми ресурсами национального движения. Во-вторых, вооруженными силами, принимавшими участие в боевых действиях. В-третьих, объединением в рамках его правительства всех направлений эмиграции, поддержкой и тесным сотрудничеством с политическими лидерами внутри страны. В-четвертых, полученным признанием со стороны Великобритании, ее доминионов и ряда других государств. Наконец, США следовало пойти на признание ввиду наличия бесспорного прецедента: Вашингтон поступил аналогичным образом в отношении чехословацкого движения в годы Первой мировой войны. Кроме того, Бенеш указывал на необходимость поддержки сопротивления чешского народа в борьбе за свободу ради восстановления единственной демократической страны Центральной Европы

[16. P. 30]. Правда, в более позднем письме Атертона к Уэллессу (от 22 января 1943 г.) отмечалось, что Рузвельт получил послание Бенеша лишь 25 июля, когда вопрос с признанием уже был решен [13. FW860F.01/417]. Это говорит о том, что президент США лично не рассмотрел аргументы Бенеша. Гораздо важнее оказались последующие события.

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. Нацистская агрессия освободила Москву от ранее заключенных с Берлином соглашений и заставила срочно искать новых союзников. Получив поддержку со стороны Лондона и Вашингтона, СССР обратил свое внимание на движения сопротивления. В начале июля через советского посла в Лондоне И. М. Майского Бенешу было предложено установить дипломатические отношения с СССР без каких-либо условий и заключить соглашение о создании на советской территории чехословацких военных формирований [4. D. 88].

Данные сведения были немедленно сообщены в Вашингтон. По словам Вайнанта, действия Москвы были предприняты без предварительных консультаций с Лондоном. Это вынудило англичан форсировать принятие решения по чехословацкому вопросу, отказавшись от согласования своих действий с союзниками [13. 860F.01/403]. 18 июля одновременно с Советским Союзом британское правительство сообщило о «полном признании» правительства Чехословакии в изгнании, предоставив ему равный статус с аналогичными органами других оккупированных государств [13. 860F.01/396–398]. Лондон предусмотрел ряд оговорок: отказ от принятия любых обязательств в отношении послевоенных границ Чехословакии; необходимость представительства в правительстве судетских немцев и других оппозиционных групп; отказ от признания юридического континуитета правительства [13. FW860F.01/403].

Эти события заставили и американские власти изменить свою позицию. После нападения Германии на СССР Москва превращалась в союзника западных держав, вследствие чего антисоветские опасения в США заметно ослабли. Полное признание Советским Союзом и Великобританией фактически предоставляли правительству Бенеша статус субъекта международных отношений, Вашингтон вынужден был подтвердить эту позицию. 30 июля 1941 г. Уэллес сообщил о готовности признать правительство Бенеша с двумя оговорками: отказом от признания континуитета с довоенными органами власти и от принятия каких-либо обязательств в отношении границ республики [16. P. 31–32]. В тот же день Рузвельт направил Бенешу ответ на его письмо от 4 июня, где сообщил о назначении официальным представителем при *временном чехословацком правительстве* Биддла [16. P. 33]. Таким образом, США предоставили Бенешу официальный статус, но в отличие от Великобритании и СССР лишь как главе правительства, а не президенту чехословацкого государства.

В чем были причины такого половинчатого решения? Прежде всего, оно принималось в короткие сроки и под влиянием внешнеполитической конъюнктуры, вследствие чего госдепартамент стремился избежать непродуманных действий. Соединенные Штаты, все еще сохраняя нейтральный статус, не желали принимать на себя обязательств в территориальных вопросах и межнациональных спорах, которыми была обременена довоенная Чехословакия. Эта позиция была закреплена в Атлантической хартии, подписанной Черчиллем и Рузвельтом 14 августа 1941 г. Среди ее положений значились отказ от территориальных изменений без согласия «со свободно выраженным желанием заинтересованных народов», право наций на выбор

формы правления [18. С. 147]. Поддержка воссоздания Чехословакии в ее прежних границах могла означать нарушение данных принципов в отношении словаков, судетских немцев, венгров, поляков и русинов, проживавших на бывшей территории республики. Многие из них (включая национальные общины и организации в США), выступали против восстановления довоенных порядков.

В США наиболее активно против планов Бенеша, по-прежнему, выступали некоторые словацкие организации. Их представители пытались донести свою точку зрения до американского правительства. 18 ноября 1941 г. Атертон принял редактора старейшей словацкой газеты «Slovák v Amerike» Г. Кошика. Последний заявил о разочаровании признанием правительства Бенеша, которого «ненавидели все словаки» за отстаивание только чешских интересов и стремление к восстановлению «доминирования над словаками». Атертон демонстративно отказался занимать чью-либо позицию в этом конфликте, заметив, что это внутреннее дело чехов и словаков, правительство же Соединенных Штатов признавало в качестве официального представительства ЧСР ее посольство в Вашингтоне, а в лице Бенеша ее новые власти. В комментарии о встрече было указано негативное мнение Атертона о признании словацких требований, особенно независимости Словацкой республики [13. 860F.01/429–1/2].

Служащие госдепартамента посчитали необходимым встретиться и с М. Годжей, прибывшим в США в октябре 1941 г. и пытавшимся сплотить вокруг себя словацкие организации Америки [13. 860F.01/444-1/2; 860F.00/990]. По итогам состоявшейся 9 декабря 1941 г. беседы представители госдепартамента отметили, что Годжа занимал разумную и умеренную позицию, производил впечатление «патриота, с искренностью и видением, которые могут быть направлены на конструктивную работу в послевоенный период в Центральной Европе» [13. 860F.01/429–3/4]. Все это не свидетельствовало в пользу однозначной поддержки Бенеша.

Данная беседа была проведена через два дня после нападения Японии на Перл-Харбор. 11 декабря войну США объявили Германия и Италия, а 12 декабря – Словацкая республика. Это автоматически ослабило позиции сторонников словацкой независимости. 16 декабря чехословацкое правительство выступило с заявлением о состоянии войны с Германией, Венгрией и их союзниками, направив соответствующее послание Биддлу. Глава Европейского отдела в меморандуме для Уэллеса заметил, что данная нота имела важное значение для дальнейшего развития отношений с временным правительством, но предлагал оставить ее без ответа [13. 860F.01/461–1/2]. 19 декабря 1941 г. американский ЧСНС направил обращение в госдепартамент, где от имени 500 тыс. своих членов провозгласил поддержку политики США, президента Рузвельта и ориентацию на защиту американских интересов [13. 860F.01/464].

Новые условия предоставляли дополнительные возможности Бенешу для укрепления его позиций и получения более существенной помощи со стороны Соединенных Штатов. С этой целью в феврале 1942 г. в США прибыл министр иностранных дел временного правительства Масарик. Он имел прочные личные связи с Соединенными Штатами – его мать и жена были американками, свою молодость он провел в США, где имел широкий круг знакомых. Будучи сыном первого президента ЧСР, Масарик символизировал его идеалы и пользовался популярностью в эмигрантской среде. Во время своего визита он активно выступал с публичными заявлениями, читал лекции,

встречался с представителями американской элиты, чешской и словацкой общин [17. D. 40]. 12 февраля 1942 г. чехословацкий министр был принят Рузвельтом. По словам Масарика, президент США интересовался положением в Чехии и особенно в Словакии, а также заявил о необходимости «освобождения малых народов» и важности визитов иностранных государственных деятелей [17. D. 44]. Но речи о расширении признания пока не шло.

В госдепартаменте продолжали сохранять опасения в чехословацком вопросе. Так, в одном из сообщений Европейского отдела (ответе на просьбу обозначить полномочия лондонского правительства в сфере обеспечения выплат по чехословацким облигациям), отмечалось, что признание со стороны Соединенных Штатов еще не означало, будто они считали временное правительство Бенеша «единственным и безусловным» — народ Чехословакии мог и не восстановить его полномочия после войны из-за того, что Бенеш «покинул страну перед лицом опасности» [13. 860F.51/764].

Тем не менее, в апреле 1942 г. наметилась тенденция к изменению американской позиции. Отчасти это было связано с улучшением межсоюзнических отношений. В тот период шла подготовка подписания советско-английского договора, который изначально задумывался как трехсторонний с участием США. Как заметил Биддл в разговоре с Рипкой 21 апреля, хотя Рузвельт не мог присоединиться к данному соглашению из-за внутривнутриполитических соображений, он поддерживал его и надеялся на изменение американского общественного мнения в сторону развития англо-американо-русского сотрудничества [4. D. 155]. А в мае должен был состояться визит советского министра иностранных дел В. М. Молотова в Вашингтон, перед которым следовало обдумать и вопрос о послевоенном устройстве в Европе. 28 апреля 1942 г. глава Европейского отдела в сообщении руководству замечал, что обстоятельства заставляют «пойти на осторожный пересмотр нашей чехословацкой политики, включая упоминание нашей позиции по вопросу послевоенных границ [...] поскольку люди все больше задумываются о послевоенном урегулировании» [13. 860F.01/501].

Основной темой советско-американских переговоров в Вашингтоне стали оказание помощи СССР и открытие второго фронта. Проблема границ в Центральной и Восточной Европе, предполагавшая возможное одобрение советских аннексий 1939–1940 гг., была обойдена [19. С. 175–194]. После США Молотов направился в Великобританию, где провел встречу с Бенешем. От имени советского правительства чехословацкому президенту было обещано добиваться воссоздания Чехословакии в домюнхенских границах. Позже это же заявил Рипке советский посол при Союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолов [4. D. 168, 170, 171; 20. С. 335–337]. Но официального подтверждения обещаний Молотова из Москвы пока что получено не было.

Тогда же чехи вновь попытались прощупать позицию американцев. 13 мая Рипка встретился с чешским сотрудником Международного бюро труда О. Штейном, который накануне провел беседу с послом Вайнантом. На ней Штейн прямо спросил американского посла, почему США до сих пор продолжали называть чехословацкое правительство «временным». Вайнант отметил, что и сам не понимал этой политики и упомянул Буллита как главного противника Бенеша в госдепартаменте. Посол обещал оказать содействие в чехословацком вопросе во время запланированной на июнь поездки в Вашингтон [17. D. 125].

В июне 1942 г. в Протекторате произошло трагическое событие, вновь привлечшее внимание американской общественности к чехам. В ответ на покушение на рейхспротектора Р. Гейдриха нацистские власти 10 июня устроили карательную операцию в деревне Лидице [12. Р. 315]. Информация об этом событии была моментально распространена чехословацкой информационной службой в американских СМИ, вызвав всеобщее сочувствие и волну симпатий к чехам. Несколько американских конгрессменов выступили в Палате представителей с осуждением действий нацистов и поддержкой Бенеша [21. Р. 5170, A2036, A2314, A2344]. Трагический характер событий в Лидице актуализировал и тему чехословацкого сопротивления. Месяцем позже Масарик сообщал в Лондон: «Наши дела в США превосходны [...] Впечатление от истребления Лидице имело ошеломляющий эффект [...] 12 сего мес. в Чикаго появится один город Лидице. Примут участие миссис Уоллес и миссис Рузвельт» (имелось в виду переименование небольшого городка около Чикаго в честь чешской деревни) [17. D. 190].

В середине июня 1942 г. в Лондоне состоялись беседы Рипки и Бенеша с Биддлом. Рипка задал американскому дипломату прямой вопрос – почему США в своем обращении продолжали выделять чехословацкое правительство из других аналогичных эмигрантских структур в Лондоне. Биддл сослался на неблагоприятное мнение по вопросу о полном признании чехословацкого правительства в изгнании в госдепартаменте. Но заметил, что ситуация меняется, поскольку американцы были очень довольны заключением англо-советского союзного договора, что должно было способствовать изменению общественного мнения. Рипка также сообщил Биддлу о решении Москвы добиваться восстановления домюнхенских границ Чехословакии [17. D. 175; 13. 860F.01/447–448].

Советская инициатива подтолкнула и британские власти. 5 августа Иден сообщил Масарику, что правительство Великобритании не считает себя далее связанным Мюнхенским соглашением. 2 сентября 1942 г., после поездки в СССР, Черчилль в письме Бенешу подтвердил эту позицию [20. С. 338]. Таким образом, устранялись британские оговорки в отношении границ и континуитета чехословацких органов власти. Оставалось добиться аналогичных решений со стороны США. 21 августа чехословацкое правительство в Вашингтоне направило в госдепартамент меморандум, в котором пыталось разъяснить свою позицию в словацком вопросе. В нем сообщалось, что вопросы взаимоотношений между чехами и словаками должны быть решены конституционным органом после освобождения государства; фактически, указывалось на готовность выполнить требование о децентрализации республики [13. 860F.01/451].

В сентябре 1942 г. Бенеш вновь встретился с Биддлом и попросил передать в Вашингтон просьбу перестать использовать термин «временное» в отношении чехословацкого правительства. Бенеш заверил, что пользуется полной поддержкой на родине. Он выразил намерение обсудить вопросы послевоенного устройства лично с американскими властями, но отметил, что не мог посетить США до прояснения своего статуса. Необходимость визита чехословацкий лидер также объяснял намерением в скором времени посетить Москву и необходимостью предварительно согласовать свою политику с Вашингтоном. Обвинения в подчинении советскому влиянию Бенеш отверг, замечая, что хочет иметь дружеские связи с СССР, но «не быть его рабом», и заверяя в намерении налаживать отношения со всеми сторонами – Великобританией, США

и СССР. Опасность коммунизации Чехословакии Бенеш считал ничтожной, поскольку ее социально-политическая система была лучше советской и коммунизм был бы «шагом назад». Американский дипломат в комментарии поддержал Бенеша, объясняя его просоветскую политику «мюнхенским комплексом» — разочарованием в довоенных союзниках [13. 860F.01/456].

Европейский отдел, рассмотрев эту информацию, пришел к выводу, что военные и политические соображения оправдывали отступление от юридических аргументов — поскольку США были вовлечены в войну вместе с Чехословакией, имелись «практические преимущества» в устранении любых сомнений в отношении к чехословацкому правительству как «равноправному члену объединенных наций». Атертон предложил пойти на полное признание (избавиться от термина «временное» правительство) и приурочить его к дню независимости ЧСР — 28 октября. Оно должно было быть оформлено личным посланием президента Рузвельта в виде поздравления Бенеша как «президента Чехословакии» [13. FW 860F.01/456]. Руководство департамента одобрило предложение и поручило Биддлу перед праздником передать соответствующий документ Бенешу [13. 860F.01/436A]. 26 октября американскому дипломату не удалось застать Бенеша в Лондоне и он вручил подготовленную ноту Я. Масарику. Как сообщал Биддл, чехословацкий министр «подпрыгнул как мальчишка и стал со слезами выражать благодарность». Через два дня состоялась встреча с Бенешем — его реакция была аналогичной — Биддл писал, что никогда не видел чехословацкого лидера таким возбужденным, не скрывавшим слез [7. P. 180; 13. 860F.01/490]. С этого момента для Вашингтона чехословацкое правительство в Лондоне становилось законным представителем интересов ЧСР, а Бенеш считался президентом республики, наделенным необходимыми полномочиями для ведения переговоров и заключения соглашений от имени государства, которое надлежало восстановить по завершении войны. Урегулирование данного вопроса позволило организовать в мае следующего, 1943, года визит Бенеша в США в новом официальном статусе, заметно укрепившем влияние чехословацкого президента как в национальном движении, так и в международных отношениях.

Подводя итог, можно заключить, что проблема признания чехословацкого правительства со стороны США прошла два основных этапа. На первом, осудив уничтожение Чехословакии, правительство Соединенных Штатов под влиянием изоляционистских настроений предпочитало дистанцироваться от европейских противоречий, отказываясь от официальных контактов с чехословацкими органами сопротивления и признавая представителем исчезнувшей республики ее посланника в Вашингтоне. В качестве обоснования этой политики было названо отсутствие юридического континуитета между довоенными структурами власти ЧСР и чехословацкими эмигрантскими органами. Тенденция к изменению этой позиции обозначилась после преобразования ЧСНК во временное правительство, его признания со стороны Лондона, а также переизбрания Рузвельта на третий президентский срок. Но рубежом событием, повлиявшим на установление отношений, стало начало советско-германской войны в июне 1941 г. и последовавшее за этим полное юридическое признание правительства Бенеша со стороны Москвы и Лондона. Правда, в отношении к чехословакам США отставали от СССР и Великобритании, признав правительство лишь в качестве временного органа с рядом оговорок.

На втором этапе главной целью Бенеша стало снятие этих ограничений со стороны Вашингтона и предоставление ему равного статуса с другими

правительствами в изгнании. Главными факторами, сдерживающими госдепартамент в данном вопросе, можно считать сохранявшуюся неуверенность в реальном влиянии и поддержке Бенеша как со стороны чешских и словацких организаций в эмиграции (в том числе в США), так и на родине, а также антикоммунистические и антисоветские настроения в Америке. Большое значение имело и стремление избежать преждевременного вмешательства в территориальные и межнациональные противоречия в Европе. В связи с этим, даже после вступления в войну Вашингтон оттягивал принятие решения по чехословацкому вопросу. Установление более близких отношений с Москвой, провозглашение недействительности мюнхенских условий со стороны СССР и Великобритании, привели к изменению позиции Вашингтона и признанию континуитета чехословацкого правительства в Лондоне и президента Бенеша в качестве легитимного главы Чехословацкой республики. В дальнейшем это позволило последнему более активно отстаивать интересы ЧСР в вопросах восстановления и организации послевоенной Чехословакии в отношениях со всеми членами «большой тройки», включая США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зорин А.В.* США и борьба за создание Чехословакии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 4 (19).
2. *Зорин А.В.* Э. Бенеш и Чехословакия в восприятии американцев в 1939–1945 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4(1).
3. *Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády. 1939–1940.* Praha, 2002.
4. *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty.* Praha, 1998. D. 1.
5. *Foreign Relations of the United States. 1939.* Washington, 1956. Vol. I.
6. Interview with Dr. Jan Papanek by W. H. Link. April 17, 1951 // Jan Papánek Papers. The Library of Congress, Manuscript Division. Box 3.
7. *Benes E.* From Munich to New War and New Victory. Cambridge, 1954.
8. *Masny V.* The Czechoslovak Government-in-Exile During World War II // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge.* Bd. 27, H. 4 (1979).
9. *Beschloss M. R.* Kennedy and Roosevelt. The Uneasy Alliance. New York, 1980.
10. *Vieth J. K.* Joseph P. Kennedy and British Appeasement: The Diplomacy of a Boston Irishman // *U. S. Diplomats in Europe, 1919–1941.* Oxford, 1981.
11. *Taborsky E.* President Edvard Beneš. Between East and West, 1938–1948. Stanford, 1981.
12. *A History of the Czechoslovak Republic, 1918–1948.* Princeton, New Jersey, 1973.
13. *U.S. National Archives, College Park, Maryland, USA. Record Group 59. Decimal File, Czechoslovakia, 1910–1944.* Microfilm Publication. M 1218.
14. *Foreign Relations of the United States. 1940.* Washington, 1957. Vol. I.
15. *Welles S.* The Time for Decision. New York, 1944.
16. *Foreign Relations of the United States. 1941.* Washington, 1958. Vol. I.
17. *Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1942.* Praha, 2010. Sv. I.
18. *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы.* М., 1944. Т. 1.
19. *Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы.* М., 1984. Т. 1. 1941–1943.
20. *Марыина В. В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013.
21. *Congressional Record. Proceedings and Debates of the 77th Congress, Second Session.* Washington, 1941. Vol. 88.

© 2017 г. А.С. СТЕПАНОВ

ПРИЧИНЫ ПРИНЯТИЯ СОВЕТСКИМ РУКОВОДСТВОМ РЕШЕНИЯ О ЛИКВИДАЦИИ Л. РЕБЕТА И С. БАНДЕРЫ

После польских и венгерских событий 1956 г. руководство СССР испытывало страх перед объединенными выступлениями националистических сил в западных регионах страны. В итоге были санкционированы спецоперации КГБ за рубежом против лидеров украинских националистов Льва Ребета и Степана Бандеры.

After the Polish and Hungarian events of 1956 the Soviet leadership was afraid of the combined performances of the nationalist forces in the western regions of the country. As a result of the special operation had been authorized by the KGB abroad against the leaders of Ukrainian nationalists Lev Rebet and Stepan Bandera.

Ключевые слова: национализм, репрессии, ликвидация, КГБ, Западная Украина, Венгрия.

Keywords: nationalism, repression, elimination, the KGB, Western Ukraine, Hungary.

Вечером 12 августа 1961 г. на Запад бежал Б. Н. Сташинский – боевик-незаконник 13-го отдела Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР, занимавшегося террористическими и диверсионными операциями за рубежом. Это произошло за считанные часы до возведения «Берлинской стены» («13 August. The Berlin Wall is erected and the DDR/BRD border closed» [1. P. 12]). Именно им 12 октября 1957 г. в Мюнхене был ликвидирован идеолог ОУН Лев Ребет, а 15 октября 1959 г. – в том же городе – Степан Бандера.

Деятельность Б. Н. Сташинского упоминается в ряде отечественных публикаций [2. С. 207–209; 3. С. 468]. Кристофер Эндрю и Олег Гордиевский, авторы переведенной на русский язык книги «КГБ: The inside story of its foreign operations from Lenin to Gorbachev», указывали: «Самый подробный рассказ о карьере Сташинского приводится в книге Карла Андерса (Karl Anders) “Murder to Order” (London, Ampersand, 1965)» [4. С. 738].

Руководитель КГБ А. Н. Шелепин вручил Б. Н. Сташинскому орден Красного Знамени «за успешное выполнение особо важного задания правительства» [2. С. 208–209]. Отметим, что К. Эндрю и О. Гордиевский несколько иначе формулируют его заслуги: «При бегстве на Запад Сташинский захватил с собой официальный приказ о награждении, в котором говорилось, что орден Красного Знамени ему вручается за “успешный вклад в решение важной

Степанов Алексей Сергеевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

проблемы» [4. С. 738]. Возможно, впрочем, что это выражение является следствием перевода с английского на русский язык.

После побега А. Голицына из Хельсинкской резидентуры в декабре 1961 г. [5. Р. 367] на Западе стали известны детали о реакции КГБ на побег Б. Н. Сташинского: как минимум, семнадцать сотрудников госбезопасности были или разжалованы, или вовсе уволены из органов [4. С. 470–471].

Во время судебного процесса в Карлсруэ в октябре 1962 г. Б. Н. Сташинский признался в двух политических убийствах, причем судья заявил, что главным виновником этих убийств является правительство Советского Союза, которое узаконило подобную практику.

Результат разгоревшегося международного скандала, помимо всего прочего, явился и одной из причин ухода в отставку с поста председателя КГБ СССР А. Н. Шелепина [6. С. 491]. Авторы исследования о советских перебежчиках Д. П. Прохоров и А. И. Лемехов указывают: «Надо сказать, что руководство СССР до самого последнего момента отрицало свою причастность к убийству Бандеры. Так, журналист И. Тихомиров в 1990 году в “Правде” с пеной у рта доказывал, что Бандеру убрали с дороги спецслужбы Западной Германии по требованию министра по делам беженцев Теодора Оберлендера, с которым тот сотрудничал в годы войны и слишком много о нем знал» [2. С. 210]. Отмечу, что это был далеко не единственный пример. Ту же самую версию, к примеру, озвучил в научно-популярной книге об украинском национализме советский писатель В. П. Беляев [7. С. 102–103].

Данная статья не ставит задачу пересказывать детали операции. Обратимся к следующему весьма важному вопросу – почему советское руководство приняло решение о ликвидации лидеров ОУН?

На первый взгляд, ответ не вызывает каких-либо сомнений – с точки зрения руководства как государства, так и КГБ СССР лидеры ОУН являлись злейшими врагами советской власти, поэтому решение о проведении спецоперации против них выглядит вполне логичным и обоснованным. Однако, подобная уверенность ставится под вопрос при учете следующих обстоятельств:

1) Относительная стабилизация политической ситуации на Западной Украине.

Уже к началу 1950-х годов там практически прекратилось массовое и открытое вооруженное противостояние. А согласно некоторым данным, только через ряды УПА прошло около 400 тыс. чел. [8. С. 374]. О политике советской власти на Западной Украине говорят следующие цифры, озвученные 26 мая 1953 г. в постановлении Президиума ЦК КПСС о политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР: «С 1944 по 1952 г. в западных областях Украины подверглось различным видам репрессии до 500 тысяч человек, в том числе арестовано более 134 тыс., убито более 153 тыс., выселено навечно за пределы УССР более 203 тыс. человек» [9. С. 47]. Известно также, что по состоянию на 1959 г. около 1600 тыс. украинцев эмигрировали в другие страны [10. С. 523].

К середине 1950-х годов благодаря активным пропагандистским мероприятиям советской власти у части населения Украины, произошел определенный сдвиг сознания, особенно среди молодежи. Существующие настроения можно проследить на примере ее реакции на общественно-политические события. Разумеется, многое зависело от уровня осведомленности о них. Молодежь, которая знакомились лишь с отечественной пропагандистской прессой,

преимущественно воспринимала все государственные мероприятия на веру. И наоборот, те, кто имел возможность и желание знакомиться с иностранными источниками информации, в основном критически относились к внутренней и внешней политике советского правительства. Но нельзя категорически утверждать, что все, даже принадлежащие к наиболее образованной части молодежи, например — студенты, были критически настроены относительно существующей системы.

Вот, например, как реагировали на смерть И. В. Сталина студенты ряда украинских вузов. Довольно неожиданной была реакция у студенчества Одесского университета. В то время, когда общество находилось в состоянии прострации, 12 марта 1953 г. на юридическом факультете этого вуза группой неизвестных была повреждена университетская стенгазета, посвященная памяти вождя. В течение 1953 г. такие факты не были единичными: неизвестные студенты срывали стенгазеты, вырезали отдельные статьи, рисовали на стенах сионистские знаки. Однако среди большинства студенчества авторитет И. В. Сталина был действительно безоговорочным. «Смерть Сталина для меня было личным горем, мне было очень больно. Все вышли во двор, были включены громкоговорители, мы слушали, стоя в снегу, без шапок, много ребят плакало, причем плакали те, кто воевали», — вспоминал М. Котляр, студент КГУ в 1950-е годы. В Андрушко, который в 1953 г. учился на третьем курсе Черновицкого университета, эти события вспоминает так: «Сообщение о смерти тирана встретили таким плачем, что я аж не поверил своим глазам и ушам. Какая-то девушка истерически воскликнула: “Лучше бы я умерла, чем до этого дожила!”. Вместе со студентами плакала искренними слезами и преподаватель зарубежной литературы». Как видим, советская власть достигла некоторых успехов в политическом воспитании ряда западноукраинских студентов. Именно такую студенческую молодежь застал в 1956 г. бывший сторонник ОУН—УПА М. Сливка, вернувшись из ссылки: «За этот промежуток времени, когда я нахожусь здесь, на Украине, я достаточно изучил народ — молодежь, особенно тех, кто учится. И что вы думаете? Эту молодежь так сумели воспитать большевики, что она иначе мыслить не может, как по-большевистскому» [11. С. 223—224, 248]. Подобные мысли о сельской молодежи высказывал в письме к бывшему сокамернику Юрчуку вернувшийся из заключения в село Голосковичи Заболотцевского района Львовской области участник ОУН Степан Грицина: «Я нахожусь на неузнаваемой земле. Та родная земля, которая питала нас когда-то хлебом и солью, сейчас кормит ядовитыми соками. Село неузнаваемо, люди стали другие. Где раньше была любовь и дружба, сейчас ненависть и неправда, предательство на каждом шагу, воспитывают “янычаров”, с которыми мне трудно говорить, а в данный момент не время расправляться» [12. С. 542].

Обратим внимание на то, что в отличие от отечественных исследователей по истории противоборства ОУН и советских органов госбезопасности один из ведущих украинских специалистов, начальник кафедры оперативного искусства и истории специальных служб Национальной академии Службы безопасности Украины Д. В. Веденеев придал важное значение планам Л. П. Берия после смерти И. В. Сталина относительно Украины: «Итак, в действиях ставленников Берия в Украине четко просматриваются качественные изменения в политике центра. Симптоматично, что проблема прекращения огня рассматривалась в тесной связи с устранением перегибов и послаблениями в социально-экономической, национальной, религиозной формах. Таковы

были признаки того, что хрущевские пропагандисты потом нарекли “бериевским заговором”» [13. С. 176].

Согласно постановлению ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. основные задачи оперативной деятельности органов госбезопасности во второй половине 1950-х годов были: «Борьба с подрывной деятельностью империалистических разведок и зарубежных антисоветских центров; ликвидация остатков буржуазно-националистического подполья на территории Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики; борьба с антисоветскими элементами из числа церковников и сектантов и с другими враждебными элементами внутри страны» [14. С. 510–511].

Заведующий административным отделом ЦК компартии Украины в марте 1955 г. Н. Кузнецов (в упоминаемом исследовании его должность ошибочно указана как «заведующий административным отделом ЦК КП(б)У», однако эта формулировка после 1952 г. не употреблялась) отмечал, что «в 1954 г. в западных областях имело место 13 бандитских проявлений», а из 29 случаев распространения антисоветских листовок было раскрыто только 12. «До настоящего времени не раскрыто 15 бандитских проявлений и 44 случая распространения антисоветских листовок, что имели место в 1952–1953 годах», – констатировал он [15. С. 872].

По данным оперативного учета по состоянию на 1 января 1955 г. по УССР насчитывалось 17 бандгрупп (все в западных районах), а по Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР – еще 14 [16. С. 309; 17. С. 408].

Как видим, несмотря на наличие подобных сигналов, эти цифры не идут ни в какое сравнение с тем масштабом вооруженного противостояния, имевшего место на Западной Украине ранее. В 1956 г. в СССР внутренними войсками было проведено 33 операции или боевых столкновения [18. С. 203]. В учебнике «История советских органов государственной безопасности» говорится, что именно в этом году «была завершена ликвидация остатков националистического подполья» на территории Украины, Литвы, Латвии и Эстонии. Не случайно, что именно тогда же органы КГБ СССР отказались от легендирования националистических групп при ведении оперативных игр. Практика показала, что, в ряде случаев, эти легенды или не выдерживали проверки, или, напротив, приводили к падению политического престижа СССР и активизации подрывной деятельности зарубежных националистических центров, которые использовали данные о связях с легендируемыми группами для получения материальной поддержки от разведок капстран [14. С. 516, 526].

Как видим, к середине 1950-х годов вооруженное подполье на Западной Украине практически перестало существовать. В связи с этим, теракты против лидеров ОУН за рубежом могли лишь привлечь внимание населения к национальной проблеме. Не надо забывать и о том, что существовала вероятность превращения лидеров ОУН в мучеников, погибших в борьбе с чекистами за освобождение своего народа.

2) Провозглашенный курс на демократизацию советского общества и отказ от «сталинско-бериевских методов работы» в органах госбезопасности.

Вскоре после создания КГБ СССР, его руководству было предписано «в кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берии в органах государственной безопасности и добиться превращения органов государственной безопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей» [6. С. 442–443].

Обратим внимание, что в записке министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова о создании КГБ (в данной записке он фигурирует как Комитет по делам государственной безопасности) при Совмине СССР от 4 февраля 1954 г., адресованной в Президиум ЦК КПСС, при организации КГБ предусматривалось сокращение штатной численности существующих оперативных управлений и отделов МВД, как в центре, так и на местах. Отмечу также, что исключением при упразднении отделов и отделений МВД в административных районах страны были только районы балтийских республик и западных районов Украины, где на базе райотделов МВД создавались аппараты уполномоченных КГБ. В целом, сокращение аппаратов КГБ и МВД СССР давало годовую экономию в сумме 860 млн руб. [19. С. 15, 18].

Согласно записке А. И. Серова в ЦК КПСС о работе КГБ при СМ СССР, датированной июлем 1957 г., «для выполнения задач, поставленных партией перед органами КГБ, прежде всего были приняты меры к очищению чекистских рядов от лиц не внушающих политического доверия, нарушителей советской законности, от карьеристов, выполнявших вражеские установки, морально неустойчивых и малограмотных работников» [20. С. 688]. Далее в записке приводились данные о сокращении чекистского аппарата: «Из органов госбезопасности было уволено 18 тыс. человек, как неспособных обеспечить выполнение поставленных перед органами КГБ задач. В том числе более 2300 сотрудников за нарушение советской законности, злоупотребление служебным положением и аморальные проступки.

Кроме того, за дискредитацию органов госбезопасности 40 бывших работников органов госбезопасности были лишены генеральских званий.

Из центрального аппарата Комитета госбезопасности было уволено около 2 тыс. сотрудников, из них значительное количество за нарушение советской законности и по служебному несоответствию. Из числа уволенных 48 являлись начальниками отделов и выше. Заменены почти все руководящие работники главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата» [20. С. 688–689].

П. А. Судоплатов указывает, что чистка в органах госбезопасности закончилась к 1956–1957 гг., причем «свидетелей которые слишком много знали, расстреляли, включая фальсификаторов уголовных дел». Под чистки попадали не только те, кто принимал активное участие в репрессиях, но и те, кто «слишком много знал о внутривластных интригах» [21. С. 626].

Среди известных «ликвидаторов», арестованных после смерти И. В. Сталина, помимо самого П. А. Судоплатова можно также назвать Я. И. Серебрянского (1892–1956), арестованного 8 октября 1953 г. и умершего во время допроса в Бутырской тюрьме МВД два с половиной года спустя (в 1971 г. реабилитирован по делу 1953 г. «за недоказанность обвинения», в апреле 1996 г. посмертно восстановлен в правах на изъятые при аресте награды) [22. С. 349–350] и Н. И. Эйтингона (1899–1981), отбывшего десятилетний срок заключения в 1953–1963 гг. (реабилитирован в 1992 г.) [22. С. 413–414].

Вплоть до декабря 1961 г. отбывал заключение доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы Г. М. Майрановский (1899–1964), арестованный в 1951 г. и приговоренный 14 февраля 1953 г. решением ОСО при МГБ СССР к десяти годам лишения свободы (в 1989 г. Генеральная прокуратура СССР отказала в его реабилитации) [22. С. 252]. В письме от 1962 г. за подписями председателя КГБ при СМ СССР В. Е. Семичастного и Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко говорилось: «Работая руководителем

организованной по личному указанию Берии специальной лаборатории, Майрановский длительное время занимался испытанием на живых людях сильнодействующих ядов, предназначенных для проведения тайных убийств. Свои бесчеловечные опыты он с ведома Берии и Меркулова проводил на заключенных, а также лицах специально похищавшихся для этой цели на улице. В результате преступной деятельности Майрановского было умерщвлено не менее 150 человек, многие из которых, как теперь установлено, были репрессированы и погибли безвинно» [23. С. 566].

Советское руководство обратилось к пересмотру многих фальсифицированных органами госбезопасности дел, в том числе – имевших отношение к деятельности националистических организаций. Так, в докладной записке военного прокурора ПрикВо генерал-майора юстиции А. А. Лабутева, подготовленной не позднее 31 марта 1954 г. и адресованной первому секретарю ЦК Компартии Украины А. И. Кириченко, сообщалось о многочисленных фактах нарушения социалистической законности допущенных работниками МВД западных областей УССР при проведении агентурно-оперативных мероприятий [24. С. 539, 548]. Вот один из наиболее ярких примеров, приводимых в этом документе. В 1953 г. в Военную прокуратуру поступила жалоба от колхозницы с. Побич Олесского района Львовской области Ключас Екатерины Петровны, в которой она просила сообщить о судьбе ее мужа – Ключаса Ивана Федоровича, арестованного органами МВД 2 августа 1949 г. [24. С. 544].

При расследовании было выяснено следующее:

«2 августа 1949 года бывший начальник разведки 7 погранотряда майор Ковалевич выехал вместе с агентом боевиком Заблоцким и группой солдат в с. Побич, где забрал колхозника Ключас И. Ф., доставил его в район проведения “операции”, и передел в форму немецкого солдата. Кроме того дал ему оуновские листовки и револьвер иностранной марки.

Тогда же ночью Ковалевич, в районе хутора Воля-Бортатовская, Городокского района, выставил засаду, перед которой поставил задачу – стрелять без предупреждения при появлении подозрительных лиц, а затем в этот район доставил переодетого в немецкую форму Ключаса, которого он избрал жертвой своей преступной провокации и преднамеренно поставил его в такие условия, что он, направляясь на хутор Воля-Бортатовская, натолкнулся на засаду и был убит.

После этого Ковалевич и бывший начальник Городокского райотдела МГБ майор Ерофеев составили заведомо ложный акт о ликвидации разыскиваемого органами МГБ агента иностранной разведки, и этот акт представили начальнику Управления погранвойск Украинского округа для поощрения отличившихся в операции.

Приказом начальника погранвойск МВД – генерал-майора Гребенник от 22 августа 1949 года № 094 майор Ковалевич был награжден часами, а остальным участникам операции, объявлена благодарность» [24. С. 545].

В заключении А. А. Лабутев подчеркнул:

«Начальник погранвойск МВД Украинского округа генерал-лейтенант Гребенник, его заместитель по разведке полковник Тер-Григорьян и бывший начальник УМГБ Львовской области полковник Майструк, получив данные о ликвидации “важного преступника”, даже не потрудились проверить достоверность этого факта.

Военной прокуратурой ПрикВо в отношении непосредственных виновников убийства Ключас возбуждено уголовное дело.

Окончание расследования по делу задерживается в связи с тем, что Ковалевич, находящийся в данное время во Владивостоке, помещен в психиатрическую больницу на исследование» [24. С. 545–546].

3) Необходимо отметить еще один фактор, который мог служить препятствием проведения ликвидаций лидеров ОУН. Это опасность международной огласки и скандала в случае срыва операции из-за разоблачения или измены исполнителя. Подобный прецедент уже имел место. Так, 20 апреля 1954 г. в Западной Германии корреспондентам, собравшимся со всего мира, представили советского ликвидатора, капитана госбезопасности СССР Н. Хохлова, который сдался западногерманской полиции в феврале 1954 г. Он рассказал, что ему поручили убить во Франкфурте-на-Майне Г. С. Околовича, руководителя эмигрантского Народно-трудового союза (НТС), и продемонстрировал специальную технику, которой его снабдили для проведения этой операции. Эта пресс-конференция вызвала оживленные комментарии по всему миру и привлекала внимание к деятельности только что созданного КГБ СССР, первым председателем которого был назначен И. А. Серов [6. С. 424–425, 427–428].

В 1955 г. для ликвидации президента НТС В. Поремского КГБ нанял профессионального убийцу – немца В. Вильдпретта. Но, также как и Н. Хохлов, он отказался от проведения этой акции и сообщил обо всем западногерманской полиции [4. С. 469]. Отмечу, что, последовательно описывая спецоперации КГБ, К. Эндрю и О. Гордиевский не дают ответа на вопрос – почему же за этими неудачами последовали решения на проведение новых акций? Неудачей закончилась и попытка КГБ в сентябре 1957 г. отравить самого Н. Хохлова радиоактивным таллием [4. С. 469].

Что же стало причиной, которая заставила советское руководство игнорировать факты разгрома ОУНовского подполья и определенных изменений на Западной Украине, отказаться от провозглашенной политики ухода от «бериевских методов» работы, подтверждением которой являлась «чистка» самих органов, да и просто не обращать внимание на возможность серьезного международного скандала, способного резко ухудшить имидж СССР?

Перед тем как ответить на этот вопрос, хотелось бы рассмотреть одну из несостоятельных версий о причинах принятия этого решения, получившей хождение в 2012 г.

В мае 1959 г. А. И. Шелепин «организовал в Москве крупнейшую со времен создания ЧК конференцию по вопросам разведывательной деятельности, на которой были обсуждены приоритетные задачи КГБ» [4. С. 469]. Помимо прочих докладчиков, на ней выступил Алексей Илларионович Кириченко (1908–1975), который в 1953–1957 гг. занимал пост первого секретаря ЦК Компартии Украины, а в декабре 1957 – мае 1960 гг. – секретаря ЦК КПСС, став вторым человеком в партии после Н. С. Хрущева. Он сыграл ключевую роль в снятии с поста председателя КГБ СССР А. И. Серова, используя компрометирующие последнего материалы, доказывающие, что последний награбил в Германии имущества на огромную сумму. Впрочем, об этом представители высшего советского руководства знали и ранее. В связи с этим интересна реплика секретаря ЦК КПСС Н. Н. Шаталина, высказанная при обсуждении выдвинутой Н. С. Хрущевым на пост руководителя КГБ кандидатуры И. А. Серова и зафиксированная в протоколе № 50 заседания Президиума ЦК КПСС от 8 февраля 1954 г.: «Я не голосовал бы за Серова. В аппарате отзыв плохой. Малопартийный, карьеристичный. Нос по ветру. Из Германии натаскал» [25. С. 23]. Обращу, кстати, внимание на тот факт, что, по состоянию

на апрель 2006 г., постановление Президиума ЦК КПСС от 3 декабря 1958 г. об освобождении И. А. Серова от обязанностей председателя КГБ при СМ СССР все еще находилось на закрытом хранении [19. С. 1040–1041] (даже одно это обстоятельство дает общее представление о степени доступности документов по теме данной статьи).

А. И. Кириченко также соперничал со сменившим Серова А. И. Шелепиным, но наткнулся на резкое возражение Н. С. Хрущева. В 1960 г. был снят со своего поста и отправлен с понижением на периферию, на должность первого секретаря Ростовского обкома КПСС [26. С. 224–225].

Руководитель историко-архивной службы ИД «Коммерсантъ» Е. Жирнов проанализировал выступление А. И. Кириченко, приведя из него обширные цитаты. Но ряд его выводов вызывает недоумение. Так, помимо прочего, он заявил о связи вышеуказанного выступления с последовавшей ликвидацией С. Бандеры: «Выступал Кириченко 14 мая 1959 года. А 15 октября того же года сотрудник КГБ Богдан Сташинский убил в Мюнхене Степана Бандеру. Казалось бы, перестройка в госбезопасности завершилась полным успехом. Не то что слово, каждый намек партии без промедления претворялся в жизнь» [27].

Оставив в стороне другие весьма странные положения автора, например о том, что советским лидерам, как минимум, вплоть до снятия А. И. Серова с поста председателя КГБ СССР «добиться главного – установления полного партийного контроля над образованным в 1954 году КГБ так и не удалось» (нелепость этого заявления Е. Жирнова полностью опровергают опубликованные документы, так в протоколе № 50 заседания Президиума ЦК КПСС от 8 февраля 1954 г. при обсуждении выдвинутой Н. С. Хрущевым на пост руководителя КГБ кандидатуры И. А. Серова, также высказывавшийся за нее Л. М. Каганович прямо заявил, что «он будет связан более с парт[ийными] орг[анами]; К[омитет] – это отдел партийный» [25. С. 19]), перейдем к затронутому им вопросу о причинах ликвидации С. Бандеры.

Во-первых, хотя А. И. Кириченко и выступал в качестве важного представителя высших партийных органов (замечу, что председатель КГБ СССР А. И. Шелепин, занимавший этот пост с декабря 1958 г., сам пришел в органы из верхушки партаппарата, где находился на должности заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС [28. С. 427] и даже отказался от положенного ему по должности воинского звания [26. С. 584], было бы наивно полагать, что деятельность КГБ определялась подобного рода речами. Он лишь озвучил общие тенденции и направления работы органов госбезопасности, а последние, разумеется, определялись, не только им лично.

Во-вторых, в его выступлении речь шла не только об ОУН или о С. Бандере, но и о массе других аспектов деятельности органов госбезопасности.

В-третьих, не надо забывать о том, что подготовка к операции против С. Бандеры началась еще до майской конференции 1959 г. и выступления на ней А. И. Кириченко. Так, в мае 1958 г. ликвидатор Б. Н. Сташинский по фальшивым документам вылетел в Роттердам, где должна была состояться поминальная служба по убитому два десятка лет назад сотрудником НКВД Судоплатовым известному украинскому националисту полковнику Е. Коновальцу, и на кладбище Роттердама он впервые увидел С. Бандеру [2. С. 208].

Поэтому явный акцент автора на связь выступления А. И. Кириченко (говорившего, кстати, всего лишь о необходимости компрометации С. Бандеры) с убийством последнего, выглядит явно надуманно. Это было традиционное ритуальное выступление ответственного партийного чиновника,

ретранслирующего общие установки партии на работу органов ГБ в текущих условиях. Фактически, ничего особо нового и отличного от ранее известных установок о борьбе с национализмом, слушатели конференции не услышали.

Д. Веденеев связывает активизацию жестких мер по отношению к оппозиционным националистическим силам Украины и репрессии к тем сотрудникам госбезопасности, которые были вовлечены в попытки прекращения гражданской войны в связи с арестом Л. П. Берия. «Осмелимся утверждать, что бериевские “сто дней”, в случае их продления, потенциально несли что-то новое и для Украины», — заключает автор [2. С. 177].

Примечателен телефонный разговор Л. П. Берии с Н. С. Хрущевым в апреле 1953 г., свидетелем которого стал П. А. Судоплатов: «Однажды, зайдя в кабинет Берии, я услышал, как он спорит по телефону с Хрущевым: “Послушай, ты сам просил меня найти способ ликвидировать Бандеру, а сейчас ваш ЦК препятствует назначению в МВД компетентных работников, профессионалов по борьбе с национализмом”» [21. С. 548–549]. Мы видим, что Н. С. Хрущев был инициатором ликвидации С. Н. Бандеры как минимум с 1953 г. и что сторонники жесткого курса в отношении украинских националистов могли сослаться на то, что разоружиться перед ООН пытался лишь только «преступник» Л. П. Берия и его люди. Но почему тогда выполнение этой акции затянулось на шесть с лишним лет?

С моей точки зрения существовал своего рода переломный пункт в настроениях советских лидеров, который, если и не запустил этот механизм, то, как минимум, резко форсировал сроки его выполнения. Речь идет о событиях второй половины 1956 г. в Польше и, особенно, в Венгрии. Именно эти внешнеполитические события оказали серьезное влияние на ужесточение общего курса СССР по отношению к Западу и не могли не стимулировать ряда необходимых с точки зрения советского руководства действий, одними из которых и стали спецоперации КГБ.

Обратимся к следующему отрывку из важного документа — записки Комитета информации при МИД СССР в Президиум ЦК КПСС «О положении на идеологическом фронте в ВНР» от 2 июня 1956 г., — который был подготовлен в связи с предстоящим обсуждением на Пленуме ЦК КПСС идеологических вопросов заместителем председателя Комитета информации при МИД СССР И. Тугариновым:

«В период 1954–1955 гг. в Венгерской Народной Республике произошло заметное оживление буржуазного национализма [...] Националистические проявления имеют место и среди некоторой части работников партийного и государственного аппарата» [29. С. 96].

Даже такая фигура как Матиас Ракоши, которую явно абсурдно причислять к числу сторонников «венгерской революции», в письме Н. С. Хрущеву от 15 декабря 1956 г. четко указывал на национальную проблему и на неспособность правящего режима ее решить как на один из важнейших детонаторов венгерских событий: «Известно, что когда в 1938–1941 годах Хорти, будучи сателлитом Германии, “возвратил” те области, в которых жило около 3 миллионов венгров, этот факт был воспринят большинством народа с воодушевлением. В конце Второй мировой войны одновременно с освобождением нашей родины эти почти 3 миллиона венгров вновь стали национальным меньшинством. Враг в полной мере использовал этот факт, и эта ситуация позволила шовинистам отчасти распространить свое влияние на те, впрочем, демократические элементы, на трудовое крестьянство и даже рабочих, которые

сожалели, что одна четвертая часть венгерского народа вновь стала национальным меньшинством [...] Демонстрацию 23 октября с первой минуты характеризовали шовинистические, антикоммунистические и антисоветские лозунги» [30. С. 745, 749].

Очень важно отметить, что «контрреволюционный мятеж в Венгрии 1956 г.» по мнению авторов учебника «История советских органов государственной безопасности» прямо способствовал активизации националистического движения на Украине, Белоруссии и в прибалтийских республиках [14. С. 495].

В разгар венгерских событий председатель КГБ СССР И. А. Серов 3 ноября 1956 г. направил в ЦК КПСС записку № 2526-с, в которой сообщал, что в Прибалтике и в западных областях Украины «несколько оживилась активность контрреволюционных элементов, особенно за счет лиц, возвратившихся из мест заключения после отбытия наказания». В связи с этим, Серов даже просил выделить в распоряжение КГБ мобильные войсковые отряды для наведения порядка «в тех случаях, когда будут возникать отдельные антисоветские проявления». Примечательно, кстати, что отряды численностью по 1800–2000 человек каждый Серов планировал разместить не только в Прибалтике и Украине, но и в Закавказье и других регионах [29. С. 54]. В недавно вышедшем сборнике документов «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР» советские лидеры фактически критикуются за «мягкую позицию» на примере амнистии 1955 г., которая, по мнению его авторов, «позволила дать новый импульс борьбе местных националистов и сепаратистов против советской власти» [29. С. 37].

Авторы учебника по истории советских органов госбезопасности констатировали: «В 1956–1957 годах на Украине, в Литве, в Латвии и Эстонии возросло число открытых националистических выступлений, усилилась антисоветская обработка националистами политически неустойчивых лиц, особенно из числа учащейся молодежи, увеличилось количество случаев распространения антисоветских листовок и анонимных писем враждебного характера и совершения террористических актов. Участились случаи националистических проявлений и в лагерях, где отбывали наказание буржуазные националисты» [14. С. 495–496].

Таким образом, позиция советских спецслужб, доносимая до сведения советского руководства и, несомненно, влиявшая на позиции последнего, заключалась в указании на рост националистических настроений на западе СССР в связи с венгерскими событиями, которые наложились на недавно объявленную амнистию. Ситуация усугублялась и позицией США. 22 апреля 1957 г. госсекретарь США Дж. Ф. Даллес выступил в агентстве «Ассошиэйтед Пресс» с первой крупной после вторичного избрания Д. Эйзенхауэра на пост президента США программной речью по вопросам внешней политики, в которой он обосновывал тезис об особой миссии США в системе международных отношений. Даллес подчеркнул озабоченность США отсутствием свободы у «порабощенных наций» Восточной Европы, и, касаясь венгерских событий 1956 г., отметил, что «события прошедшего года свидетельствуют о том, что наступление на свободу все больше возрастает» [31. Р. 5].

Именно опасность распространения «буржуазного национализма», подтверждавшаяся примерами Польши и Венгрии, стало причиной принятия советским руководством активизации жестких действий против зарубежных организаций ОУН.

Отмечу, что информация разных авторов по этим операциям в ряде случаев неточная. Так, в работе К. Эндрю, написанной им совместно с О. Гордиевским, говорится, что убийства Л. Ребета и С. Бандеры проводились с санкции «Шелепина и Хрущева» [4. С. 470]. Это преувеличение роли Шелепина. Напомню, что в марте 1954 — декабре 1958 гг. (то есть на момент проведения первой акции) председателем Комитета государственной безопасности СССР был не Шелепин, а генерал армии И. А. Серов [32. С. 520; 28. С. 367]. Как совершенно верно указал Л. М. Млечин, «при Шелепине продолжались операции по устранению убежавших на Запад врагов советской власти», а «его предшественник Серов» подписал приказ об уничтожении Льва Ребета [6. С. 489].

Первым объектом спецопераций стал 45-летний Л. М. Ребет, который с 1948 г. вместе с Миколой Лебедем, Иваном Бутковским и Мирославом Прокопом был одним из руководителей организации, выделившейся из ОУН(б), так называемой «Заграничной ОУН» или ОУН(з), а с 1956 г. возглавлял ее с Зиновием Матлой. После 1949 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Государство и нация» и до самой смерти занимался научной разработкой этой темы. Он отверг лозунг «Украина для украинцев» (об этом, кстати, весьма критически отозвались представители Степана Бандеры), чтобы вместо тирании, которую по его мнению столетиями на Востоке представляла русская империя (как белая, так и красная) показать образец демократического государства.

Название организации «Заграничной ОУН» вместе с фамилиями ее лидеров фигурирует, в частности, в перечне «зарубежных центров украинских буржуазных националистов» в докладной записке Отдела административных органов ЦК Компартии Украины от 18 сентября 1959 г. «О состоянии работы органов государственной безопасности Украинской ССР»: «“закордонні частини ОУН” (главарі — Бандера, Стецько, Чайківський), “Закордонне представництво Української головної визвольної ради” (Лебідь, Гриньох), “Провід українських націоналістів” (Мельник, Бойдуник), “ОУН за кордоном” (Матла, Ребет Дарка, Стахів), “Українську національну раду” (Левицький), “Українську робітничо-демократичну партію” (Багрянний) та інші» [24. С. 580, 582, 587]. Л. М. Ребета к этому времени уже не было в живых.

Этой фигуре в отечественной (и не только) историографии уделено значительно меньше места, чем С. Бандере, доказательством чего являются следующие фактические ошибки.

В работах К. Эндрю, написанных им как совместно с О. Гордиевским так и с В. Митрохиным, Лев Ребет именуется главным идеологом НТС: «Последовали успешные операции по ликвидации двух лидеров украинской эмиграции в Западной Германии — главного идеолога НТС Льва Ребета в октябре 1957 года...» [4. С. 470]; «the main NTS ideologist, Lev Rebet» [5. P. 361].

Эту же ошибку повторяет и Л. М. Млечин, характеризуя Ребета именно как «главного идеолога Народно-трудового союза» [6. С. 489].

Следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Командир вооруженных формирований Литовской освободительной армии (ЛЛА) Союза литовских партизан Адольфас Раманаускас («Ванагас»), который еще в 1952 г. приказал прекратить организованное сопротивление, был арестован в октябре 1956 г. в Вильнюсе вместе с женой [13. С. 401, 405]. Смертный приговор Раманаускасу был вынесен 25 сентября 1957 г. Случайно или нет, но смерть Льва Ребета 12 октября 1957 г. и вынесение смертного приговора А. Раманаускасу, во-первых, практически совпали по времени, а, во-вторых,

произошли незадолго до празднования 40-летия Октябрьской революции, во время которого руководство советских спецслужб не могло не опасаться инцидентов на националистической почве. Эти акции еще раз показывают единство жесточайших действий советского руководства против националистических движений и их лидеров, причем не только на Украине.

Можно сделать вывод, что руководство СССР после смерти И. В. Сталина испытывало страх перед объединенными выступлениями националистических сил на Западе СССР, и события 1956 г. подтолкнули санкционированные ими весьма рискованные спецоперации КГБ за рубежом против лидеров ОУН, несмотря на их весьма сомнительные, с практической точки зрения, результаты. Это произошло уже на новом этапе битвы с национализмом в СССР, которая перешла от стадии вооруженного противостояния к борьбе идеологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rottman G. L.* The Berlin Wall and the Intra-German Border 1961–89. Osprey Publishing. Oxford, New York, 2008.
2. *Прохоров Д. П., Лемехов А. И.* Перебесчики. Заочно расстреляны. М., 2001.
3. Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь российских спецслужб. М., 2002.
4. *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992.
5. *Andrew Ch., Mitrokhin V.* The sword and the shield. The Mitrokhin archive and the secret history of KGB. Basic Books, 1999.
6. *Млечин Л. М.* КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. М., 2003.
7. *Беляев В. П.* Я обвиняю! М., 1980.
8. *Ткаченко С. М.* Повстанческая армия (Тактика борьбы). Минск, 2000.
9. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
10. *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
11. Повеєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.). У 2 книгах, 3 частинах. Київ, 2010. Кн. 1. Ч. 1–2 (серія «3 історії повсякденного життя в Україні». Т. II).
12. Літопис Української Повстанської Армії. Т. 7. Нова Серія. Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії, НКВС–МВС, МДБ–КДБ 1949–1959. Київ, Торонто, 2003. Книга четверта: 1949–1959. Документи і матеріали.
13. *Веденев Д. В.* Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. Киев, 2008.
14. История советских органов государственной безопасности. М., 1977.
15. *Серейчук В.* Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944–1953 рр. Нові документи і матеріали. Київ, 1998.
16. Теория и практика западноукраинского национализма в документах НКВД, МВД и МГБ СССР (1939–1956). М., 2010.
17. Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР (1939–1956). М., 2011.
18. *Борисов А. В., Дугин А. Н., Малыгин А. Я.* и др. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.
19. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. М., 2006. Т. 2. Постановления 1954–1958.
20. Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. М., 2003.
21. *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997.
22. *Тумшиц М. А., Золотарев В. А.* Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. Самара, 2012.
23. *Петров Н. В.* Кто руководил органами госбезопасности. 1941–1954. М., 2010.

24. Літопис Української Повстанської Армії. Т. 3. Нова Серія. Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України 1943–1959. Документи і матеріали. Київ, Торонто, 2001.
25. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. М., 2004. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы.
26. *Зенькович Н. А.* Самые закрытые люди. М., 2004.
27. *Жирнов Е.* «Дядей в органах КГБ немало, а умения нащупать врага еще не всегда хватает» / Коммерсантъ Власть. 2012. 08.10.
28. Центральный комитет КПСС, ВКП (б), РКП (б), РСДРП (б): Историко-биографический справочник. М., 2005.
29. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., 2009.
30. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.
31. The New York Times. 1957. 23 April.
32. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник. М., 1999.

© 2017 г. Д.Ю. КОЗЛОВ

«FRIVOLES VABANQUESPIEL».
ПЛАНЫ ПРОРЫВА ФЛОТА ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ
В ЧЕРНОЕ МОРЕ
(АВГУСТ 1914 ГОДА)

Военно-политические и дипломатические перипетии, связанные с планами развертывания сил австро-венгерского флота в Черное море, остаются одним из наименее известных сюжетов истории начального периода Первой мировой войны. В настоящей статье предпринята попытка пролить свет на эту интересную тему с использованием материалов и документов, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот.

Military, political and diplomatic twists and turns associated with the plans of deploying the Austro-Hungarian navy to the Black Sea belong to less known subjects of the history of the first days of the First World War. This article sheds light on this interesting topic with the use of recently discovered materials and documents.

Ключевые слова: Первая мировая война, Черное море, Австро-Венгерский флот, стратегические планы.

Keywords: First World War, Black See, Austro-Hungarian Navy, strategic plans.

Что же представлял собой императорский и королевский флот Австро-Венгрии к началу Первой мировой войны? Флотскими делами в империи Габсбургов ведал морской департамент имперского военного министерства, начальник которого (с 1913 г. эту должность занимал адмирал барон Антон Хаус) в военное время становился командующим флотом.

Австро-Венгрия обладала развитой кораблестроительной базой, была в состоянии самостоятельно строить корабли всех классов (кстати, главным апологетом развития морской мощи двуединой монархии был эрцгерцог Франц Фердинанд, убийство которого послужило поводом к развязыванию мировой войны [1. С. 18; 2. С. 37]) и к началу войны располагала компактным, но хорошо сбалансированным и подготовленным флотом, способным, как показал опыт событий 1914–1918 гг., успешно решать задачи по прикрытию побережья своих приморских областей – Далмации, Хорватии и Истрии.

К августу 1914 г. австро-венгерский флот включал, не считая совершенно устаревших кораблей, 12 линкоров (из них три дредноута), девять крейсеров

Козлов Денис Юрьевич – д-р ист. наук, заместитель начальника Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

(в том числе три броненосных), 19 эсминцев, 60 миноносцев и 14 подводных лодок [3. С. 74]. Эти силы были сведены в две эскадры линейных кораблей (по две дивизии в каждой), легкую (крейсерскую) дивизию, две флотилии эскадренных миноносцев, «специальную группу береговой обороны» (дивизия броненосцев береговой обороны и дивизия устаревших крейсеров), а также соединения легких сил («силы местной обороны») в Поле (Пула), Триесте, Себенико (Шибеник), Каттаро (Котор) и на острове Луссин (Лошинь) в заливе Кварнеро (Кварнер) [4. Р. 11–15]. Австро-Венгрия располагала сильной флотилией на Дунае (шесть мониторов и несколько сторожевых судов), доминирующей над речными силами других придунайских государств, хотя и оказавшейся недостаточно подготовленной к совместным действиям с сухопутными войсками [5. С. 5, 134]. Личный состав флота насчитывал около 39 тыс. человек [6. С. 25].

Главная база флота – Пола – располагалась в северной части Адриатического моря, в средней его части находились военно-морская база Каттаро и пункт базирования Себенико. Система базирования австро-венгерского флота соответствовала его составу и в целом обеспечивала решение поставленных задач. Ее недостатком справедливо считалось отсутствие опорного пункта в оперативно важном районе Отрантского пролива, вблизи выхода из Адриатического моря в Средиземное [7. С. 14].

В соответствии с военно-морской конвенцией, заключенной государствами Тройственного союза 1 ноября 1913 г.¹, в случае войны против Франции или Франции и Великобритании военные флоты Австро-Венгрии и Италии, а также германская Средиземноморская дивизия объединялись под командованием адмирала А. Хауса. Союзным флотам Центральных держав надлежало сосредоточиться в центральной части Средиземного моря, с тем чтобы с опорой на Неаполь, Мессину и Аугусту контролировать все морские коммуникации на театре. Основными задачами объединенной группировки считались борьба с англо-французскими военно-морскими силами, содействие австро-венгерским войскам на Балканском полуострове, пресечение морских перевозок противника, оборона Адриатического моря и западного побережья Италии [7. С. 199]. К началу войны были разработаны тактические инструкции и документы по связи, обеспечивающие совместное применение морских сил Центральных держав [8. С. 178].

В случае же сохранения Италией нейтралитета или ее перехода на сторону Антанты (а такая возможность вполне допускалась австро-венгерским командованием [9. С. 291]) императорский и королевский флот ограничивал операционную зону Адриатическим морем, где предполагал оборонять свои берега и вести активные действия против Черногории и, возможно, побережья Италии. Изрезанный характер береговой черты и обилие островов в Адриатике облегчали австро-венгерскому флоту ведение разведки, наблюдения и скрытного развертывания сил.

В русских планах войны на «южном театре» военно-морские силы империи Габсбургов в качестве потенциального противника в Черном море фигурировали начиная с 1908 г. Явный крен «младотурок» в сторону австро-германского блока заставил российский Морской генеральный штаб (МГШ, генмор) приступить к разработке «плана операций» Черноморского флота против морских сил коалиции враждебных государств.

---

¹ Здесь и далее даты приведены по новому стилю.

Результатом работы генмора стал «План войны на Черном море России с западной коалицией на 1909—13 гг.», предусматривавший возможность образования направленного против России военного союза в составе Германии, Австро-Венгрии, Румынии и Турции [10. С. 237—241]. Уже в 1909 г. на итоговых осенних маневрах морских сил Черного моря, где отрабатывались действия по недопущению выхода из Босфора неприятельской эскадры, в числе сил «противника» учитывалась дивизия австрийских броненосцев типа «Erzherzog» [11. Ф. р-2246. Оп. 1. Д. 117. Л. 6]. Опасения МГШ не были беспочвенными: еще в 1887 г. на переговорах о заключении австро-турецкого антиросийского военного союза обсуждался вопрос о пропуске австрийского флота в Черное море, тогда же группа австрийских морских офицеров прибыла в Турцию для изучения нового театра военных действий [12. С. 264, 265]. Да и в последние предвоенные годы официальная Вена рассматривала Турцию как своего возможного союзника в войне с Россией и всеми мерами стремилась склонить на свою сторону другие причерноморские государства [13. С. 37—48].

События первых дней Великой войны, казалось, подтверждали уместность предположений об активном вмешательстве Австро-Венгрии в ситуацию на Черноморском театре военных действий. 4 августа 1914 г. в Тешене начальник австрийского полевого генштаба фельдмаршал Ф. Конрад фон Гетцендорф принял флотского представителя в ставке контр-адмирала Г. Э. Респа. Последний, исходя из объявленного Италией нейтралитета и практически предрешенного выступления Англии, констатировал крах предвоенных планов применения «союзного» австро-итальянского флота и сделал вывод о весьма опасном положении австрийских морских сил перед лицом господствующих в Средиземном море англичан и французов. Бесплезному блокированию в Адриатике сильнейшим неприятелем Респ предпочитал прорыв в Черное море. Действительно, по черноморским меркам флот Габсбургов выглядел весьма внушительным и явно превосходил силы, которыми располагал командующий русским Черноморским флотом адмирал А. А. Эбергард. К первым числам августа 1914 г. были боеготовы 1-я дивизия линкоров вице-адмирала М. Ньегована в составе дредноутов «Tegetthof», «Viribus Unitis» и «Prinz Eugen» (20 тыс. тонн, 20 узлов, по двенадцать 305-мм и 150-мм орудий) и 2-я дивизия контр-адмирала Вилленика из трех додредноутов типа «Radetzky», сопоставимых с кораблями типа «Евстафий» — лучшими линкорами нашего Черноморского флота. И это не считая броненосного крейсера «Sankt Georg» с 240-мм артиллерией, 29-узлового скаута «Admiral Spaun» и нескольких вполне современных эскадренных миноносцев типа «Tatra»².

Идея перевода австрийских кораблей в Черное море была не нова и уже выдвигалась немцами, которые предполагали столь нетривиальным путем вырвать господство на этом морском театре, создать угрозу российскому побережью, а затем, обезопасив прибрежные районы Болгарии и Румынии, облегчить тем самым их выступление на стороне Центральных держав. Видимо, поэтому прожект нашел самого горячего сторонника в лице министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Л. фон Берхтольда, который поспешил телеграфировать в Константинополь о необходимости пропуска

² Приведен состав боеготового ядра австро-венгерского флота, отоброшенного и способного решать задачи по предназначению к началу августа 1914 г. [14. Р. 299].

австрийских кораблей в Черное море, а в Берлин направил предложение об участии в экспедиции германской Средиземноморской дивизии контр-адмирала Вильгельма Сушона в составе линейного (по германской классификации — «большого») крейсера «Goeben» и легкого («малого») крейсера «Breslau».

Весьма вероятно, что именно с черноморскими делами связана задержка с формальным вступлением Австро-Венгрии в общеевропейский конфликт (война России была объявлена только 6 августа): Конрад полагал, что развертывание австрийского флота в Черное море займет не менее трех суток, и на такой срок должно быть задержано объявление войны России.

Заинтересованность в приходе австрийских кораблей обнаружила и турецкая верхушка. Энвер и Джемаль настаивали на переводе в Константинополь одного или двух австро-венгерских линейных кораблей и обратились за содействием к австрийскому военному атташе фельдмаршал-лейтенанту³ И. Помянковски. Последний и сам полагал, что «императорские дредноуты в Черном море могли бы сыграть гораздо более полезную роль, чем в Адриатике», и направил австрийскому верховному командованию соответствующую телеграмму [15. S. 74, 75]. Однако ответа он не дождался.

Точку в дискуссии по поводу «черноморской экспедиции» поставил Хаус, который назвал это предприятие «фривольной игрой ва-банк» («frivoles Vabanquespiel») [6. S. 81]. В наиболее развернутом виде аргументация австрийского адмирала изложена в его сообщении в ставку, текст которого был опубликован корветтен-капитаном бывшего императорского и королевского флота Теодором Брауном на страницах немецкого журнала «Marine Rundschau» в 1929 г.

Прежде всего, адмирал Хаус, справедливо указавший на наличие оборудованной базы как на «*condicio sine qua non*»⁴ успешных действий флота, констатировал невозможность организации полноценного материально-технического обеспечения вверенных ему сил ни в одном из турецких, болгарских или румынских портов. Что же касается Константинополя, то его скудных возможностей и ресурсов едва хватало для обеспечения собственно турецкого флота и пришедших сюда в скором времени германских крейсеров. Достаточно сказать, что во всей Османской империи не было ни одного дока для линейных кораблей, и впоследствии немцам приходилось устранять боевые повреждения подводной части «Goeben» с помощью кессонов [16. S. 62; 17. С. 462–475]. Базирование на Босфор не удовлетворяло адмирала и по оперативным соображениям — более чем 300-мильное удаление от российского побережья грозило серьезно затруднить активные действия австрийских кораблей, дальность плавания которых существенно уступала таковой у «Goeben» и «Breslau».

Кроме того, Хаус высказал вполне уместные сомнения в том, что англичане и французы, не имевшие на Средиземном море других противников, будут безучастно взирать на переход австрийского флота в Турцию. Наконец, с началом общеевропейского конфликта австро-венгерские корабли рисковали быть заблокированными в Дарданеллах и, как полагал адмирал, смогли бы возвратиться в Адриатическое море только после заключения мира. А это оставляло Адриатическое побережье империи протяженностью более

³ Воинское звание в австро-венгерской армии, соответствующее генерал-лейтенанту.

⁴ Необходимое условие (лат.).

300 миль без прикрытия перед лицом превосходящих англо-французских сил, а возможно и итальянских. Кстати, для последних, как полагал австрийский адмирал, «беззащитность» берегов Далмации, Хорватии и Истрии могла стать лишним стимулом для перехода в стан Антанты. Поэтому, как резюмировал свои рассуждения Хаус, «перемещение района операций императорского и королевского флота из Адриатического моря в Черное [...] в сложившейся в настоящее время обстановке является для нас просто неразрешимой задачей» [9. S. 295].

Однако эти очевидные резоны не нашли понимания у инициаторов «черноморского» проекта. Узнав о вето, наложенном адмиралом, министр иностранных дел сетовал в письме начальнику генштаба: «Я неприятно поражен известием, что Хаус ставит такие препоны Вашему гениальному плану. Его выполнение имело бы громаднейшее значение для окончательного положения Румынии и Болгарии, которые обе опасаются появления у их берегов русского флота» [18. С. 19].

Отмечу, что поиски австрийским командованием точки приложения усилий своего военно-морского флота не ускользнули от внимания российского МГШ. «Доверительно. Наше морское ведомство считает возможную попытку Австрии при сообщничестве Турции, поведение которой весьма двусмысленно, направить свой флот в Черное море, где он имел бы несомненное преобладание над нашим флотом, усилившись присоединением германских и, быть может, турецких судов», — сообщил министр иностранных дел С. Д. Сазонов послам в Лондоне и Париже 5 августа [18. С. 19].

Однако вопреки опасениям российских моряков и дипломатов, адмирал Хаус не только не повел свои дредноуты в Константинополь, но и не выполнил настойчивой просьбы В. Сушона «как можно скорее выручить “Goeben” и “Breslau”», ссылаясь на незавершенность объявленной только 4 августа мобилизации австрийского флота. В день получения телеграммы Сушона — 5 августа — германские крейсера экстренно грузились углем в Мессине перед прорывом в восточную часть Средиземного моря, который итальянская пресса окрестила «походом смерти». «Попытка помочь “Goeben” могла привести к потере нами двух сильнейших дивизий линейных кораблей, ядра нашего флота, и тем только повредить нашему общему делу», — писал австрийский командующий начальнику германского адмирал-штаба адмиралу Г. фон Полю 8 августа, изложив мотивы «неописуемо горького» решения отказать Сушону в помощи [9. S. 294].

Впрочем, главная причина отказа австрийского командования от помощи германской Средиземноморской дивизии, о которой умолчал Хаус в письме в Берлин, лежала, безусловно, в плоскости политической. Правящие круги двуединой монархии всеми мерами пытались ограничиться региональной войной против Сербии, пусть даже и поддержанной Россией, и противились втягиванию в общеевропейский военный конфликт против Запада, с которым, как справедливо замечает современный исследователь, «Монархии и делить было нечего» [19. С. 18]. Австро-Венгрия еще не находилась в состоянии войны с Великобританией (это случилось только 11 августа) и, по выражению автора официального немецкого описания действий германо-турецкого флота в Великой войне Г. Лорея, «таила надежды на нейтралитет Англии по отношению к Австрии». Действительно, между Веной и Лондоном не существовало неразрешимых противоречий ни в экономической, ни в политической

сферах. Да и сами англичане, устремленные на решительное военное столкновение с Германией, вовсе не считали неизбежным распространение его и на Дунайскую монархию. В этом, в частности, 4 августа заверил австро-венгерского посла графа А. Мендсдорфа британский министр иностранных дел сэр Э. Грей, который, по наблюдению австрийского дипломата, «откровенно желал избежать конфликта». В этих условиях помощь адмирала Хауса германским кораблям перечеркнула бы все усилия венской дипломатии. Поэтому, как свидетельствует Т. Браун, верховное командование «дало флотским командирам определенные указания избегать конфликта с Англией в соответствии с ясно выраженным желанием Министерства иностранных дел» [9. S. 292].

Правда, австрийская главная квартира допускала возможность помощи крейсерам Сушона в том случае, если они прорвутся в Адриатическое море. Поэтому 7 августа, узнав о выходе Средиземноморской дивизии из Мессины и о новой просьбе германского адмирал-штаба выдвинуть австрийский флот «хотя бы до Бриндизи», Хаус вывел из Пола лучшие силы — шесть линкоров, два крейсера и два десятка эсминцев. Однако уже вечером того же дня, не пройдя и половины пути до Отрантского пролива, адмирал получил сообщение о движении германских крейсеров на восток и повернул восвояси [9. S. 292, 293]. Через три дня — 10 августа — корабли Сушона, успешно преодолев недостаточно энергичное и умелое противодействие со стороны британского флота, вошли в Дарданеллы. По наблюдению немецкого историка, появление германских крейсеров в Проливах «произвело впечатление чуда» [20. S. 14], а восхищенный Вильгельм II наложил на донесение командира Средиземноморской дивизии резолюцию — «Превосходно выполнено! Железный крест!» [21. S. 19]. Именно «Goeben» (после фиктивной продажи Турции он получил название «Явуз Султан Селим») и «Breslau» («Мидилли»), а не австрийским морским силам, предстояло стать главными противниками российского Черноморского флота в Первой мировой войне.

Однако и в последующие недели — вплоть до вооруженного выступления Турции 29 октября 1914 г. и блокирования ее Средиземноморского побережья англо-французским флотом — возможность появления австрийских кораблей в Черном море не сбрасывалась со счетов адмиралом Эбергардом и его штабом. 30 августа, лишившись (на опыте «Goeben» и «Breslau») иллюзий относительно способности союзников преградить противнику путь в Дарданеллы, командующий Черноморским флотом обратился с письмом к министру иностранных дел. Андрей Августович констатировал, что «поведение Турции в вопросе с немецкими крейсерами не оставляет сомнения в том, что для наших врагов проливы всегда открыты», и просил Сазонова «самым определенным образом поставить в известность Францию и Англию, что появление в проливах австрийских судов лишит наш флот возможности оспаривать господство на море» [22. Л. 1]. Шефу российского внешнеполитического ведомства оставалось лишь «вновь настоять перед союзными правительствами на необходимости ни в коем случае не допустить присоединения к турецкому флоту австро-венгерских военных судов» [11. Ф. 609. Оп. 1. Д. 380. Л. 1–2].

Тревоги многоопытного российского адмирала оказались напрасными. Нейтралитет, а затем — в апреле 1915 г. — выступление Италии на стороне Антанты и устойчивое господство союзников на Средиземноморском театре

военных действий сделали невозможным перевод сил австро-венгерского флота на помощь Турции и заставили австрийское командование ограничить операционную зону своего флота Адриатическим морем.

Правда, в декабре 1915 г., на фоне свертывания англо-французскими силами Дарданелльской кампании, осторожный Эбергард, озабоченный «разбросанностью в Средиземном море флота союзников» и «важностью для противника балканско-черноморского театра», еще раз указал верховному командованию на возможность прорыва в Черное море австрийских дредноутов, что, по мнению командующего флотом, в изменившейся обстановке могло стать «ближайшей задачей германцев» [11. Ф. 418. Оп. 2. Д. 267. Л. 106, 109]. По просьбе начальника Штаба главковерха генерала от инфантерии М. В. Алексева начальник МГШ вице-адмирал А. И. Русин поручил военно-морским агентам в Лондоне, Париже и Риме оповестить военно-морское руководство союзных держав об опасениях Эбергарда, которые и были доведены до сведения командования союзного флота в Средиземном море [11. Ф. 418. Оп. 2. Д. 267. Л. 107].

Весной 1916 г. средиземноморское командование морских сил Антанты вновь получило сведения о возможности прорыва флота Габсбургов в Черное море, в апреле на состоявшемся на Мальте совещании союзных флагманов обсуждался вопрос о предотвращении такого прорыва и были намечены соответствующие мероприятия [22]. Вместе с тем, командующий итальянским флотом вице-адмирал Луиджи-Амадео герцог Абрुцци, запрошенный по этому поводу российским представителем, отрицательно отзывался о возможности такого поворота событий, поскольку уход флота из Адриатики принес бы Австрии больше ущерба, чем пользы [11. Ф. 609. Оп. 1. Д. 612. Л. 200–207]. На запрос Морского штаба верховного главнокомандующего о данных, которыми располагает командование флота Черного моря, начальник разведывательного отделения штаба командующего флотом капитан 2 ранга А. А. Нищенков ответил так: «Агентурных сведений нет, все сведения газетного происхождения» [22].

Действительно, австрийские дредноуты, появления которых в Черном море добивались Энвер и Джемаль и опасался Эбергард, почти всю войну простояли в Поле, оберегаемые для эфемерного генерального сражения с морскими силами союзников. Только на исходе Великой войны — в июне 1918 г. — главные силы флота Габсбургов единственный раз приняли участие в набеге на Отрантский барраж под флагом адмирала М. Хорти (в начале 1918 г. он сменил адмирала Ньегована, который в свою очередь возглавил флот после смерти Хауса в августе 1917 г.). Но уже на этапе оперативного развертывания линкор «Szent Istvan» был потоплен у острова Премуда итальянскими торпедными катерами, и австрийская эскадра возвратилась на базу. 1 ноября в гавани Пола подрывной заряд, доставленный итальянским катером-торпедой, оправил на дно «Viribus Unitis» [23. Р. 19–21], а оставшиеся «Tegetthof» и «Prinz Eugen» попали в руки победителей. Первый передали Италии (в строй линкор не вводился и в 1924–1925 гг. был пущен на слом в Специи), а второй достался французам, которые использовали корабль как плавучую мишень и в июле 1922 г. потопили на маневрах близ Тулона [24. S. 433].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Котляревский С. А.* Австро-Венгрия в годы мировой войны. М., 1922.
2. *Aichelburg W.* Die k.u.k. Marine im Weltkrieg // *Zeitreise Österreich. Menschen; Gesellschaft; Geschichte; Sonderausgabe*, 2014.
3. *Томази А.* Морская война на Адриатическом море. СПб., 1997.
4. *Greger R.* Austro-Hungarian Warships of World War I. Shepperton, 1976.
5. *Вульф О. Р.* Австро-венгерская Дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 годов. СПб., 2004.
6. *Wagner A.* Der Erste Weltkrieg. Ein Blick zurück. Wien, 1993.
7. Флот в Первой мировой войне. М., 1964. Т. 2: *Белли В. А.* Действия флотов на Северном, Средиземноморском и океанских театрах.
8. *Айрапетов О. Р.* На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // *Последняя война Российской империи. Сборник статей.* М., 2002.
9. *Braun T.* Warum hat Admiral Haus der deutschen Mittelmeerddivision seine Hilfe versagt? // *Marine-Rundschau.* 1928. Heft 7.
10. *Петров М. А.* Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926.
11. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ).
12. *Кондратенко Р. В.* Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006.
13. *Писарев Ю. А.* Балканы в военных планах Германии и Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны (1912–1914 гг.) // *Новая и новейшая история.* 1987. № 4.
14. *Warship International.* 1971. No. 3.
15. *Potiankowski J.* Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Zürich; Leipzig; Wien, 1928.
16. *Koop G., Schmolke K.-P.* Die Großen Kreuzer Von der Tann bis Hindenburg. Bonn, 1998.
17. *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1938.
18. *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. III. Ч. I.
19. *Исламов Т. М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // *Новая и новейшая история.* 2001. № 5.
20. *Heydel E.* Die Grundlagen für die Führung des Seekriegs // *Der Grosse Krieg 1914–1918, in zehn Bänden. Vierten Band: Der Seekrieg. Der Krieg um die Kolonien. Die Kampfhandlungen in der Türkei. Der Gaskrieg. Der Luftkrieg.* Leipzig, 1922.
21. *Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Dokumentation / bearbeitet von G. Grainer.* Koblenz, 2004. Band 4.
22. *Шломин В. С.* Боевые действия русского Черноморского флота в кампанию 1916 г. Л., 1954–1955 (рукопись).
23. *Kemp P.* Underwater Warriors. London, 1996.
24. *Breyer S.* Schlachtschiffe und Schlachtkreuzer 1905–1970. München, 1970.

© 2017 г. Л.А. СТАРЧЕНКО

ПОЛОЖЕНИЕ ПЛЕНЕННЫХ МАЛОРОССОВ¹ В ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В сообщении рассматривается вопрос нахождения в плену украинцев. На основе мемуаров современников и документов ЦГАОО Украины прослеживаются условия проживания, а также агитационная работа немцев среди малороссов.

The article addresses the issue of Ukrainian prisoners of war during World War One. On the basis of contemporaries' memoirs and documents from the Central State Archive of Public Associations of Ukraine, one can reconstruct the living conditions of the imprisoned and the work of German propaganda among them.

Ключевые слова: Первая мировая война, малороссы, плен, Союз вызволения Украины.

Keywords: First World War, Little Russians, the Union of Ukrainian Rescuing.

Первая мировая война по масштабам, характеру вовлеченных экономических, политических, этноконфессиональных интересов и методам ведения не имела себе равных во всей предшествующей истории человечества. Массовое использование пропаганды как средства ведения войны характеризует ее как первую современную пропагандистскую войну, главная роль в которой принадлежала Германии. Планы Германии и Австро-Венгрии были нацелены на ослабление Российской империи путем стимулирования национально-освободительных движений и создание буферных государств на ее окраинах. Среди военнопленных разжигалась национальная рознь.

Первые большие группы солдат и офицеров Российской империи начали поступать в места содержания в течение сентября – октября 1914 г. Однако основной контингент пленных составили бывшие военнослужащие царской армии, захваченные противником в ходе весенне-летнего наступления на Восточном фронте в 1915 г. Столь мощный приток поставил вопрос организации их содержания. Вначале ставка была сделана на оборудование временных, плохо приспособленных для длительного пребывания пунктов содержания

Старченко Любовь Андреевна – магистрант Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского.

¹ После 1917 г. исторический термин «Малоросия» и производные от него слова были целенаправленно выведены из общего употребления в рамках идеологического обеспечения советской национальной политики. В статье считаю целесообразным вернуться к этому термину, так как он использовался для обозначения народности в период Первой мировой войны.

захваченных солдат и офицеров противника. Пленные скученно размещались в палатках, землянках и просто под открытым небом. Военная администрация вынуждена была с зимы 1914/1915 г. перестраиваться на создание крупных лагерей для долговременного проживания. Всего к 1917 г. их было построено более 100 [1. С. 65].

Для военнопленных, захваченных в плен, путь в лагерь был очень тяжелым. Об этом свидетельствует большое количество мемуаров [2–3]. Не все из захваченных смогли добраться до лагеря, многие умирали по дороге от голода, антисанитарии. П. Ф. Навоев пишет, что при захвате в плен у людей отбирали не только деньги и все ценное, но даже хлеб, одежду, сапоги и белье. Сопротивлявшимся немцы убивали, а убитых грабили [4. С. 9]. Старший унтер-офицер 21-го Сибирского полка Рафаил Кочуровский был свидетелем того, как немецкий солдат выстрелом из винтовки наповал убил пленного за то, что последний, выйдя из строя, бросился поднимать валявшуюся на дороге полусгнившую брюкву [5. С. 9].

Отправка пленных в глубь Германии происходила в глухих, предназначенных для перевозки скота, вагонах. Сажали по 80–90 человек в вагон. Пленные были вынуждены стоять весь путь из-за тесноты. Во время пути, длившегося иногда семь-восемь суток, пленным либо не давали никакой пищи, либо они были вынуждены довольствоваться небольшими кусками сухого хлеба. Пленные умирали от духоты и голода. Отсутствие воздуха в вагонах вызывало нестерпимую жажду, и на каждой станции пленные просили глоток воды, но когда кто-либо пытался подать им кружку, конвоиры отнимали воду и говорили: «Ничего для русских свиней» [6. С. 3]. При остановках на станциях вагоны открывали, и пленные демонстрировались местному населению. Они подвергались всевозможным оскорблениям толпы. Несколько раненых военнопленных, упавших близ железнодорожной станции недалеко от Берлина, били по лицу и в живот, после чего вталкивали их в вагон.

О. С. Нагорная, кандидат исторических наук, дает классификацию лагерей по типу места содержания пленных. Немецкие лагеря делились на проходные, основные, агитационные, штрафные лагеря, а также, начиная с 1915 г., сельские, промышленные и прифронтовые рабочие команды.

Первый вид лагерей был распространен на Восточном фронте. В течение месяца пленные проходили процедуры дезинфекции и прививок, после чего распределялись по основным лагерям. В агитационных лагерях находились представители национальных меньшинств Российской империи. Население штрафных лагерей составляли солдаты и офицеры, несколько раз предпринимавшие попытки побега, подозреваемые в шпионаже, саботаже [7. С. 101].

Использование труда военнопленных в массовом порядке не планировалось из-за существующей в стране безработицы. С конца августа – начала сентября 1914 г. пленных привлекали лишь к сельским работам, в выполнении которых местное население было мало заинтересовано. Однако уже в начале 1915 г., когда начала ощущаться нехватка рабочей силы и в других отраслях, ее недостаток был ликвидирован за счет образования рабочих команд, в которые массово начали переводить военнопленных [8. С. 130].

Со второй половины 1915 г. и особенно в 1916 г. германо-австрийское командование стало размещать военнопленных по национальному признаку, а также приняло меры к созданию специальных лагерей для малороссов, грузин, армян, мусульманских народов России [1. С. 74].

В феврале 1915 г. внешнеполитическое ведомство Германии определило украинцев в качестве народности, подлежащей отделению от русских военнопленных и просвещению. Малороссы находились в специально созданных для них лагерях в городах Раштадт, Вецлар, Зальцведель и лагере для старшин в Ганновер-Мюндене. Кроме того, 30 тыс. — в многонациональных лагерях Бранденбурга, Ульма, Гессена, Шнайдемия, Касселя, Торгау и других городов [9. С. 168–169].

Первоочередную трудность представляла выработка критериев выделения национальной группы из общей массы российских военнопленных, так как большинство не говорили на украинском языке. Единственным показателем выступало место рождения. Немецкому командованию пришлось отказаться от массовой отправки малороссов в пропагандистские лагеря из-за необходимости привлечения пленных к принудительным работам. Акцент был сделан на тщательный отбор «перспективных» военнопленных, которые могли быть использованы потом для просвещения своих товарищей.

Пропагандистская работа в лагерях неохотно разглашалась. По воспоминаниям Ю. И. Шамурина, самого побывавшего в плену, «спропогандированные украинцы, которых привозили в лагерь Альтдам, чтобы отсюда отправить их под видом инвалидов в Россию, воздерживались от рассказов. Из Зальцведеля приезжали какие-то “вольные”, говорившие по-малороссийски, призывали вспомнить “рідну мову”». Их встречали недружелюбно: были случаи избияния пленными этих пропагандистов [3. С. 28].

Сотрудничавший с немцами и австрийскими военными органами Союз вызволения Украины, занимался распространением в лагерях изданий на украинском языке и специальной газеты «Українське Слово». В лагерях выпускались газеты на украинском языке: «Розвіт» (Раштадт), «Вільне Слово» (Зальцведель), «Громадську Думку» (Вецлар). Общая черта этих журналов — доброжелательный тон рядом с обозначением задач: «Наша цель была бы в некоторой степени достигнута, коли бы наши земляки здесь, в плену, не тратили зря времени, ведь мы теперь перед той волной, когда сбросим иго темноты, ярмо рабства». В газетах критиковали русскую политику и государственную организацию. «Когда кончится война, — писало “Вільне Слово”, — то нас ждет вторая война, наша домашняя война, жестокая война с нашим проклятым всегдашним врагом — с российским правительством» [10. С. 257].

В исторических экскурсах особо подчеркивалось положительное немецкое влияние на Киевское княжество. Союз призывал вступать в Украинское войско: «Военнопленные Украины, способные к войсковой службе, добровольно согласившиеся, собираются в некоторых лагерях, откуда высылаются вместе с украинскими офицерами в Волинь и Ковель. Военнопленным в Германии выдают обмундирование, обучают войсковой науке и отправляют на Украину. Уже много военнопленных Украины, истинных сыновей “Рідного Краю”, просят о переводе их с основных лагерей и рабочих команд в украинские лагеря. Союз вызволения Украины со своей стороны предпримет все меры, чтобы все пленные украинцы были переведены в те лагеря, где формируются полки» [11. Оп. 1. Д. 167. Л. 1]. Военнопленные систематически подвергались идеологической обработке со стороны активистов Союза вызволения Украины. На эту работу в лагерях Германия выделяла в среднем 25 тыс. марок. Работали там, в основном, пропагандисты из Галиции: неженатые получали 350 марок, женатые — 450 марок.

В 1915 г. в Мюнхене Союзом была издана брошюра под заглавием «Украина и война», содержащая воззвание к немецкому народу. Дословный его текст таков: «Мы обращаемся к немецкому Императору, немецким союзным князьям и немецкому народу с настоятельной и сердечной просьбой освободить нас от нашей длительной неволи и гнета и осуществить нам государственную независимость. Тем более мы надеемся на исполнение нашей просьбы, что жертвы, которые нужно принести для нашего освобождения, почти также полезны для интересов немецкого народа. Только созданием самостоятельного королевства Украины можно окончательно избавиться от великорусской опасности. Между Германией и Украиной нет никаких противоположностей. Наоборот, Украине для ее полного развития придется обратиться к немецкой интеллигентности и к немецкому капиталу, которые оба найдут в ней богато вознаграждающее поле деятельности. Дай нам Бог, чтобы после полной победы немецкой армии исполнились наши желания в интересах наших обоих временно друг другу предназначенных народов» [12. С. 31].

К 1916 г. в Раштадте действовала украинская община – «Самостійна Україна», целью которой провозглашалось решение вопросов культурного, экономического и политического характера. Она состояла из нескольких организаций: Центральный комитет (для обсуждения всех административных, хозяйственных, житейских дел пленных лагеря); Национальная лагерная секция (проводила национальную агитацию); Запорожская Сечь и Гимнастическое общество (участвовало в ночной охране, организовывались в «коши» по 3600 человек); Старшие барачков (для обсуждения административных дел); Драматическое общество имени Тобилевича (организовывали представления для любителей театральные спектаклей и декламаторских выступлений); Музыкальное общество имени Лысенко (организовывало концерты для любителей пения и музыки); Просветная секция учителей (организовывало различные курсы и чтения); Редакционный комитет, который состоял из редактора и референтов (редактировали журналы и брошюры) [11. Оп. 2. Д. 205. Л. 295–296об.].

В лагерях для пленных была создана организация «Січова». Всем записавшимся в «сечевики» предоставлялись различные льготы. Они помогали германским солдатам нести охрану российских военнопленных. Позднее из этих «сечевиков» немцы организовали 1-й Украинский полк имени Тараса Шевченко. Выдали им австрийское обмундирование с буквами У. З. С. («Украинская Запорожская Сечь») и желто-синими петлицами, поставили на полный паек и дали содержание в 15 марок. Этих солдат немцы использовали для шпионажа, передачи в русские окопы прокламаций, воззваний и газет антироссийского направления. Работа по подготовке «сечевиков» проводилась в лагерях для военнопленных – Раштадте в Германии, где были сосредоточены около 7 тыс. пленных малороссов [13. С. 17].

В лагерях для малороссов была организована культурно-просветительная и пропагандистская работа – школы, библиотеки, читальни, хоры, оркестры, театры, курсы украинской истории и литературы, кооперации, политэкономии, немецкого языка.

По мнению О. С. Нагорной, немецкие агитаторы стремились связать образ нового государства с политикой Центральных держав, которые могли бы создать условия для возникновения украинского движения и независимой Украины. По соглашению между Радой и немецким Верховным командованием последнее обязывалось предоставить шесть тысяч военнопленных

для создания украинских частей. Первая партия в количестве 2 тыс. 520 офицеров и солдат была отправлена в распоряжение Обер-Ост 16 февраля 1918 г. Бойцы новой армии в лагерях получали униформу запорожских стрелков и оружие, расходы на которые должно было оплатить украинское правительство [6. С. 170]

Но в то же время письмо В. И. Ленина к И. Ф. Арманд от 30 января 1917 г. показывает, что не все малороссы поддавались пропаганде: «Воронежский крестьянин [...] пробыл год в немецком плену (вообще там тьма ужасов) в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагерь по нациям и всеми силами откалывают их от России; украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2000 были за “самостийность” (самостоятельность в смысле более автономии, чем сепарации) после месячных усилий агитаторов!! Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам [...] Не верить нельзя. 27 000 — число большое. Год — срок большой. Условия для галицийской пропаганды — архиблагоприятные. И все же, близость к великорусам брала верх!» [14. С. 377].

Австро-Венгрия поддерживала украинское национальное движение с перспективой распространения сепаратистских настроений в Юго-Западном крае Российской империи [15. С. 42]. По подозрениям в русофильстве арестовывали, высылали. Условия содержания в лагерях не отличались от германских, так же велась агитационная работа. Из доклада Чрезвычайной следственной комиссии: «Пленные малороссы были сконцентрированы в Фрейдштадте. Один из барачков предназначался для вечерних лекций. Лектор — эмигрировавший из России в 1905 г. полтавский крестьянин “Гавриил”, доказывал пленным бессилие и ничтожество их отечества. Приглашая всех малороссов по возвращении поднять в России знамя восстания. Недолго длились эти лекции. Пленные устраивали митинги против агитации, били стекла барака, избивали “Гавриила» [16. С. 36].

Отличием Австро-Венгерской лагерной системы от немецкой, являлось создание концлагерей. Их появление было связано с проблемой национальной политики Австро-Венгерской империи на территории Галиции. Исторически Галиция подразделялась на западную (с преобладанием польского населения), и восточную (в соответствии с местной традицией их называли русинами или руськими). Наиболее «активных русинов», с точки зрения австро-венгерских чиновников и местных сторонников правящего режима, отправляли в специально созданные концлагеря Талергоф в Штирии, Терезин в Северной Чехии и другие. По словам прошедших лагерь, имелась возможность досрочно выйти из заключения. Сделка заключалась в следующем — надо было всего лишь подписать справку о превращении из русина в украинца: «Когда находился я уже в IV бараке, какой-то “украинец” нам кликнул: “Кто из панов хочет выйти из Талергофа, пускай впишется сейчас у меня на украинском листу, тот выйдет”» [17. С. 109].

Малороссы стали первой группой бывших русских подданных, которые в результате заключения мира испытали на себе облегчение условий содержания в лагерях и рабочих командах [7. С. 171].

Таким образом, на основе рассмотренного вопроса можно сделать следующие выводы: затяжной характер войны и большое количество военнопленных обусловили характер складывания лагерной организации; агитация среди национальных меньшинств являлась одним из признаков ведения войны Германией; эта тенденция наблюдалась на всем Восточном фронте;

планы Германии были нацелены на ослабление Российской империи путем стимулирования национально-освободительных движений и создания буферных государств на ее окраинах. В благоприятных условиях и относительной свободе содержались военнопленные пропагандистских лагерей: они обучались грамоте, знакомились с иной языковой культурой. Немецкие власти навязывали Малороссии политику Центральных держав, которая создала условия для возникновения украинского движения и независимой Украины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сергеев Е. Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4.
2. *Якушев Д. П.* В плену у немцев: письма и рассказы русских военнопленных. Пг., 1916.; *Базилевич М. П.* Положение русских пленных в Германии и отношение германцев к населению занятых ими областей Царства Польского и Литвы. Пг., 1917.; *Григорьев С.* Два месяца в германском плену: (Впечатления, наблюдения, выводы). Одесса, 1914.
3. *Шамурин Ю. И.* Два года в германском плену. М., 1917.
4. *Навоев П. Ф.* Как живет наш пленный в Германии и Австро-Венгрии. Пг., 1915.
5. Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942.
6. Русские в плену у австрийцев. СПб., 1916.
7. *Нагорная О. С.* Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.
8. *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 4.
9. *Срібняк І. В.* Полонені українці в Австро-Угорщині та Німеччині. Київ, 1999.
10. *Животко А.* Історія української преси. Київ, 1999.
11. ЦГАОО Украины. Ф. 269.
12. Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. Б. м., 1916.
13. *Бердник М.* Пешки в чужой игре. Тайная история украинского национализма. М., 2014.
14. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 49, Письма: ноябрь – декабрь 1916 г.
15. *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.
16. Русские в плену у австрийцев: Высочайше учрежденная Чрезвычайная Следственная комиссия. СПб., 1916.
17. Талергофский альманах. Львов, 1932. Вып. 4.

© 2017 г. Б.В. НОСОВ

К ВЫХОДУ В СВЕТ 10 ТОМА «ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ НАУКИ»

Сообщение посвящено выходу в свет и критическому анализу 10-го тома уникального, не имеющего аналогов в мировой историографии, серийного издания «История польской науки», осуществленному Институтом истории науки ПАН в 1972–2015 гг. Том посвящен периоду 1944–1989 гг. В нем рассмотрена история польской науки эпохи Народной Польши, в частности научные связи ПНР и СССР. В оценке авторов тома образ науки Народной Польши предстает как биполярный: с точки зрения политических и идеологических условий ее развития, преобладают негативные оценки, напротив, с точки зрения анализа практики и научных достижений, – позитивные.

The essay critically considers Volume 10 of a unique, unprecedented serial edition «History of Polish Science», commissioned by the Institute of History of the Polish Academy of Sciences in 1972–2015. The volume deals with the period of 1944–1989. It treats the history of Polish science of the age of People's Poland, among others – scholarly cooperation between the Polish People's Republic and the USSR. The authors depict science in the People's Poland as bipolar: negatively – from the point of view of political and ideological conditions of its development, and positively – from the point of view of analysis of the practical dimension and scientific achievements.

Ключевые слова: история польской науки, эпоха Польской Народной Республики, Польская академия наук, польские научные центры за рубежом, научные связи ПНР и СССР.

Keywords: history of Polish science, period of the Polish People's Republic, Polish Academy of Sciences, Polish scientific centres abroad, scientific and scholarly cooperation between the Polish People's Republic and the USSR.

Среди достижений польской исторической науки XX в. можно назвать ряд серийных изданий, не имеющих аналогов во всемирной историографии. Одно из них – «История польской науки», десятый том которой, состоящий из трех частей, был опубликован в 2015 г. [1]. Том посвящен истории польской науки времени Народной Польши, охватывает период 1944–1989 гг., и, по-видимому, на несколько ближайших десятилетий он будет играть роль завершающего тома серии, даже если, заглянув в относительно отдаленное будущее, осмелиться с надеждой предположить, что настоящее издание будет продолжено новыми поколениями историков.

«История польской науки» как многотомная серия была задумана в 1960-е годы, во время интенсивного развития научных исследований в Польше, всестороннего роста человеческого и материального потенциала польской

науки, а также ее инфраструктуры. Осуществлено издание было Институтом истории науки ПАН им. Людвика и Александра Биркенмайеров. Предыдущие девять томов «Истории польской науки» были опубликованы в 1970–1992 гг. под редакцией Богдана Суходольского. Бессменным секретарем редакции на протяжении осуществления всего проекта была Зофья Скубала-Токарская. Авторами 1-го тома, посвященному Средневековью и эпохе Возрождения, были Павел Чарторыский и Павел Рыбицкий. В том же 1970 г. увидел свет и 2-й том об эпохах Барокко и Просвещения (XVII–XVIII вв.), написанный Хенриком Барычем и Казимежем Опалэком.

Публикация 3-го тома состоялась спустя семь лет, в 1977 г. Том был посвящен периоду 1795–1862 гг. и вышел под редакцией выдающегося польского историка Ежи Михальского. Эпоха Просвещения, охватывающая в истории Польши вторую половину XVIII – начало XIX в. стала важнейшим этапом в истории польской науки. Именно в этот период наука выделяется как самостоятельная сфера общественной деятельности, обретает собственную методологию и профессиональные кадры, наконец, создаются первые научные организации – в Польше это Общество друзей науки и Варшавский университет – первый польский университет, наряду с Виленским университетом и Кременецким лицеем, основанный на принципах научного университетского образования. Таким образом, уже в первые годы XIX в. в Польше завершается переход к системе современной науки в широком смысле этого понятия.

Естественно, что отмеченные обстоятельства не могли не оказать существенного влияния на содержание и структуру 3-го тома «Истории польской науки», который включал общую часть, посвященную социально-политическим и социокультурным условиям развития науки, формам взаимодействия научного сообщества с социумом и властными структурами, истории народного просвещения и высшего образования. Важная роль в общей части принадлежала институциональной истории науки, формам ее организации, в том числе и в рамках высшей школы. Включал в себя том и части, посвященные естественным и гуманитарным наукам, а также отдельным научным направлениям. Развитие науки и научные достижения были неотделимы от судеб ученых как субъектов научного творчества. Эти принципы, воплощенные в 3-м томе под руководством Е. Михальского (он был также автором обширной общей части, посвященной социально-политическим условиям и развитию науки в целом), послужили в дальнейшем основной моделью при формировании содержательной структуры последующих томов, а сам 3-й том и по сей день расценивается как наиболее удачный в серии в целом.

4-й том «Истории польской науки», опубликованный в 1987 г., состоял из трех частей и охватывал период 1863–1918 гг. Он вышел из печати под редакцией З. Скубала-Токарской, а среди авторов его общей части был Станислав Мариан Бжозовский. Следующий, 5-й, том (также под ее редакцией), первая часть которого была издана в 1992 г. и посвящалась общим условиям развития польской науки, охватывал период 1918–1951 гг.

Еще до публикации 5-го тома вышли в свет в 1980-е годы тома с 6-го по 9-й. Они представляли собой публикацию различного рода источников и документации библиографического характера, относящихся к первым четырем томам серии. 6-й и 7-й тома служили дополнением к первым двум томам, 8-й том не был напечатан и стал доступен для читателей только в электронной версии. 9-й том, работа над которым была начата также под редакцией

3. Скубала-Токарской, был подготовлен к печати Иоанной Шиллер и опубликован в 1986 г. Он содержал библиографию к 3-му и 4-му томам, охватывавшим XIX век.

Упомянутый 5-й том, основным автором которого был Станислав Мауерсберг, готовился к печати во второй половине 1980-х годов в условиях тяжелого экономического положения и разразившегося в Польше социально-политического кризиса, итогом которого стало уничтожение Польской Народной Республики. Разумеется, что политическая ситуация не могла не отразиться на работе над томом и на его содержании. Поэтому, насколько первая часть, написанная в основном Богданом Ячевским и посвященная межвоенному двадцатилетию 1918–1939 гг., не вызывала со стороны польской общественности и специалистов существенных замечаний, описание следующего периода дало повод для серьезной общественной и научной дискуссии.

Л. Заштовт – руководитель авторского коллектива и соредатор (вместе с Иоанной Шиллер-Валицкой) 10-го тома, характеризуя в нем труд своих предшественников – авторов и редакторов 5-го тома «Истории польской науки», отметил, что 5-й том, посвященный первым годам существования ПНР, вышел из печати ранее, нежели «были опубликованы подвергнутые цензурой повторному рассмотрению специальные научные работы, содержавшие несфальсифицированную версию истории» 1940 – начала 1950-х годов, что даже много томный обобщающий труд по истории Польши, издававшийся Институтом истории ПАН, был тогда остановлен на 1939 г. [1. Cz. I. S. 14]. По его словам, «парадоксом ситуации» было то, что в напряженной политической ситуации 1980-х годов «никто из авторов 5-го тома не подвергался цензуре. Тексты были подготовлены так, как бы ее и не существовало [...] С. Мауерсберг в своей общей части об истории польской науки во время войны и в первые послевоенные годы значительное место посвятил Катыньскому делу и потерям польской науки, понесенным как вследствие этого советского преступления, так и многочисленных нацистских преступлений. Также открыто и однозначно, хотя и в общих чертах, была представлена роль новой власти, а именно ППР, а позднее ПОРП, в строительстве польской науки и формировании новой научной действительности» [1. Cz. I. S. 14–15]. Примечательно, что в приведенном высказывании даже в этом достаточно частном случае (истории подготовки 5-го тома) постулируется характерное для современной польской политологии сомнительное утверждение о равнозначности «нацистских и советских преступлений». Л. Заштовт подчеркивал, что 5-й том, будучи опубликован уже в новой политической ситуации, в 1992 г., не подвергался цензуре, «сейчас он оценивается как весьма важный обобщающий труд, избавленный от остро выраженной негативной интерпретации и огульной критики прежней системы с тех или иных политических позиций. То, что в конце 1980-х годов было бы (в названном труде) примером смелости и научной принципиальности, то в начале 1990-х годов это же стало выражением умеренности: обобщающий труд, свободный от идеологии, был в решающей мере избавлен от антикоммунистических оценок» [1. Cz. I. S. 15].

Авторский коллектив 10-го тома, приступая к работе над ним, ставил своей задачей рассмотреть весь период от Второй мировой войны до конца существования ПНР в 1989 г. При этом авторы, по собственным словам, оказались «в трудной ситуации, поскольку первая часть из ранее опубликованного последнего по хронологии 5-го тома была доведена до 1951 г., имевшего особое значение в истории польской науки, так как состоявшийся тогда Первый Конгресс польской науки,

с одной стороны, завершал предшествовавший этап развития науки в Польше, а с другой — положил начало новому этапу развития, связанному с созданием централизованных научных структур в рамках ПАН. Немаловажно и то, что работа Конгресса проходила во время сложившейся и достигшей наивысшего уровня развития системы сталинизма в Польше» [1. Cz. I. S. 14].

Таким образом, 10-й том в определенной мере отошел от принципа хронологической преемственности серии, а его авторы приняли на себя задачу охарактеризовать в целом развитие польской науки периода ПНР, поскольку в основу тома положена уже новая концепция истории Польши XX в. или, по крайней мере, второй половины минувшего столетия. Этой новой концепции естественно была подчинена и новая концепция истории польской науки. О ней можно получить известное представление из написанного Л. Заштовтом Введения, автор которого исходит из общепринятого тезиса, что «революционные перевороты в науке осознавались только тогда, когда их последствия ощущались уже повсеместно, или, по меньшей мере, были признаны элитами — руководителями науки, посвященными в ее таинства». Вместе с тем, «богатство источников по истории науки XX века кажется человеческому разуму непостижимым», поэтому «занимаясь историей науки, следует сочетать в себе кругозор историка, точность математика и способность физика проникнуть в сущность явлений» [1. Cz. I. S. 9–10]. Высказанные соображения убедительно обосновывают само место истории науки как научной дисциплины и предмета научного исследования, без которого невозможно осмыслить ни значения науки в обществе, ни тенденций ее развития в будущем. Говоря о социальной роли науки, Л. Заштовт отметил, что «во все времена наука была элитарна, и с наступлением XX в., невзирая на постулированное обобществление науки, ее элитарность еще более возросла. Произошло это вследствие дифференциации научных дисциплин и специализации научного знания. Можно, — указывал автор, — в известном смысле исходить из того, что в науке XIX–XX вв. имели место, по меньшей мере, две науки: наука “истинная” (академическая, университетская, “большая”), а также наука популярная (массовая, народная, упрощенная, “малая”). Из этого тезиса в историческом описании науки вытекает двойственность в отборе рассматриваемых явлений и двойственность в оценке значения и качества достигнутых научных результатов» [1. Cz. I. S. 10].

Наконец, одним из центральных вопросов концепции истории польской науки, сформулированной авторами тома, стало утверждение, что «на всех сторонах развития науки в XX в. особое влияние оказала политика государственной власти. Названный век стал эпохой централизации в науке, что в первую очередь объяснялось необходимостью выделения на развитие науки огромных материальных ресурсов, что было возможно только в рамках государства. А это имело свои как позитивные, так и негативные последствия, что нашло выражение в определении так называемых приоритетных направлений, исходя из политических интересов государственной власти, и в недостаточном обеспечении тех областей науки, хотя и важных в научном отношении, но не бывших в сфере непосредственной политической заинтересованности властей» [1. Cz. I. S. 10].

Л. Заштовт особо отметил, что в 1944 г. «вступившее в послевоенную действительность польское научное сообщество было уже сформировано на основе западноевропейской системы функционирования науки, восходящей к синтезу немецких, французских и английских научных школ, со временем

к ним присоединились и традиции организации науки, пришедшие из Нового Света, а также академических норм функционирования польской науки в межвоенные годы» [1. Cz. I. S. 12]. К сожалению, в предложенном читателю тезисе нет упоминания о русской науке, что само по себе едва ли правомерно, однако это даже не главное, поскольку в приведенном утверждении содержится отнюдь не бесспорное европоцентристское мнение о генезисе мировой науки как таковой. Не вызывает сомнения, что формы функционирования профессиональной научной деятельности сложились в эпоху Просвещения в Западной Европе и получили в дальнейшем развитие и распространение в мире. Однако это вовсе не означает, что становление и развитие мировой науки сводилось к «синтезу» тех или иных европейских научных школ, не означает, что заимствование тех или иных организационных форм научной деятельности подменяло сущность процессов научного поиска, обусловленного, прежде всего, внутренними потребностями и механизмами общественного развития. Становление науки как особого вида человеческой деятельности не было только следствием сугубо внешнего, хотя бы и благотворного влияния. Накопление научных знаний и развитие научных представлений есть общечеловеческая функция, а разработка организационных форм научной деятельности отнюдь не является монополией исключительно Западной Европы, что, как мы полагаем, не требует специального доказательства. Приведем хотя бы пример Комиссии народного просвещения в Речи Посполитой последней трети XVIII в.

Говоря о социальных условиях развития польской науки эпохи ПНР, автор Введения подчеркнул: «Социально-политическая революция, произошедшая после Второй мировой войны, привела к очевидной смене векторов» [1. Cz. I. S. 10]. Этот тезис, по нашему мнению, имеет принципиальное значение, ибо заключает в себе констатацию, что кардинальное изменение общественно-политического строя Польши во второй половине 1940-х годов представляло собой социальную революцию, а не просто насаждение извне чуждой народу власти, как это многократно тиражируется в новейшей историографии и политической литературе.

Далее Л. Заштовт отмечает, что «вследствие подчинения Польши СССР и включения ее в состав Восточного блока официально установленными научными образцами стали советские модели (не единственная, а несколько моделей, помимо официального унитарного марксизма-ленинизма-сталинизма), модифицированные и приспособленные к традициям старой российской науки. Парадокс заключался в том, что старая российская академическая наука также имела выраженные западноевропейские корни. Они были ценностно переориентированы и приспособлены к новым реалиям так называемого реального социализма, однако имели значительно более общего с Европой, чем с любым иным регионом на земном шаре» [1. Cz. I. S. 10]. Важным в приведенном высказывании представляется мнение, что советская и польская наука периода социализма представляли собой естественное продолжение научного развития предшествовавших эпох. Несколько туманным выглядит упоминание некоего «унитарного марксизма-ленинизма», поскольку за этим понятием может скрываться как материалистическая методология естественных наук и материалистическое понимание истории, памятуя известное высказывание Ф. Энгельса о науке как «об истории природы и общества», так и указание на не имевшее ничего общего с наукой догматическое толкование текстов так называемых классиков марксизма. В последнем случае имевший хождение вульгарный марксизм нередко служил средством обоснования тех или иных псевдонаучных построений. Однако отказ от марксизма

отнюдь не освободил постсоветскую науку, как и мировую науку в целом от размножившихся в наши дни проявлений политически и идеологически одобряемого или же коммерчески продиктованного обскурантизма. Поэтому фундаментальное противоречие между наукой и догматикой не было свойством только советской эпохи, не было порождено исключительно ею, а, как и прежде, сохраняет свое бытование, а псевдонаучные концепции — и востребованность.

Говоря о месте науки в польском обществе эпохи ПНР, автор Введения ограничился рядом кратких тезисов, имея в виду, что данная проблематика станет основной в общей части публикуемого исследования. Л. Заштовт отметил, что «Польша была исключением в восточном блоке. Она рассматривалась в СССР как своего рода полигон (для апробации тех или иных политических и социальных новаций. — *Б.Н.*) и обладала относительно широким полем свобод в культуре и науке, а также в вопросах вероисповедания и экономике, в меньшей степени — в области политического устройства. Научное сообщество Польши хотя и находилось под давлением властей и подверглось репрессиям, однако не понесло таких больших потерь, как это было в других странах так называемой народной демократии: в Чехословакии, ГДР, Румынии, Болгарии или же в Венгрии, не говоря уж о союзных республиках в СССР». Об этом, напоминал Л. Заштовт, писал в своей книге о «подневольном» университете американский историк из университета Беркли Джон Коннели [2].

Польша как «самый веселый барак во всем Восточном блоке, — вспоминая известную шутку советских нонконформистов 1960-х годов, продолжал Л. Заштовт, — первой открыла для себя путь на Запад после 1956 г. Это — по его словам — имело для развития научных контактов первоочередное значение, что, очевидно, не может быть подвергнуто сомнению. Падение ПНР в 1989 г. и последующие годы сформировали в большей части польского общества убеждение, что свобода, хотя и есть высшая ценность, но она не может гарантировать осуществления всех надежд и ожиданий, что с ее обретением появилось много новых проблем и угроз» [1. Cz. I. S. 12–13].

Структура 10-го тома «Истории польской науки» соответствует установившейся уже в 1970-е годы для издания в целом традиции и объединяет три части: 1. Условия развития польской науки; 2. Институты; 3. Идеи и практика. В рамках названных частей открывающий труд Общий раздел сменяется разделами, посвященными отдельным направлениям науки. Далее, во второй части, следуют разделы, посвященные научным учреждениям ПНР и объединяющим их структурам. Наконец, заключительная, третья, часть посвящена философским и методологическим проблемам науки и ее социальной и культурной инфраструктуре. При этом обращает на себя внимание многозначительное расхождение в заглавии третьей части на титульном листе и обложке издания. В первом случае оно сформулировано как «Идеи и практика», а во втором — как «Идеи и политика». Трудно сказать, сталкивается ли читатель с опечаткой в буквальном смысле или же с намеренно заложенным авторами символическим значением?

Как уже отмечалось, авторы и редакторы 10-го тома, определяя хронологические рубежи исследования, приняли решение вновь обратиться ко времени основания ПНР, поскольку, по словам Л. Заштовта, «только теперь, можно описать послевоенный период, начиная с 1944 г., не только без оглядки на цензуру, но также и без давления внутренней авторской самоцензуры». К тому же исследования по истории послевоенных лет, проведенные, начиная с 1990-х годов, «сформулировали об изучаемых проблемах новые представления. Значительный

вклад в этой области внесли: Институт политических исследований, Институт истории, Институт национальной памяти и иные научные учреждения, связанные с исследованиями истории ПНР, а также неправительственные организации, например объединение «Карта» [1. Cz. I. S. 15]. Примечательно, что среди перечисленных институций наиболее весомое место принадлежит учреждениям, непосредственно осуществляющим официальную «историческую политику» польских властей.

Общая часть труда открывается разделом авторства Войцеха Рошковского «Политические и социально-экономические условия развития науки в Польше 1944–1989 гг.». Однако приходится констатировать, что, вопреки заглавию, этот раздел к развитию науки не имеет никакого отношения, заключая в себе по сути дела ранее уже многократно изложенную в разных изданиях официальную концепцию нынешних польских властей истории ПНР. Обращает на себя внимание только расхождение содержания этого раздела с другими частями труда, например, по вопросу о социально-политических условиях создания Народной Польши [1. Cz. I. S. 12, 39].

Вопреки ожиданию читателя, в разделе ничего не говорится ни о научной интеллигенции, ее роли в обществе, ее внутренней социальной трансформации, ни об эволюции форм взаимовлияния науки и производства, также как и о ее взаимодействии с другими сферами общественной жизни, что, как представляется, не должно было бы пройти мимо внимания автора. Единственным случаем, призванным, вероятно, в этом смысле его оправдать, стало упоминание в разделе о тяжелых материальных и административных условиях функционирования польской науки в кризисные 1980-е годы [1. Cz. I. S. 121].

Следующий раздел 10-го тома, написанный Яном Шумским, озаглавлен «Влияние властной элиты СССР на развитие науки в Польше 1945–1964», в котором автор задался целью рассмотреть «методы и механизмы политического надзора за польской наукой послевоенного времени со стороны партийно-государственной элиты СССР» [1. Cz. I. S. 123]. Такая постановка вопроса, по существу, непосредственно отсылает читателя к недавно вышедшей в свет монографии Шумского, нашедшей отклик в российской научной периодике [3]. Не вступая в более или менее детальный разбор содержания понятия «политический надзор», укажем только, что с давнейших времен, когда произошло отделение умственного труда от физического, монополия на умственный труд оставалась в руках господствующих социальных слоев и представлявших их интересы государственных властей. А из этого вытекало с их стороны и руководство наукой. Поэтому «партийное руководство» наукой со стороны КПСС и ПОРП не представляло в сущности ничего нового, как и реализуемая в Польше, да и в других странах современная «историческая политика», как и политика в отношении науки в целом, независимо от того, провозглашается ли такой курс официально или реализуется закулисно под прикрытием разного рода доктрин свободы научного творчества. Исходный тезис Я. Шумского обусловил и его итоговый вывод, что польско-советские научные контакты и сотрудничество «осуществлялись под огромным идеологическим давлением и контролем» [1. Cz. I. S. 175]. Обоснованию этого положения посвящен практически весь раздел.

Однако его значение отнюдь не сводится к такого рода банальным утверждениям. В разделе приведен уникальный конкретный исторический материал, почерпнутый автором главным образом из относительно недавно открывшихся

для исследователей российских архивов. К сожалению, по понятным причинам (российские архивные материалы высших партийных и государственных органов СССР доступны для исследователей только до 1965 г.) Я. Шумский в своем разделе не вышел за пределы первой половины 1960-х годов, а именно с этого времени многогранное и масштабное научное сотрудничество СССР и ПНР получило наибольшее развитие. Однако думается, что тенденциозность изначально заданной концепции не позволила автору оценить, хотя бы даже на основе введенных в научный оборот как польскими, так и российскими исследователями материалов [4; 5; 6], подлинное значение для польской науки научного сотрудничества СССР и ПНР. Укажем только на одно обстоятельство — что, как правило, столь одобряемые авторами рецензируемого труда «контакты с Западом» польских исследователей осуществлялись на основе их совместных разработок с советскими коллегами. Об этом, в частности, свидетельствует история созданных в Польше в 1970-е годы международных научных центров в области математики и физики или совместных программ в области космических и ядерных исследований, физики Земли, океанологии и т.п.

Начиная с третьего раздела, открывается наиболее ценная часть рецензируемого труда, благодаря которой 10-й том «Истории польской науки» не только займет подобающее место в ряду предшествующих томов, но и, несомненно, станет достойным увенчанием серийного издания в целом, ибо основное содержание 10-го тома составляет богатейший конкретно-исторический материал, создающий детальную и, без преувеличения, яркую картину развития польской науки в период ПНР. И в этом смысле аналога такому труду по истории науки в других странах нет в мировой историографии.

Третий раздел посвящается «условиям развития гуманитарных и общественных наук» в ПНР, а его автором выступил Юлиан Дыбец. Примечательно, что и в этом случае автор, как и Я. Шумский, практически за редкими исключениями, ограничил хронологические рамки своего обобщающего исследования рубежом 1950–1960-х годов. Думается, такое ограничение в целом обосновано, поскольку именно в 1940–1950-е годы гуманитарные науки в ПНР обрели тот облик и систему методологии, а также систему исследовательских учреждений, которые отличали ее как от предшествовавшего, так и от последующего периодов развития гуманитарного знания в Польше. В основе стратегии гуманитарного знания в ПНР, согласно оценке автора, были заложены две взаимосвязанные задачи: во-первых, формирования на основе «социальной инженерии» нового общества и, во-вторых, — «нового человека». Последний трактовался как индивид, представляющий собой «материал, из которого можно, как из глины, вылепить любую требуемую форму» [1. Cz. I. S. 183]. Подобного рода механистические интерпретации марксизма и его политического воплощения, как они представлены в разделе Ю. Дыбца, были характерны для радикальных революционных периодов истории и соответствовавших им периодов развития социалистической мысли, например в 1920-е годы. Аналогичный этап, с точки зрения развития общественной мысли, Народная Польша прошла в конце 1940 — начале 1950-х годов. Однако, как показал Ю. Дыбец, польская гуманитарная наука сохранила преемственность по отношению к предшествовавшим этапам своего развития, как в отношении методологического плюрализма, так и организационных форм, и по персональному составу научных кадров. Разумеется, это не отменяло таких факторов научного процесса в ПНР, как цензура, репрессии (которые, правда, носили в стране относительно ограниченный характер) и эмиграция ряда ученых. Автор раздела указал на интенсивный процесс развития польской гуманитарной науки вширь (рост кадров,

приобщение к труду в науке представителей новых социальных слоев и групп, развитие системы научных учреждений и изданий). Особо отметил он значение такого развития на «возвращенных землях», вошедших в состав Польши после Второй мировой войны. Упомянул автор также и о «контактах» польских ученых-гуманитариев с советскими коллегами в начале 1950-х годов, ограничившись, правда, характеристикой, что такие контакты носили сугубо информационный характер. «Плодотворной» названа им только работа польских историков по публикации материалов восстания 1863 г. в сотрудничестве с И. С. Миллером и В. А. Дьяковым [1. Cz. I. S. 265]. Вместе с тем, сосредоточив основное внимание на переломном для польских гуманитарных наук десятилетии 1950-х годов, Ю. Дыбец оставил за пределами своего обобщающего исследования, по нашему мнению, принципиально важный вопрос: как польская гуманитарная наука на протяжении 1960–1970-х годов постепенно сменила идеологический вектор своего развития, отказавшись от идей реформирования марксизма и «польского пути к социализму», в значительной мере перешла на антикоммунистические позиции? Не рассмотренной осталась, по нашему мнению, и весьма значительная роль зарубежных польских научных центров и объединений гуманитарного профиля, например парижской «Культуры» (может быть, ввиду соответствующего обширного раздела в третьей части тома).

Относительно небольшой по объему очередной раздел о физико-математических науках авторства Анджея Врублевского по существу посвящен характеристике развития в Польше этого научного направления на протяжении всего XX в., начиная со времени восстановления польской государственности в 1918 г. Автор констатирует, что ни физика, ни математика не пользовались вниманием со стороны властей межвоенной Польши 1920–1930-х годов, несмотря на усилия польских ученых убедить власти предрержащие в особом значении фундаментальных наук для страны [1. Cz. I. S. 299]. Большие потери понесли фундаментальные направления польской науки и в годы Второй мировой войны. При этом автор отмечает, что они были связаны не только с гитлеровской оккупацией Польши, но и с присоединением к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, а также в связи с передачей Вильнюса Литве, когда фактически были ликвидированы как польские Виленский и Львовский университеты. Разумеется, эти потери были в известной мере компенсированы после войны за счет «возвращенных территорий», однако такого рода «возмещение» не могло восстановить преемственности научных школ и учебного процесса, что имело для фундаментальных наук первостепенное значение. Послевоенное восстановление физико-математических наук в Польше, как указал Врублевский, берет начало еще в июле 1944 г., когда по решению Люблинского правительства был основан Университет Марии Склодовской-Кюри. Констатируя эти факты, автор не делает из них каких-либо выводов, однако напрашивается мысль, что восстановление научной жизни и фундаментальных наук на только что освобожденных от нацистов польских землях в определенной мере опровергает расхожий ныне тезис о «советской оккупации» Польши после Второй мировой войны. Большое внимание автор уделил Конгрессам польской науки, а также созданию и работе Польской академии наук и ее институтов в области физико-математических наук. «Глядя с перспективы нескольких десятилетий, – пишет Врублевский, – следует позитивно оценить решение о создании ПАН для дальнейшего развития физико-математических наук в Польше» [1. Cz. I. S. 327]. При этом автор не замалчивает имевшиеся проблемы и трудности, отмечая,

что по выделению средств на развитие науки (по отношению к национальному доходу) ПНР в 1970-е годы отставала даже от Болгарии и Венгрии и более чем в два раза — от СССР, не говоря уж о странах Запада [1. Cz. I. S. 334].

Однако уже только из этого можно было бы сделать вывод о том, насколько большое значение имело научное сотрудничество ПНР с Советским Союзом, а также с ГДР и Чехословакией, поскольку оно позволяло путем объединения усилий и материальных ресурсов стран-партнеров компенсировать в известной мере недостатки обеспечения науки в отдельных странах за счет кооперации в научных исследованиях, особенно в области фундаментальных наук. Как свидетельствует автор, трудности фундаментальных наук усугубились в период кризиса 1980-х годов. В частности, он приводит пример дискуссии в Комитете физики ПАН 26 января 1983 г., когда глава комитета Здислав Вильгельми, «обобщив достижения, говорил, не скрывая пессимизма, что из-за политики правительства остаются безуспешными хлопоты о новой аппаратуре, компьютерах и других материалах, необходимых для современных исследований». Поэтому, по словам Вильгельми, польским ученым приходилось проводить исследования «в лабораториях Западной Европы и США, а это, в свою очередь, влекло за собой постепенную деградацию отечественных институций». Тем не менее, шеф Комитета физики выразил уверенность, что «польская физика достойно выйдет из кризиса, который переживает» [1. Cz. I. S. 335].

Этот эпизод с позиций наших дней, когда наука на востоке Европы пережила уже не один кризис, выглядит вдвойне поучительным и дает немало поводов для важных суждений, однако мы позволим себе высказать, пожалуй, только одно соображение, иллюстрирующее характер кооперации тех лет советских и польских исследователей. Если поляки не могли приобрести нужное им оборудование из-за нехватки финансирования, то их советские коллеги сталкивались с проблемами иного рода. Необходимое оборудование на Западе они не могли приобрести из-за санкций, наложенных на СССР. Поэтому требуемые для совместных исследований приборы и материалы приобретались на Западе польской стороной за счет советских ассигнований и использовались совместно польскими и советскими научными институтами в рамках научных обменов и совместных исследовательских проектов, что еще раз демонстрировало многообразие форм и взаимовыгодный характер сотрудничества советских и польских ученых, которое основывалось не только на союзнических отношениях обеих стран, но и вытекало из объективных потребностей развития и польской, и советской науки.

Следующий раздел был посвящен биологии во всем многообразии составлявших ее направлений, включая и медицинские науки. Автором его стал Лешек Кузницкий — биолог, действительный член ПАН, трижды избранный ее президентом, профессор Института экспериментальной биологии. Его жизненный путь мог бы послужить характерным примером ученого, сформировавшегося в Народной Польше и посвятившего себя польской науке. Это обстоятельство, вероятно, послужило основанием для редакторов и автора предпослать разделу его краткую автобиографию, заверленную словами, что «изложенное мнение по многим вопросам имеет характер в равной мере как исторического очерка, так и отклика участника событий» [1. Cz. I. S. 337]. Многие вопросы, рассмотренные Л. Кузницким применительно к биологическим наукам, были уже предметом анализа в предыдущих разделах, как, например, оценка научной политики властей межвоенной Польши

в сравнении с соответствующим курсом ПНР, поэтому, не затрагивая общей проблематики, мы остановимся только на отдельных выделяющихся из общего ряда темах. Так, говоря о строительстве польской науки после 1945 г., Л. Кузницкий указал, что, наряду с традиционным научным центром в Варшаве, где и после войны, несмотря на понесенные столицей тяжелейшие потери, сохранялась тенденция к «метрополитизации», в ПНР были вновь сформированы или получили ускоренное развитие научные центры в регионах страны [1. Cz. I. S. 341]. Применительно к биологии и медицине это было продиктовано также потребностями развития на местах сельскохозяйственного производства и здравоохранения, вместе с тем, констатировал автор, «концентрация научных работников и научных учреждений, а также исследовательской аппаратуры, является условием, стимулирующим развитие научных исследований независимо от города или территории. Размещение научных учреждений в Варшаве является этому хорошим примером» [1. Cz. I. S. 345]. Значительное внимание автор уделил позиции польских биологов по отношению к распространению в Польше в конце 1940 – начале 1950-х годов концепций советского агронома Т. Д. Лысенко, причем особую роль в этой борьбе, названной Кузницким «сопротивлением советизации науки» [1. Cz. I. S. 364], сыграла редакция журнала «Po prostu», выступившего в период кризиса 1956 г. как один из рупоров оппозиции в ПНР. В освещении этих дискуссий, в которых Кузницкому довелось принять личное участие на стороне критиков «лысенковщины», автор, с одной стороны, показывает, что концепции Лысенко представляли собой научное направление, которое обосновывалось экспериментально и восходило к опровергнутому генетиками мнению Ч. Дарвина, что приобретенные признаки наследуются в процессе эволюции. Таким образом, воззрения Лысенко хотя и оказались ложными, но едва ли могут считаться псевдонаучными. С другой стороны, попытки распространения в Польше лысенковских представлений трактуются автором как вмешательство советских властей в процесс научных исследований в качестве устанавливавшей истину инстанции. Именно так насаждалась лысенковщина в СССР в 1930-е и в первые послевоенные годы. Однако можно ли утверждать, что в 1950-е годы выступление с докладами в Польше советских адептов Лысенко и покровительство им со стороны советского посольства в Варшаве стало проявлением «советизации» польской науки? Думается, что ответ на этот вопрос может быть, скорее, отрицательным, и дали его, по свидетельству автора, сами польские биологи, положившие конец лысенковщине в ходе научной дискуссии, которая, однако, все же имела опосредованную связь с процессами десталинизации в ПНР и новыми акцентами в аграрной политике ПОРП начиная с середины 1950-х годов.

Заключительный раздел общей части 10-го тома авторства Болеслава Орловского озаглавлен «Условия развития техники и технических наук в ПНР». Как и другие разделы, он открывается анализом развития техники в межвоенной Польше, уровень индустриализации и развития технической мысли которой оценен автором как «относительно высокий». Подтверждение этому он усматривает в развитии военной промышленности (прежде всего самолетостроения), в строительстве двух гидроэлектростанций (вторая к началу войны так и не была достроена), в значительном числе патентов на изобретения и технологии, полученных польскими специалистами [1. Cz. I. S. 389–391].

В годы Второй мировой войны польские солдаты и офицеры в армиях антигитлеровской коалиции, воевавшие преимущественно в высоко

технически оснащенных родах войск, получили возможность овладеть передовой техникой, что также, по мнению автора, позитивно сказалось на развитии польской технической мысли. Значительное внимание уделил Б. Орловский планам польского правительства в Лондоне и связанных с ним структур по послевоенному восстановлению и техническому перевооружению народного хозяйства Польши. Думается, что это одна из наиболее интересных частей раздела, важная также для понимания стратегии и задач экономического развития ПНР в послевоенные годы, названные автором «прелюдией послевоенной жизни». Однако, по мнению Орловского, эта послевоенная жизнь оказалась в «оковах постялтинской реальности», сводившейся к трем пунктам: 1) к навязанному Польше «реальному социализму»; 2) к «утрате страной суверенности»; 3) к «разрыву (вследствие холодной войны) связи между мировым научно-техническим прогрессом и советской империей» [1. Cz. I. S. 408–409]. Далее автор объявил о намерении дать «объективную оценку позиции и вклада ПНР», вероятно, в развитие техники и технических наук, как это следовало бы из заглавия раздела в целом, однако содержание свелось к перечислению произвольно избранных общеизвестных фактов из истории народного хозяйства ПНР без какой-либо систематизации и вразумительной периодизации. Наверное, своего рода украшением должны были послужить две странички, посвященные деятельности польской разведки на Западе [1. Cz. I. S. 419–421], получившей ценную информацию о французских и норвежских объектах атомной промышленности или об итальянском автопроме. Можно согласиться с автором, что работа польских спецслужб позволяла в известной мере обходить наложенные США запреты на приобретение на Западе передовых технологий, однако остается загадкой для читателя, как это было связано с развитием технических наук в Польше. В заключение Орловский пишет о «патологии», вероятно, научно-технического развития ПНР и научно-технической политики тогдашних польских властей. По крайней мере, можно себе уяснить, что упомянутая патология заключалась в так называемой командно-административной системе с присущими ей пороками и недостатками, оттенить которые были призваны приведенные автором примеры. Но вряд ли эта игра в «примерчики» всерьез заменяет научный анализ.

К сожалению, в разделе нет ни слова о трех периодах научно-технической и промышленной модернизации ПНР: 1940–1950; 1960-х и 1970-х годов, а также кризисного периода 1980-х годов (последний также имел особенности научно-технического развития). Разумеется, хронологические рубежи в этой области могут быть предметом дискуссии и уточняться. Однако наличие этих периодов по существу, по нашему мнению, не вызывает сомнения. Для каждого из них были свои задачи и приоритеты модернизации, свои источники, свои организационные формы. Важное место, несомненно, должно было принадлежать воздействию на развитие технических наук в Польше мировой научно-технической революции, о чем в разделе не говорится ни слова. Наконец, важным комплексом проблем является применение достижений фундаментальных наук (физики, химии, биологии, материаловедения и т.п.) в научно-технической сфере. Разумеется, внедрение этих достижений в народном хозяйстве — длительный и инерционный процесс, еще более осложнявшийся вследствие низкой эффективности систем управления экономикой. Материалы для соответствующего анализа можно было бы почерпнуть хотя бы из годовых отчетов Польской академии наук

или из материалов Конгрессов польской науки, не говоря уж о более широком круге исторических источников, которые вполне могли бы быть доступны для автора, или из специальной научной литературы. В целом же создается впечатление, что период Второй мировой войны описан Б. Орловским в разделе наиболее удачно.

Указанным разделом завершается первая часть 10-го тома «Истории польской науки». Помещенные в нем разделы неравноценны, но в целом они успешно выполнили поставленную задачу: представить общую картину развития науки в Народной Польше. Обобщая их содержание во Введении, Л. Заштовт отмечал, что первым поворотным этапом для польской науки стал 1947 год, связанный с так называемым обострением классово-борьбы и установлением в стране системы «сталинизма», просуществовавшей до времени «перелома» 1954—1955 гг. С точки зрения развития науки, в этот период особое значение имел 1951 год и основание Польской академии наук. Большое научное значение имел также 1949 год — год основания Главного статистического управления и публикация с этого времени официальных статистических материалов, а также новый облик в ПНР статистики как научной дисциплины. Подобно 1947 г., 1956 год не только стал переломным в политических вопросах, но и ознаменовал поворот в интеллектуальной жизни общества в его идейном противостоянии с установленной политической системой. С этого времени открылась возможность выезда ученых за границу и возобновлены научные контакты, при этом контакты со странами Западной Европы были наиважнейшими. Перемены, которые наступили вследствие Польского Октября 1956 г., обусловили в 1960-е годы существенные достижения не только в области точных и естественных наук, но, прежде всего, в науках гуманитарных, в области которых некоторые исследования получили международное признание [1. Cz. I. S. 15—16].

1960-е годы, отмечал Л. Заштовт, также не выглядят монолитно. В политической области в этот период выделяются события марта 1968 и декабря 1970 г. Для польских научных кругов существенные последствия имели события 1968 г., после которых несколько тысяч польских граждан еврейского происхождения покинули страну. Среди них было немало деятелей науки и научных работников. Они переехали в Израиль, в США и в другие страны, что стало существенной утратой для польской науки. Однако, продолжая мысль автора, можно отметить, что большинство из них не порвали научных связей с Польшей, что, в свою очередь, имело немаловажное значение для развития научных контактов ПНР со странами Запада. Характеризуя политические события 1960—1970-х годов, Л. Заштовт называет конституционное провозглашение руководящей роли ПОРП (1976 г.), или «вынужденной любви» к СССР. Одновременно он указывает на общественное значение отмеченного в 1966 г. тысячелетия польского христианства и польской государственности, а также упоминает оппозиционные акции польской интеллигенции и формирование в 1976 г. Комитета защиты рабочих (КОР). Говоря об участии в этих движениях научной общественности и студенческой молодежи, он все же констатирует, что на положение польской науки они не оказали существенного влияния [1. Cz. I. S. 16].

В целом можно утверждать, пишет Л. Заштовт, что «в периоды либерализации системы в 1970-е и 1980-е годы научное сообщество ПНР пользовалось выгодами своего положения, в том числе и в области гуманитарных

наук. В области естественных, точных и технических наук, за исключением военных дисциплин, давления властей не ощущалось. В периоды обострения положения и ужесточения курса властей ученые, как и большинство граждан, сторонились политики, за исключением небольшого числа активных участников оппозиции или же «социалистической власти». Переломными для польской науки, по его словам, стали 1980-е годы [I. Cz. I. S. 17–18].

В информационном плане наиболее богатой и объемной стала вторая часть 10-го тома, посвященная учреждениям польской науки (разделы авторства Петра Хюбнера, Яна Пискуревича, Януша Тандецкого, Яцека Пухальского и Яна Драуса). Говоря о политике в отношении науки властей ПНР в 1944–1989 гг., П. Хюбнер констатировал, что, «по убеждению большинства польского научного сообщества, наука существовала в условиях бюрократического министерского управления, ограничения свободы научного творчества, а также ограничения академических свобод научных учреждений и научных обществ. Власть выступала в роли единственного мецената и единственного источника материальной и организационной поддержки науки» [I. Cz. II. S. 11]. Этот тезис был уже детально обоснован в первой части, поэтому во второй он только установил исходные основания для определения системы научных институций в Польше, включавшей в себя учреждения Польской академии наук, иные научные центры, университеты и другие учреждения высшего и профессионального образования, государственные архивы и библиотеки, а также научные общества.

В свою очередь, исходя из предложенной характеристики системы научных учреждений, ее анализ и изучение ее эволюции на протяжении 1944–1989 гг. строились в томе на основе следующих критериев: а) принципов и тактики государственной научной политики; б) правового и административного статуса учреждений; в) их конкретных функций в системе научных институций ПНР в целом. Таким образом, вторая часть 10-го тома дает достаточно широкую и детальную, хотя и в известной мере формализованную, картину функционирования науки и ее учреждений в ПНР в целом. Особо хотелось бы отметить чрезвычайно важный раздел, посвященный польским научным центрам в эмиграции в период 1945–1990 гг., сыгравшим важную роль не только в развитии оппонировавшей властям ПНР польской науки, но и в общественно-политической жизни страны. Исчерпывающий очерк всех польских эмигрантских научных объединений представлен в рецензируемом труде впервые в историографии.

Третья часть 10-го тома содержит разделы, посвященные проблемам философии и методологии науки: раздел авторства Станислава Божыма «Марксизм и иные направления философии» и раздел, написанный Петром Косицким, о взаимоотношениях польской науки и католической церкви. Каждый из них заслуживает отдельной рецензии, однако общим выводом для них мог бы быть тезис, что польская наука даже в условиях официально провозглашаемой единой коммунистической идеологии и марксистской методологии оставалась в методологическом отношении плюралистичной. В ней сосуществовали различные течения марксизма, а также разного рода позитивистские и неотомистские концепции и даже унаследованные от межвоенной Польши неокантианские воззрения. Плюралистическую картину методологии польской науки дополняли распространенные особенно среди специалистов в области гуманитарных наук

и польской творческой интеллигенции вошедшие в моду в 1960-е годы направления субъективизма наподобие феноменологии Э. Гуссерля и его последователей.

В третью часть включены также интересные очерки, посвященные воздействию на науку аппарата госбезопасности (автор Рышард Терлецкий), издательской политике властей в области научной литературы (автор Дорота Деген), популяризации науки и ее взаимоотношениях со СМИ, в частности с Интернетом (автор Яромир Ешке), воздействию военно-технических проблем на развитие экономики и технических наук (автор Збигнев Тухольский). Содержание этих очерков в известной мере находится «на полях» развития науки, однако они отражают состояние интеллектуальной и культурной, а также общественной и политической среды, в которой польская наука развивалась в эпоху Народной Польши.

Оценивая рецензируемый том в целом, читатель невольно приходит к мысли, что его авторы гораздо больше внимания уделили противоречиям между государством во главе с ПОРП, с одной стороны, и польским научным сообществом и социумом в целом – с другой, чем анализу достижений и тенденций развития самой польской науки. А ведь 1960-е и 1970-е годы стали временем интенсивного роста польской науки и значительных достижений польских ученых. В эти десятилетия по широте и спектру научных исследований (от изучения космоса – до исследования атомного ядра, от геофизики – до археологии и т.п.), по распространению польских научных станций по всему земному шару и по целому ряду других критериев Польша Народная Республика в области развития науки занимала шестое место в мире. Немаловажное значение при этом имело многогранное научное сотрудничество ПНР и СССР во главе с академиями наук двух стран. Инерция этих достижений сохранилась на протяжении 1980-х годов. Во многом, если не в решающей степени, они составляют фундамент развития и современной польской науки (см. [7; 8]). Авторы 10-го тома «Истории польской науки» не уделили этому достаточного внимания. Хотелось бы думать, что это объясняется только скромностью, свойственной польским ученым, которые, не выпячивая успехов и без оглядки на идеологическую конъюнктуру, сосредоточились на особенностях общественно-политических факторов и на трудностях развития польской науки эпохи ПНР.

10-й том «Истории науки» вышел из печати без заключительного раздела, что вызывает некоторое недоумение читателя, как будто изложение оборвано на полуслове. Может быть, авторы таким образом перекладывают на своих последователей и преемников – историков польской науки, призванных продолжить их дело в будущем, нелегкое бремя ответственности за итоговое суждение или резонно полагают, что для этого требуется более отдаленная историческая дистанция? Вместе с тем ряд тезисов заключительного характера присутствует во Введении, не случайно датированном Л. Заштовтом 25 мая 2015 г., что указывает на его написание непосредственно перед опубликованием тома и на обоснованность права автора на рассуждения заключительного характера. Говоря о воплощенном на страницах тома образе науки Народной Польши, Л. Заштовт охарактеризовал его как биполярный, указав, что в описанный период, с точки зрения политических и идеологических условий развития польской науки, превалируют негативные оценки, напротив, с точки зрения анализа практики и научных

достижений — позитивные. Критике в томе в большей мере подвергалась система так называемого реального социализма, а в меньшей степени — конкретные меры государства, направленные на развитие польской науки и ее институций. В итоге выводы не могут быть ни однозначно пессимистическими, ни, безусловно, оптимистическими [1. Cz. I. S. 36–37]. Разумеется, в истории у разных народов бывали (и не так уж редко) периоды, когда в условиях суровых политических режимов и господства реакции в обществе, казалось бы, вопреки этому, достигались выдающиеся успехи в культуре и науке. В истории и Польши, и России такие периоды известны. Задача историка всегда состояла в том, чтобы, не ограничиваясь констатацией, объяснить природу и сущность этого явления, проанализировать его социальные основания: «Здесь Родос, здесь и прыгай!»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Historia nauki polskiej. T. 10. 1944–1989 / Pod red. Leszka Zasztowta i Joanny Schiller-Walickiej. Warszawa, 2015. Część I. Warunki rozwoju nauki polskiej, państwo i społeczeństwo; część II. Instytucje; część III. Idee i praktyka.
2. Connolly J. Znięwołony uniwersytet. Sowietyzacja szkolnictwa wyższego w Niemczech Wscodnich, Czechach i Polsce 1945–1956. Warszawa, 2014.
3. Матвеев Г. Ф. Рец. на кн. Szumski J. Polityka a historia. ZSRP wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa, 2016 // Славяноведение. 2016. № 5.
4. Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В. К. Волков. М., 2003.
5. Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы (Изучение и публикация исторических источников в России и в Польше) / Отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2011.
6. Носов Б. В. Сотрудничество российских и польских ученых, Российской и Польской академий наук в 1950–1980-е гг. // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / Отв. ред. С. Гжибовский, В. А. Хорев, М. Волос. М., 2011.
7. Осипов Ю. С. (Президент РАН). Сотрудничество Российской и Польской академий наук: взгляд сквозь годы. Материалы «Дней польской науки в Российской Федерации» (октябрь 2008 года) // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы (Изучение и публикация исторических источников в России и в Польше). М., 2011.
8. Кляйбер М. (Президент ПАН) История и дальнейшее развитие отношений Российской академии наук и Польской академии наук в контексте перспектив европейского сотрудничества. Материалы «Дней польской науки в Российской Федерации» (октябрь 2008 года) // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы (Изучение и публикация исторических источников в России и в Польше). М., 2011. С. 68–76.

© 2017 г. А.Л. ШЕМЯКИН

СЕРБСКИЕ СОЧИНЕНИЯ П. А. РОВИНСКОГО (ПЕРВИЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

«Руси нас Србе никако не разумевају.
Зато бива толико незгода и за нас и за њих.
Неразумевање је то отуда што о Србима нема још списка,
из којих би се могла видети душа Србинова у сваком погледу».

Милан Милићевић (Дневник)¹

В статье доказывается, что сербские сочинения П. А. Ровинского, до сих пор малоизученные (в отличие от его мощного черногорского научного корпуса), дают возможность рассмотреть *изнутри* особенности менталитета сербского традиционного общества, что дает нам аргументы для полемики с характерной для современной сербской историографии мифологией «европейского выбора», якобы сделанного Сербией еще в конце XIX в.

The article proves that the Serbian works of Pavel Rovinski, which are much less known in comparison to his enormous Montenegrin scholarly corpus, give an opportunity to consider mentality of the Serbian traditional society from inside. It gives arguments for polemics with the modern Serbian historical writing with their mythology of the «European choice», made by Serbia, as the protagonists of this concept claim, in the late nineteenth century.

Ключевые слова: П. А. Ровинский, Сербия, Европа, менталитет сербского традиционного общества, имагология, модернизация.

Keywords: Pavel Rovinski, Serbia, Europe, Serbian traditional society mentality, imagology, modernisation.

Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916), как и многие другие представители его поколения «шестидесятников», был многогранно талантлив: выдающийся славист, вошедший в историю науки фундаментальным трудом по истории и этнографии Черногории [1]; пронципательный журналист; незаурядный педагог; и еще – неутомимый путешественник, объехавший в буквальном смысле слова полмира, от США до Китая, и проведенный около тридцати лет на Балканах.

Шемякин Андрей Леонидович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ «Русские совсем не понимают сербов. Потому-то и случается столько неприятностей как для нас, так и для них. Непонимание это происходит оттого, что нет еще сочинений, в коих сербская душа могла бы отразиться во всех ее проявлениях» (Милан Миличевич. Дневник).

Он родился в Саратовской губернии в дворянской семье. Получил блестящее образование, окончив в 1848 г. Саратовскую гимназию (где сдружился с А. Н. Пыпиным и Н. Г. Чернышевским), а затем с золотой медалью историко-филологический факультет Казанского университета. Несмотря на то, что тот считался «одним из самых скромных провинциальных университетов» [2. С. 30], в нем бывали и исключения — кафедру славянских наречий держал известный ученый В. И. Григорович, только что вернувшийся из путешествия по славянским странам. Ему и был обязан Ровинский своим интересом к славистике [2. С. 38; 3. С. 17] ... По получении диплома он перебрался в Петербург, где стал заниматься изучением истории славян и журналистикой.

По идейным воззрениям Ровинский был последователем Чернышевского, принимал участие в революционном движении, печатался в демократических изданиях того времени — журнале «Современник» и газете «Очерки». Являлся активным членом тайного общества «Земля и воля» (1862–1863) (см. [4–5]).

Именно это обстоятельство помешало ему в 1862 г. совершить научную поездку за границу, настоятельно рекомендованную В. И. Григоровичем, — разрешения на выезд Ровинский так и не получил, поскольку «находился в сношениях с лицами, имеющими злонамеренное предприятие» [6. С. 20]. А между тем, еще не ведая об окончательном вердикте властей, он разработал «План путешествия по славянским землям», в котором писал: «Я избираю южнославянские земли». Главной же познавательной целью при посещении южных славян объявлялось намерение «обращать внимание на их внутреннюю жизнь, на историю быта и просвещения», причем «изучение современности должно служить пояснением и дополнением истории» (цит. по [5. С. 81]). Но исполнить свой план Ровинскому удалось только шесть лет спустя, когда у него наконец-то появилась возможность отправиться к южным славянам — на сей раз в качестве корреспондента солидной столичной газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

Местом его пребывания была избрана Сербия, и это не случайно. Мирный вывод турецких гарнизонов из всех крепостей княжества в 1867 г., складывание Балканского союза и подготовка общего восстания против турок привлекали повышенное внимание русской публики. «То было особенное время, — вспоминал позднее сам Ровинский. — На Сербии сосредотачивались желания и надежды всего юга славянства. Одни полагали в ней свое спасение, другие ее боялись» [7. С. 349, 351].

Итак, в начале марта 1868 г. он прибыл в Белград и оставался в Сербии до июля следующего года. Летом 1869 г., через Новый Сад, Вуковар и Осиек, отправился в Загреб, а в сентябре переехал в Швейцарию. После длительного перерыва, летом-осенью 1878 г., он провел корреспондентом в Сербии еще несколько месяцев. Это была его вторая и последняя поездка туда... В результате путешествий Ровинского по Сербии оформился целый корпус его сербских сочинений, состоявший из четырех путевых очерков и четырех статей (см. [7–14]²). Именно о нем и его значении для исследования сквозной темы: «Менталитет сербского традиционного общества и его эволюция в условиях воздействия европейских идей и институтов, т.е. в процессе модернизации Сербии», пойдет речь в настоящей статье.

² Общий объем сербских текстов П. А. Ровинского составляет более 20 печатных листов.

Уже упоминалось, что, как славист, П. А. Ровинский прославился многотомным трудом о Черногории. Его же работы о Сербии и сербах, *в своей совокупности*, еще не стали предметом пристального внимания ученых, оставаясь в тени. Хотя знакомство с ним и некоторыми его текстами привело как современников, так и позднейших исследователей к солидарной оценке их «качества». Всего несколько примеров. Очевидец, крупный русский славист (в 1878–1882 гг. — профессор Великой школы в Белграде), П. А. Кулаковский: «Ровинский — действительно прекрасный знаток южных славян, очень умный и образованный человек [...] Он был и профессором, и писал уже много о Сербии, и долго жил здесь и изучал народ и страну» [15. Т. II. С. 121–122]. И далее: «Этот человек оригинал, но замечательно знает и дела, и людей во всем сербском племени» [15. Т. II. С. 160]. Другой современник, сербский друг и тезка, Павле Михайлович: «Ровинский был ученым человеком, полным энергии и воли. Он всю Сербию исходил пешком и на этом пути провел много времени» [16. С. 376]. Отечественные историки: С. Ю. Иванов — в своих трудах Ровинский «высказывает идеи такой степени зрелости, которая приближается к уровню современных исследований» [17. С. 56]; Л. А. Котлярская и М. М. Фрейденберг: в поздних публикациях (статьях 1877–1878 гг. [7–14]) — «более глубоких, продуманных и основательных» — автор размышляет не столько о реальных событиях, сколько о психологии целого народа, или отдельной его части. Он «как бы поднимается над конкретной действительностью [...], переключаясь на анализ более глубоких пластов народной жизни». Такие его страницы, уверяют ученые, «могут войти в любую хрестоматию по истории Сербии XIX в.» [6. С. 24], с чем я полностью солидарен, также полагая сербский корпус Павла Аполлоновича «подлинной находкой для всякого исследователя социальной и культурной истории Сербии» [18. С. 72–93]. Наконец, сербская исследовательница Латинка Перович: «Трудно найти иностранного автора, писавшего о Сербии во второй половине XIX в., который не только лучше Ровинского разбирался бы в менталитете сербского народа, но и вообще писал о нем» [19. С. 63]. К этому добавлю, что опубликованные в «Вестнике Европы» четыре очерка П. А. Ровинского о Сербии вышли отдельным изданием в переводе на сербский язык — под редакцией и с предисловием той же Л. Перович [20] (см. также [21. С. 41–46]), вызвав у сербов неподдельный интерес: тираж был раскуплен всего за несколько месяцев. В чем, думается, нет ничего удивительного...

Занимаясь составлением первых двух томов антологии «Русские о Сербии и сербах» (см. [15]), я, естественно, не мог обойти вниманием соответствующие работы Ровинского — в первый том серии вошло несколько обширно откомментированных фрагментов из его записок о путешествиях по Сербии в 1868–1869 гг. [15. Т. I. С. 38–118], а во второй — оригиналы четырех писем А. Н. Пыпину, тогда же посланных из Белграда [15. Т. II. С. 55–63]. Кроме того, отрывок из очерка Ровинского о сербской столице воспроизведен мною в российском историческом журнале «Родина» [22. С. 54–58]. Готовя эти материалы к печати, я пришел к выводу о настоятельной необходимости публикации всего сербского наследия русского слависта, причем — в виде отдельного, завершающего антологию (третьего) тома. В него, помимо *всех* авторских текстов, должны войти развернутый научный комментарий (в силу

«неугомонности» и дотошности Павла Аполлоновича («Я старался обозреть все, что возможно, не хотел пропустить ни одного предмета, как бы он ни был далек от моих личных целей и воззрений, стараясь передать каждое явление со всевозможной точностью» [8. С. 374]), его описания страны пребывания – предельно информативны, «населены» многочисленными персонажами, требующими биографических справок, и густо пересыпаны сербизмами); а также, по примеру первых двух томов, монографическая студия-заключение – это позволит значительно обогатить форму и жанр «привычного» сборника материалов, на что в свое время, говоря о томе первом, уже указала И. И. Лещиловская: «Это издание, соединившее в себе публикацию документов и исследование, разрушило стереотипность исторических работ и явило собой новый тип исторического труда» [23. С. 37] ...

* * *

Соображения, приведшие меня к мысли о необходимости выделения всех работ П. А. Ровинского в единый отдельный том антологии «Русские о Сербии и сербах», следующие.

Подготовка к изданию его «собрания сочинений» о Сербии видится тем значительнее, если вспомнить, что главная ценность любых «сторонних» наблюдений заключается в том, что зарубежный «пилигрим» обращает внимание на непривычные для него, но вполне обычные для местных жителей стороны жизни. Эти рутинные, с точки зрения обыденного опыта, детали, как правило, не попадают во внутренние источники («Описания иностранцев часто могут открывать вещи, неизвестные туземцам, и всегда помогают им видеть свою жизнь с той именно стороны, которая им недоступна» [15. Т. I. С. 39]), каких и так не слишком много, ведь понятие «традиционное общество» исторически охватывает в основном носителей *дописьменной культуры*; и, следовательно, значение свидетельств русского очевидца (в которых явно прослеживается попытка синтетического осмысления увиденного) при его изучении неизмеримо возрастает. Что подтверждали и сами сербы. К примеру, известный писатель и этнолог Милан Миличевич, чье высказывание вынесено в эпиграф, ознакомившись с очерком Ровинского о Белграде, записал в дневнике: «Это правда, что человек привыкает к своим недостаткам и не может их видеть в той мере, как иностранец» [24. С. 331].

Кроме того, взятая в отдельности, каждая работа П. А. Ровинского имеет значение всего лишь локальной иллюстрации, но рассмотренные в комплексе, они приобретают характер репрезентативного источника, анализ которого дает возможность для широких обобщений, *объемно* демонстрируя срез жизни, поведения и представлений сербов на начальном этапе модернизации их страны (конец 1860-х годов), т.е. фиксируя ее отправную точку.

При этом следует особо подчеркнуть значимость впечатлений именно *русского* наблюдателя, коего культурная близость предохраняла от сильных искажений сербского колорита. Ведь «русский взгляд» на сербов, основанный на схожих ценностных и социокультурных посылках, порождаемых этнической близостью и конфессиональным единством, проникал в духовные скрепы сербского традиционного общества значительно глубже, чем «взгляд европейский», в фокусе которого находилась имманентно присущая Западу «презумпция цивилизационного превосходства»

[25. С. 45], удачно раскрытая в дефиниции Марии Тодоровой: «Былое аристократическое неприятие эгалитарных крестьянских сообществ сменилось предрассудками городской (буржуазной и рациональной) культуры в отношении того, что считалось суеверной – иррациональной и отсталой – руральной традицией Балкан, единственной ценностью которой признавалось, что в глазах Европы она являла собой этнографический музей под открытым небом» [26. С. 196]. Не случайно поэтому, что, будучи русским человеком, П. А. Ровинский воспринимал Сербию и сербов как *своих*: «То, что недоступно в Сербии для каждого иностранца, вполне открыто для нас. Там вы чувствуете себя между своими, хотя и при другой обстановке». Что значит: «Если вы отбросите все несущественное, перед вами воскреснет родной тип малоросса». И далее, как резюме: «Характер и степень нашей культуры [...] более приближают нас к сербам, чем к остальным славянам» [12. С. 187].

Соответственно, описывая эту страну и народ, он не мог не сопоставлять все виденное с Россией («У меня постоянно идет сравнение [...] со своей родиной» (цит. по [6. С. 72])). И, надо сказать, что выстроенные им сопоставительные ряды весьма органичны, поскольку «мерка, по которой я оцениваю сербский народ, служит та самая, которую я применяю к России» [6. С. 72]. Подобная органичность была чужда западному восприятию, в основе которого, как уже говорилось, лежал стереотип о собственной супериорности, чему соответствовало очевидное неравенство в подходах, т.е. две противоположные «мерки», характерные для всякого *этноцентризма*: одна – для себя, другая – для «туземцев».

Оно и понятно, ведь всякий западный автор, по точной оценке русского слависта, «ни на минуту не может забыть о том громадном расстоянии, которое находится между ним, человеком высшей цивилизации, и полуварварским сербом» [8. С. 379]. И поэтому: «Иностранцы большее внимание обращают на памятники прошлого, на немую природу, а не на народ, войти в жизнь которого они не имеют ни охоты, ни способности. Они на все явления народной жизни смотрят издали и свысока, схватывают их поверхностно и дают им толкование по своему вкусу или по своим субъективным воззрениям, а часто под сильным наитием какой-нибудь политической тенденции» [8. С. 386].

Другое дело – Ровинский, который прежде всего желал видеть «жизнь-бытие простого народа» [10. С. 25], причем в рамках системного подхода, пытаясь в ходе своих путешествий вычленив «нечто цельное, имеющее значение общее и постоянное, а не случайное и временное» (цит. по [6. С. 39]). А иначе и быть не могло, учитывая его народнические взгляды. «Народник в политике, он был народником и в науке, – справедливо констатировал М. Г. Долобоко. – Его тянул к себе народ, он инстинктивно стремился заглянуть в его душу, слиться с ним, сродниться. Отсюда его этнографические интересы, отсюда, после невозможности этнографических исследований на родной почве, перенесение их на почву ближайше родственного народа» [3. С. 18].

Важнейшим, наряду с отмеченным выше и по определению более глубоким проникновением в сербский характер, являлось то еще, что Ровинский наблюдал Сербию и сербов не проездом, но в течение *длительного времени* (около полутора лет в 1868–1869 гг.), т.е. непосредственно на месте. Различие в достоверности оценок этих двух категорий очевидцев

прекрасно показал французский историк Альбер Мале, исполнявший в 1892—1894 гг. обязанности наставника юного сербского короля Александра Обреновича: «Внешний лак цивилизации — это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак цивилизации, треснувший в тысяче мест, — это то, что открывается человеку, имеющему возможность рассматривать все не спеша и в деталях, и делает из него врага изначального ложного образа» [27. С. 204]. За полтора года пребывания в Сербском княжестве русский ученый мог себе позволить «рассматривать все не спеша!» Мало того, как признавался он сам: «Я не только наблюдал и изучал их (сербов. — *А. III.*), но жил с ними и действовал» [1. Т. I. С. IV], отчего степень достоверности его сведений может быть признана крайне высокой.

Действительно, Ровинский, как никто другой, помогает разобраться в тонкой ментальной материи сербов (поскольку цель его — «Выразить ту жизнь, тот внутренний процесс, который совершается под внешней оболочкой и придает предмету то особое выражение, которое мы называем характером или физиономией» [8. С. 378] (и что сегодня зовется как раз *менталитетом*). Он исходил Сербию пешком, часто посещая самые отдаленные села и наблюдая за образом жизни и мироощущением населения во всех деталях, — как в Белграде, так и в глубинке. Отсюда (наряду с безупречным знанием предмета) и *столь* глубокое погружение в сербский характер, что вместе они приводили к «низким», но, увы, пророческим, истинам. «В истории этой страны нет почти ни одной отрадной страницы: одна война, одни междоусобия, сопровождаемые кровавыми сценами. История Сербии есть история ее мученичества» [15. Т. I. С. 76], — эта неоднократно подтвержденная «в век нынешний и в век минувший» *сквозная* парадигма, которую хоть с ходу в эпитафию. Либо еще одно, не менее громкое «предвидение». Изучая сербский национальный характер и обнаружив среди его черт «самодовольство», следствием чего «является самонадеянность» и «самообольщение» («Не имея достаточного просвещения, но, сделавши некоторый успех настолько, что это заметно и постороннему, сербы преувеличивают свои успехи и приписывают их каким-то особенным способностям, которыми обладает их народ» [15. Т. II. С. 56; Т. I. С. 56, 68]), или «самохвальство» и «исключительность сербская», как десятилетие спустя назвал данную особенность П. А. Кулаковский [15. Т. II. С. 183] (и что впоследствии, применительно к присущему своим соотечественникам «динарскому психологическому типу», подтвердит классик сербской историографии Слободан Йованович [28. С. 565]), русский славист в письме А. Н. Пыпину сделал неутешительный прогноз, касающийся возможных перспектив борьбы славянских народов с Османской империей: «Южные славяне победят турок, но побьются между собой» [15. Т. II. С. 56], что и случилось во время Второй балканской (Межсоюзнической) войны в 1913 г. Ровно через 45 лет!..

Перед нами — следствие дисбаланса модернизации, вызванного преобладанием национального идеала («освобождение и объединение») над строительством гражданского общества, что совсем еще в зародыше и «подглядел» наблюдательный Ровинский («Во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами», ибо «на такой почве трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность» [9. С. 74—75]), словно экстраполируя зарождающуюся на глазах диспропорцию на будущее. Ну, а там — в контексте

империалистической горячки кануна Первой мировой войны национальная консолидация сербов обернулась *мегаломанией великодержавия* (истоки которой также вскрыл Ровинский, — в виде желания «целую Турцию разгромить и воссоздать царство Стефана Душана» [10. С. 77]), которая, столкнувшись с аналогичным явлением у соседки (Болгария заболела «самодовольством» в 1878 г., когда русские сформировали ее национальный идеал в Сан-Стефанских границах), не могла не спровоцировать любовой конфликт за турецкое «наследие» на Балканах. Две непомерно раздутые «мегали-идеи», к тому же «обитающие» по соседству, не имели никакого шанса ужиться друг с другом...

Складывается впечатление, что на сербском примере П. А. Ровинский эмпирически предвосхитил теорию Ю. М. Лотмана о двух системах мышления — бинарной, в основе которой лежало желание «осуществить на практике неосуществимый идеал», и тернарной, что «стремится приспособить идеал к реальности» [29. С. 142]. Кстати говоря, среди славян легко обнаруживаются носители обеих: сербы, болгары, черногорцы, хорваты, поляки — чехи, словенцы, словаки.

Должно особо подчеркнуть, что «обнаруженный» Павлом Аполлоновичем у сербов милитаристский настрой «санкционировался» *снизу* — многовековые конфликты с турками (производные от *окраинного* положения в составе Османской империи³) привели к формированию у них стойкого конфронтационного сознания, во многом определившего их дальнейшую историческую судьбу. Кроме того, идеологически оно подпитывалось «Косовским мифом» и растущей из поколения в поколение жадой мести за катастрофу 1389 г., вследствие чего «героическое» начало закладывалось в поведенческий код населения с молодых ногтей («Воинственный и геройский дух у сербов воспитывается с самого раннего детства [...] Воспитывается этот дух и отцами, заставляющими выучивать в виде катехизиса историю падения царства на Косовом поле, причем делают такие выводы, что Милошу Обиличу на вечные времена слава, Вуку Бранковичу проклятие, а турку и швабу нужно посекачь головы» [15. Т. I. С. 109]). Образованные собеседники, признавая явный перекося такого воспитания, тем не менее объясняли Ровинскому его необходимость — «Видите, в каком мы положении: мы должны из наших детей готовить вместо гуманных граждан диких солдат, потому что нам еще грозит война с турками и борьба с варварами, с которыми нужно мериться тем же оружием, каким пользуются и они против нас» [9. С. 74—75]. Этот мотив грядущей войны и необходимости подготовки к ней сызмальства тиражировался на всех уровнях.

Важно и то, что «конфронтационное сознание» определяло специфику и внутригосударственной жизни в стране, органично экстраполируясь на отношение к *другому* в среде соотечественников, выбивавшемуся из традиционной системы ценностей и представлений. «Внешние турки», таким образом, могли плавно переходить в категорию «внутренних турок». А потому *мир* для сербов (как вовне, так и изнутри) был окрашен в черно-белые тона: свои — чужие, друзья — враги. Таким образом, сербы практически и не жили, постоянно воюя, либо ожидая войну, пребывая в никогда не спадавшем психологическом напряжении («На меня во время путешествия Сербия произвела впечатление полувоенного лагеря, стоящего

³ О влиянии географического положения славянских народов внутри Османской империи на формирование их менталитета см. [30].

на развалинах когда-то процветавшей страны, и еще не жившего вполне народа, которому еще предстоит жить и действовать [15. Т. I. С. 110]). В таких условиях в нем «создался какой-то специфический ритм и темп жизни, слабо приспособленный к современным методам труда и созидания» [31. С. 111]. Оно и понятно: вместо естественного поступательного развития — всплески отчаянных усилий и относительно «мирные» паузы, заполненные не «органической работой», а новым ожиданием «национальной сатисфакции» и непримиримым внутриэлитарным конфликтом (те самые «междоусобия, сопровождаемые кровавыми сценами» [8. С. 378]), т.е. продолжением войны во время мира.

Соответственно, воспроизводимое исторической традицией и мифологией состояние внутренней мобилизованности народа, постоянная готовность к реализации «национального идеала» (добиться которой без военных мер было невозможно) вступали в противоречие с задачей формирования гражданского общества в стране, что, в свою очередь, не могло не сказаться на ходе и характере процесса ее модернизации, носившем однобокий и деформированный характер (все в Сербии «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то, вся она живет *накануне* (курсив П.А. Ровинского. — *А.Ш.*), вся в каком-то воинственном настроении» [15. Т. I. С. 109], стоя «вечно на карауле» [15. Т. I. С. 110]. «И такое состояние, — звучит рефрен, — мешает развитию страны в смысле гражданственности» [15. Т. I. С. 109]). Действительно, коллективный портрет серба второй половины XIX — начала XX в. вполне можно было бы подписать: Homo Militans, что значит — «человек вечной войны» или же «солдат по природе, по призванию» [15. Т. I. С. 77], по дефинициям Павла Аполлоновича. Тем самым, он (одним из первых (профессор В.И. Ламанский в 1863 г. также окрестил сербов «народом более храбрым и воинственным, нежели трудолюбивым и промышленным» [15. Т. I. С. 28]) — сразу по завершении «процесса формирования стереотипного представления о них как о братском России народе, занявшего всю первую половину XIX в.» [32]) нащупал одну из важнейших и «долгоиграющих» ментальных струн сербского народа, что станет затем «героической вертикалью» всей его дальнейшей истории, вплоть до трагических событий рубежа XX—XXI вв.

* * *

Сквозная проблема «менталитет сербского традиционного общества» имеет различные аспекты: социокультурный контекст, специфика политической жизни, т.е. «человек экономический» в Сербии и «человек политический», но не отражены ментальные особенности «человека воинствующего». А между тем каждая из этих ипостасей *Серба* важна сама по себе, но лишь взятые в совокупности, они позволяют, как представляется, с немалой долей объективности, расшифровать код его менталитета, что, в свою очередь, даст возможность эмпирически нюансировать и усилить общий вывод (уже сделанный в результате реконструкции сербских социокультурных [15. Т. I. С. 629—680], и политических [15. Т. II. С. 551—627] реалий второй половины XIX — начала XX в.), который можно свести к следующему: ***за формально-институциональным фасадом европейских новаций, в виде «стандартного» набора атрибутов либерально-буржуазного государственного устройства (конституции, парламентаризм, многопартийность, современные системы***

образования и воинской службы), скрывались устойчивые структуры и навыки традиционного общества; именно они определяли уклад жизни и поведение не только простого селяка, но и большей части сербской элиты.

Осознание этой парадигмы «другой модернизации» (заметно отличавшейся от опыта пути в современность государств ее «первой волны»), в рамках которой традиционное общество, по выражению М. В. Белова, «мимикрируя, отмалчиваясь или бунтуя, сопротивлялось переменам и воспроизводилось в новейших, но “фанерных”⁴ декорациях» [34] («остатки туретчины и варварства, сверху только покрытые лоскутами цивилизации» [9. С. 55]), способствует освобождению от сковывающих мысль умозрительных конструкций, предоставляя новые аргументы для полемики с носителями весьма характерной для новейшей национальной историографии мифологии «европейского выбора», якобы сделанного Сербией еще на рубеже XIX–XX вв. Ведь целый ряд сербских авторов торжественно и в унисон провозглашает — после Майского переворота 1903 г., в ней «почти воплотилась британская двухпартийная модель демократии» [35. С. 188]. Сама же политическая ситуация, сложившаяся в стране в предвоенное десятилетие, объявляется ими эпохой «аутентичной парламентской демократии», которая будто бы являлась «функциональной и полностью отвечала требованиям демократического правления» [36. С. 391, 407]. Да и вообще: «Правление Петра Карагеоргиевича (1903–1914) запомнилось как “золотой век” или “Периклова эра” Сербии благодаря ускоренному политическому, национальному и культурному подъему, сопровождавшемуся ростом экономической самостоятельности. Причем ключом к успеху Сербии стала привлекательность ее демократического потенциала» [37. С. 45] (см. также [38. Р. 152]). А как же иначе, ведь «Сербия в начале XX в. была демократической страной, республикой (политией) свободных крестьян (выделено в оригинале. — А.Ш.). Для тех условий она имела передовую демократию, одну из самых развитых в Европе» [39. С. 27].

В динамике подобных заявлений проявляется тот факт, что с увеличением исторической дистанции между эпохой 1903–1914 гг. и временем, в каком живут ее исследователи, степень идеализации предмета изучения — в сравнении с оценками очевидцев (кому мы доверяем значительно больше) — неуклонно возрастает, что, впрочем, можно считать явлением типичным, поскольку мифический «золотой век» всегда необходим народам для самоутверждения и поддержания национального здоровья, а сербам (с их моральными изломами и травмами последнего времени) — особенно. И потому причину безудержного восхваления ими своего политического прошлого не сложно объяснить теоретически. По словам В. А. Шнирельмана, «претензии на исторический приоритет некоторых [...] политических (государственных) достижений своих предков» — суть один из универсальных компонентов «этноцентристских версий прошедшего», которые создаются «в условиях серьезного этнополитического кризиса» [40. С. 17–18]. Да и вообще: «Миф о прошлом призван воспитать в людях самоуважение, сплотить их и наделить творческой энергией для его преодоления» [41. С. 10–11].

Очевидцы же событий не давали себя завлечь в сети формально-европейских институций и принципов, пересаженных на сербскую почву и якобы прижившихся в ней. Противоречие между номинальным присутствием

⁴ Имеется в виду, что «в результате ускоренного вестернизированного государственно-политического строительства получилось не новое здание, а его “фанерная” имитация» (см.: [33. С. 16]).

и реальным функционированием (то самое «воспроизводство традиционного общества в новейших, но *фанерных* декорациях») в виде чеканной формулы выразил видный интеллектуал и политик Коста Стоянович: «Демократия, парламентаризм, гражданские свободы, прогресс, культура и ряд других понятий, что составляют основу политического словаря нынешних балканцев, — суть слова и выражения, никак не укорененные в их мироощущении, однако, будучи “общепринятыми”, они призваны прикрыть жесткие подсознательные стереотипы, которые на самом деле только и мотивируют все их действия и поступки» [42. С. 87]. Это было сказано в 1915 г., но еще в декабре 1868 г. П. А. Ровинский описал А. Н. Пыпину тот же «симбиоз» квазисовременной (modern) скорлупы и скрытого под ней глубоко традиционного ядра: «Трудно себе представить, до какой степени искажены нравы и понятия здешней, так называемой, интеллигенции. Мне кажется, нигде нет более резкого противоречия между внешней оболочкой, по которой человека можно принять за вполне цивилизованного европейца, и внутренней грубостью, доходящей до зверства и до совершенной неспособности понимать самые простые человеческие отношения, — как здесь» [15. Т. II. С. 59].

Круг замкнулся — в «европейском», как полагают местные ученые, менталитете серба за полвека мало что изменилось. Причем, повторю еще раз, именно наш герой был одним из первых, кто вскрыл ряд родовых черт сербской коллективной «физиономии», носивших константный характер и подтвержденных затем не единожды. И соответственно, Ровинский укрепляет нас в еще одном синтетическом заключении: *Реальная жизнь независимой Сербии далеко не соответствовала тем «современным» формам, в какие ее облачают многие сербские историки, стремясь представить свою родину вполне сложившимся «европейским государством»...*

Замысел публикации сербских сочинений П. А. Ровинского актуален и по чисто мемориальным мотивам. В минувшем году исполнилось 185 лет со дня его рождения и 100 лет с момента кончины. А в 2018—2019 гг. «стукнет» ровно 150 лет со времени полуторагодичного пребывания русского слависта в Сербии. Кроме того, 2019 г. — это еще и юбилей первой *национальной* сербской конституции (1869), принятие которой можно считать началом политической модернизации страны, и процесс этот (точнее — его отправную точку) ученый застал непосредственно на месте, описав в путевых очерках, письмах и статьях.

* * *

Итак, даже беглое ознакомление с сербскими текстами П. А. Ровинского наглядно показывает их мощный информационно-аналитический потенциал; причем достоверность заключений автора лишь усиливается, имея в виду *культуру* его отношения к своему «ремеслу». Отчетливо понимая всю сложность поставленной задачи (связать воедино (в рамках системного подхода) детали и представить цельную «физиономию» сербов), он предъявил к себе ряд жестких научно-этических требований, следование которым полагал непременным условием ее разрешения, а именно — репрезентативность отбираемых для обобщения данных, объективность и отсутствие личных амбиций: «Я старался обозреть все, что возможно (данная фраза уже цитировалась выше. — *А.Ш.*), не хотел пропустить ни одного предмета, как бы он ни был далек от моих личных целей и воззрений». И далее, как резюме: «Отрешившись, насколько возможно, от всякой тенденции

[...], я смело могу сказать, что относился ко всему беспристрастно, стараясь передать каждое явление со всевозможной точностью» [8. С. 374].

Столь очевидная непредвзятость Ровинского в отношении всего им увиденного вкуче с редким даром четко фиксировать свою цель, а также неугмонностью в желании достичь оную; при отсутствии так свойственного другим иностранцам этноцентризма, делают его свидетельства не только первоклассным источником для всякого специалиста по социокультурной истории Сербии, но и, быть может, тем сочинением (отсутствие коего, помнится, сильно печалило Милана Миличевича), где «сербская душа смогла отразиться во всех ее проявлениях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб, 1888. Т. I; СПб, 1897. Т. II. Ч. 1; СПб, 1901. Т. II. Ч. 2; Пг., 1915. Т. III.
2. *Пытин А. Н.* Мои заметки. М., 1910.
3. *Долобко М. Г.* П. А. Ровинский // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1916. Кн. 7.
4. *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958; *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев, 1973.
5. *Юдин В. Н.* Сподвижник Чернышевского. Волгоград, 1983.
6. *Котлярская Л. А., Фрейденберг М. М.* Из истории отечественной славистики: П. А. Ровинский в Черногории. Калинин, 1988.
7. *Ровинский П. А.* Болгарский хайдук Панайот и его записки // Отечественные записки. 1878. Кн. 8.
8. *Ровинский П. А.* Два месяца в Сербии (из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Кр. 11.
9. *Ровинский П. А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. I—II // Вестник Европы. 1870. Кн. 4—5.
10. *Ровинский П. А.* Воспоминания из путешествия по Сербии в 1868 г. // Вестник Европы. 1875. Кн. 11—12.
11. *Ровинский П. А.* Сербская Морава // Вестник Европы. 1876. Кн. 4.
12. *Ровинский П. А.* Наши отношения к сербам (поучение из прошлого и настоящего) // Древняя и новая Россия. 1877. Т. I. № 2.
13. *Ровинский П. А.* Россия и славяне Балканского полуострова // Древняя и новая Россия. 1878. Т. I. № 2.
14. *Ровинский П. А.* Битва у Каменицы близ Ниша (в мае 1809 г.): эпизод из истории войн за освобождение // Древняя и новая Россия. 1878. Т. II. № 5.
15. Русские о Сербии и сербах / Сост. А. Л. Шемякин. СПб., 2006. Т. I (письма, статьи, мемуары); М., 2014. Т. II (архивные свидетельства).
16. *Михајловић П.* Дневници / Приред. Ј. Милановић. Београд, 2010.
17. *Иванов С. Ю.* П. А. Ровинский о сербском народе (Опыт этнопсихологической характеристики) // П. А. Ровинский (1831—1916) и его время. Калинин, 1988.
18. *Шемякин А. Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П. А. Ровинского // Славянский альманах. М., 2004.
19. *Perović L.* Drugi o nama // *Perović L.* Ljudi, dogadjaji i knjige. Beograd, 2000.
20. *Ровински П. А.* Записи о Србији (1868—1869) / Приред. Л. Перовић. Нови Сад, 1994.
21. *Перовић Л.* П. А. Ровински о Србији 1868 године // *Перовић Л.* Српско-руске револуционarne везе. Београд, 1993.
22. *Шемякин А. Л.* Павел Ровинский. Сербская физиономия Белграда // Родина. 2006. № 9.
23. *Лециловская И. И.* Сербская культура XVIII—XX веков в послевоенной советской и современной российской историографии // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010.
24. *Милићевић М.* Дневник. I (1869—1872) / Приред. П. Крестић. Београд, 2011.
25. *Гордон А. В.* Новое время как тип цивилизации. М., 1996.
26. *Тодорова М.* Имагинарни Балкан. Београд, 1999.
27. *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892—1894 / Прев. и приред. Љ. Мирковић. Београд, 1999.
28. *Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера // Сабрана дела С. Јовановића. Београд, 1991. Т. XII. Из историје и књижевности. II.
29. *Лотман Ю. М.* Култура и взрыв // *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000.

30. Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016; *Шемякин А.Л.* Внутренние границы Османской империи и предпосылки модернизации в Болгарии и Сербии (последняя треть XIX – начало XX в.) // Империи, границы, политики (XIX – начало на XX век). София, 2016.
31. *Дворниковић В.* Херојски тип и његове негативности // *Дворниковић В.* Борба идеја. Београд, 1995.
32. *Белов М.В.* На пути к славянскому братству // Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX в. / Сост. М.В. Белов (в печати).
33. *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 гг. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4.
34. *Белов М.В.* Рецензия на кн.: Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016 (в печати).
35. Нова историја Српског народа / Ур.Д. Батаковић. Београд, 2000.
36. *Батаковић Д.* О парламентарној демократији у Србији 1903–1914. Странке, изборе, политичке слободе // Глас САНУ. CDXX. Одељење историјских наука. Књ. 16. Београд, 2012.
37. *Батакович Д.* Сербия накануне Первой мировой войны: внешние и внутренние вызовы // Накануне Великой войны: Россия и мир / Отв. ред. О.В. Петровская. М., 2014.
38. *Protić M.* Between democracy and populism. Political ideas of the People's Radical party (The formative period: 1860's to 1903). Belgrade, 2015.
39. *Антонић С.* Демократија // Срби 1903–1914. Историја идеја / Приред. М. Ковић. Београд, 2015.
40. *Шнирельман В.А.* Подделки и альтернативная история // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М., 2011.
41. *Шнирельман В.А.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Македония. Проблемы истории и культуры / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1999.
42. *Стојановић К.* Слом и васкрсење Србије / Приред. С. Турлаков. Београд, 2012.

© 2017 г. В.Б. ХЛЕБНИКОВА

ПУТЕВЫЕ И ЖУРНАЛИСТСКИЕ ЗАМЕТКИ П.А. РОВИНСКОГО О СЕРБИИ

В настоящем сообщении речь идет о путевых очерках известного русского слависта Павла Аполлоновича Ровинского, работавшего в Сербском княжестве в качестве журналиста в 1868–1869 гг. Статьи Ровинского, опубликованные в известных российских газетах и журналах, наполнены ценной исторической и этнографической информацией о жизни сербского народа во второй половине XIX в. Эти сведения представляют большой интерес для сербских специалистов.

The article deals with the travel notes of the prominent Russian Slavist Pavel Apollonovich Rovinski, who worked in the Principality of Serbia as a journalist in 1868–1869. His articles, published in renowned Russian newspapers and journals are full of precious historical and ethnographic information about the Serbian people life in the second half of the nineteenth century. These data are of great interest for experts in Serbian history.

Ключевые слова: Павел Ровинский, Сербское княжество, путевые очерки, история и этнография сербского народа.

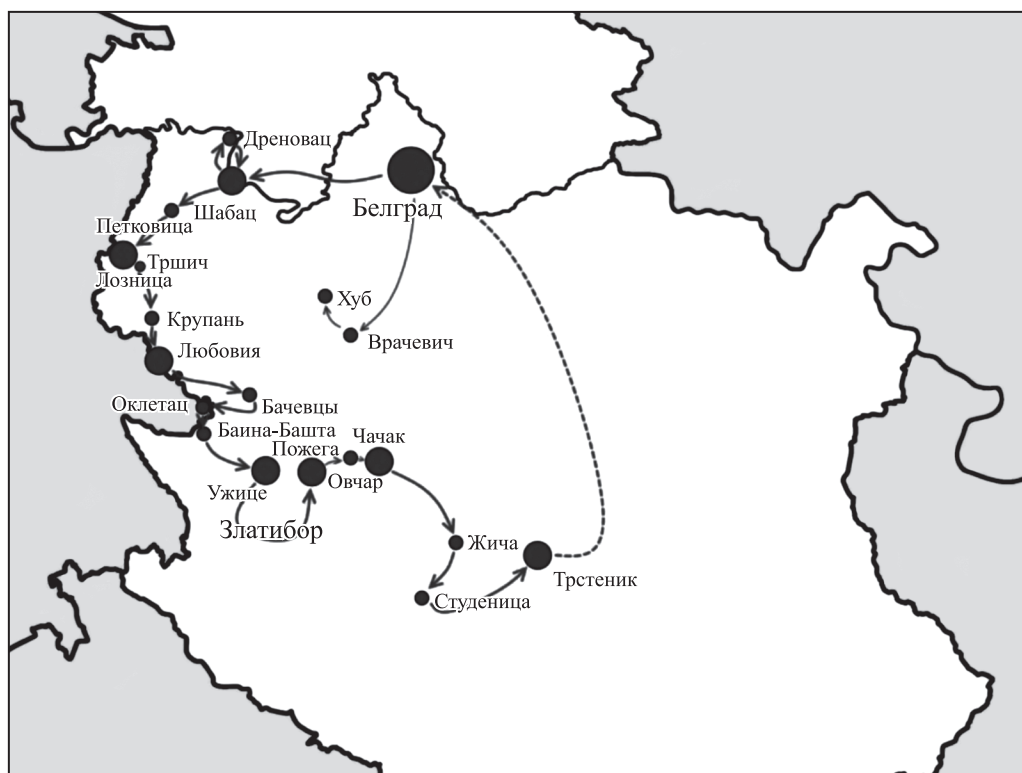
Keywords: Pavel Rovinski, Principality of Serbia, travel notes, history and ethnography of the Serbian people.

Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) оставил заметный след в истории российской славистики. Десятки корреспонденций, сотни научных статей и многотомная монография о Черногории стали внушительным итогом его многолетней исследовательской работы по изучению южных славян. Более четверти века прожил П. А. Ровинский на Балканах [1]. Биография слависта могла бы лечь в основу сюжета приключенческого художественного романа. Небогатый дворянин из Саратовской губернии, выпускник Казанского университета, дальний родственник знаменитого литературного критика и революционера Николая Гавриловича Чернышевского, Ровинский начал общественную деятельность активным участием в революционной организации «Земля и воля». После ее разгрома занялся научной работой и журналистикой. Много путешествовал по миру, в 60-е годы XIX в. изучал историю и общественную жизнь чехов Австро-Венгрии и славян Балканского полуострова. Потом отправился в Сибирь, где вел исторические, этнографические и географические изыскания. Добрался до Монголии и написал серию блестящих очерков об этих почти не известных европейцам

Хлебникова Варвара Борисовна – канд. ист. наук, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова.

землях. Затем увлекся педагогической деятельностью, стал директором особого учебного заведения — земледельческой колонии для малолетних преступников. Его новаторские методы перевоспитания трудных подростков получили самые высокие оценки со стороны современников, например Ф. М. Достоевского [2. С. 19—29]. Во второй половине 70-х годов XIX в., когда на Балканах назрел политический кризис, П. А. Ровинский не смог остаться в стороне. В июле 1878 г. он в качестве корреспондента популярной газеты «Новое время» выехал сначала в Австрию, потом в Сербию и, наконец, добрался до Боснии и Герцеговины, регулярно сообщая русским читателям о том, как протекала австро-венгерская оккупация славянских областей. Пять месяцев русский славист провел в Сараево, находясь под постоянным надзором австрийской полиции. В конце концов австрийские власти без долгих объяснений выдворили журналиста из своих новых владений, он был доставлен на границу Черногории, где принял участие в последних военных операциях черногорского народного войска против турок. После этого надолго остался в княжестве, стал самым верным его другом, помощником и «летописцем». Одна из улиц старинного Цетинья носит сегодня имя П. А. Ровинского.

В настоящем сообщении хотелось бы разобрать содержание и художественные достоинства работ, написанных П. А. Ровинским о Сербии во время и после путешествия 1868—1869 гг. Работам ученого, посвященным Сербии, в научной литературе уделено гораздо меньше внимания, чем «черногорским» сочинениям. Только в последние годы А. Л. Шемякин занялся публикацией и изучением статей Ровинского о Сербском княжестве. Наблюдения русского путешественника дали исследователю основания

сделать ряд принципиально важных выводов о своеобразии сербской истории и о национально-психологических особенностях сербского народа [3].

В 1868 г. П. А. Ровинский приехал в княжество как корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей». Руководитель этой русской либеральной газеты В. Ф. Корш полагал, что на Балканах вот-вот разразится очередная война с турками. Поэтому редакция сочла, что вскоре ей понадобится специальный сотрудник. Так славист получил аккредитацию в Белграде, его командировка продолжалась с февраля 1868 до осени 1869 г. Корш ошибся только в одном. Случился не внешний, а внутренний катаклизм, названный «топчидерской катастрофой» (убийство князя Михаила Обреновича сторонниками Карагеоргиевичей 29 мая 1868 г. в Топчидерском парке близ Белграда). 12(24) марта 1868 г. П. А. Ровинский опубликовал первый очерк «От Петербурга до Белграда» [4]. До октября 1868 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» было напечатано более двадцати заметок и корреспонденций о политической жизни княжества. В 1869 г. газета поместила еще восемь статей П. А. Ровинского. Но славист был крайне недоволен большинством публикаций. В письме к другу и коллеге А. Н. Пыпину он писал, что редакция произвольно сокращает его тексты, печатая далеко не все. Например, в ноябре 1868 г. Ровинский жаловался Пыпину, что газета не напечатала полностью репортаж о суде над убийцами князя Михаила, а также просил помочь опубликовать статью об Омладине [5. Ф. 62. Д. 722. Л. 7]. В конце концов, пришлось расстаться с «Санкт-Петербургскими ведомостями». Ровинский объяснил это в письме к Пыпину так: «Я хочу быть уверен, что, кроме заработка, приношу еще какую-нибудь пользу человечеству. Имея лишь самую незначительную долю самолюбия, всякий смотрит так на свое дело, следовательно, и мне позволено считать свои корреспонденции небесполезными для общества» [5. Ф. 62. Д. 722. Л. 5]. Ученый попытался сотрудничать с другой либеральной газетой — «Голос», издателем которой был А. А. Краевский, но снова безуспешно. В письме, отправленном 18 января 1869 г., Ровинский вступил в спор с Краевским: «Вы желаете получать известия короче, но чаще». Считая такой подход неверным, славист настаивал, что гораздо важнее внимательно анализировать ход событий и знакомить читателей с фактами и обстоятельствами, которые дают пищу для глубоких размышлений: «Они могут иметь огромное значение. Наблюдать и изучать подобного рода явления, по-моему, составляет задачу корреспондента». П. А. Ровинский считал, что журналист не должен спешить, обязан проверять информацию. Гнаться за краткостью значит «жертвовать сущностью дела» [5. Ф. 91. Д. 666. Л. 1]. К сожалению, ученому не удалось убедить издателей в своей правоте, он прекратил сотрудничество с газетами, погрузился в научные занятия и просветительство. С этой целью в 1868—1869 гг. П. А. Ровинский работал в музее Белграда, ездил и ходил пешком по оживленным и глухим уголкам княжества, активно знакомился с людьми из разных социальных и этнических групп. В письме к своему учителю, профессору Казанского университета В. И. Григоровичу, Ровинский сообщал, что изучает «бытовую сторону славянства в его современной жизни, в его истории и литературе, в рукописях и других памятниках старины» [5. Ф. Григоровича. Картон 4. Д. 117. Л. 4]. Итогом стала серия путевых очерков о Сербии, написанных и опубликованных в солидных русских общественно-политических и литературных журналах [6—9]. В отличие от газетных корреспонденций, эти тексты дошли до нас в том виде, в каком они были написаны автором: самобытные, не подправленные рукой редактора,

не обрезанные в угоду редколлегии и не «подчищенные» по политическим соображениям. Статьи не только насыщены информацией, которая газетчикам казалась несущественной, но и эмоциональны, наполнены лирическими отступлениями, сравнениями. Смешение научного, публицистического и художественного стилей стали главным достоинством трудов российского путешественника.

Обобщив содержание путевых очерков, можно сказать, что основное место в них заняли несколько тем. Во-первых, это природа Сербии, леса, горы, реки которой представлены по-научному обстоятельно и в то же время с подлинным восхищением, иногда даже восторгом. Возьмем, например, описание реки Савы весной: «Местами только что выступившая из-под воды почва успела уже покрыться яркой свежей зеленью или сплошь, как снегом, укрылась белой звездчаткой [...] Белые чайки вьются над нами; а по берегу беспечно бродит цапля, лакомясь по мелкому заливу различной водяной снедью [...] Но что за растительность на островах?! Они сплошь поросли дубом, темная шапка которого, как кудрями, убрана светлой зеленью дикого винограда, а середина его, сажени на две вышины, залита ярко-пурпуровым цветом шиповника, который, пробиваясь к свету сквозь гущу его ветвей и темной листвы, обсыпал его своими цветами. По лугу трава выше колена, и с разноцветного ковра его по временам обдает ароматом» [7. Кн. 11. С. 19]¹. Так и хочется сравнить этот оживающий после зимы, цветущий пейзаж с возрождающейся после нескольких веков угнетения Сербией. Еще один пример того, какой увидел П. А. Ровинский природу княжества, — это описание лесов: «Горы в Сербии вообще покрыты лесом и редко где представляют собой голые скалы [...], редко где вступают в полосу лесов хвойных. Более распространенной породой в лесах Сербии является дуб, а на возвышенных местах по горам везде растет преимущественно один вид дуба, называемый по-сербски цер (*quercuscerris*). Это один из красивейших видов европейского дуба: ствол его ровный, постепенно доходящий до тонкой, стрелчатой оконечности; ветви тонкие, длинные; кора его вся в глубоких продольных бороздах, сквозь которые просвечивает красноватое тело; лист небольшой и с менее глубокими выемками; желуди гораздо крупнее, чем у других видов, и сидят кучей, штук по пяти в одном, снаружи мохнатым и колючем гнезде; в коре много смолистого вещества, и потому его считают хорошим строительным материалом и отличным топливом; а желудями его, скорее всего, откармливаются свиньи, составляющие один из главных источников богатства Сербии» [7. Кн. 12. С. 700]. Удивительно, как автору в одной фразе удалось передать читателям так много информации. Это и особенности сербского ландшафта, и сведения о преобладающих породах деревьев, и рассказ о том, какую роль играет древесина в хозяйстве серба. При этом натуралистическое описание дубов незаметно для читателя перетекло в поэтическое отступление, наполненное восхищением совершенством и изяществом дерева, которое так украшает жизнь человека. Пейзажные зарисовки в очерках П. А. Ровинского были удачным литературным приемом. Они оживили научно-популярный текст, приблизили его к художественному стилю, погрузили читателя в настроение и переживания самого автора. Не каждому путешественнику, бравшемуся за путевые

¹ Ошибка в дате в названии, видимо, допущена при наборе текста в типографии. П. А. Ровинский приехал в Сербию в 1868 г. [7. Кн. 11].

записки, удавалось в своих произведениях так тонко сочетать научность и лирические размышления.

Вторая тема, обстоятельно освещенная в статьях П. А. Ровинского, это рассказы о сербских городах и селах. Они не просто места посещения, которые добросовестному путнику следует описать с исторической и этнографической точек зрения. Шабац, Лозница, Ужице, Пожега и другие городки и поселения на страницах очерков живут насыщенной жизнью, растут и модернизируются, усваивают европейский облик, не теряя при том старинного античного и османского колорита. Главное место в очерках отведено Белграду – городу со своим характером, особым ритмом жизни, устремленному в будущее, динамично растущему и хорошеющему изо дня в день. Славист сообщал читателям, что статистика населения столицы Сербии очень оптимистичная, что город быстро застраивается двух-трехэтажными каменными домами, буквально на глазах меняя восточную внешность на западную. С одной стороны, новый Белград напомнил писателю многие провинциальные городки Австро-Венгрии, уютные и удобные для жизни. С другой стороны, ученый отметил, что политический и административный центр княжества не утратил своего неповторимого национального колорита. Старые турецкие кварталы оставались верными вековому османскому укладу жизни, встречая путника «лабиринтом узких извилистых улиц, на которые выходят одни только заборы». Восточные лавки и мастерские, по мнению П. А. Ровинского, устроены так же, как их описывали путешественники еще в XVII в. [8. Кн. 4. С. 548–550]. С другой стороны, новые сербские части города разительно отличались стремлением к удобству и комфорту. Рядом с поросшим травой полем перед крепостью Калемегдан появились только что посаженный парк и недавно отстроенные фонтаны. Церкви и гостиницы, улицы с каштанами, тополями и акациями – «все смотрит весело и открыто», все вызывает симпатию и кажется дружелюбным. «Мало городов в Европе, которые могут с первого раза произвести такое приятное впечатление, как Белград», – утверждал П. А. Ровинский [8. Кн. 4. С. 546].

Описывая города и села Сербии, ученый постоянно подчеркивал причудливое переплетение в их облике трех мощных цивилизационных потоков. На каждом шагу было заметно, как много осталось на Балканах от античного Рима. Особенно впечатлило слависта то, что римское наследие время от времени обнажалось в отстраивавшемся Белграде: «Как в Геркулануме и Помпее под массой пепла и лавы открывают жилища со всей обстановкой [...], так и в Белграде под слоем глины и щебня то и дело открываются постройки и разные предметы, свидетельствующие, что когда-то здесь жил совсем иной народ и была совершенно иная культура» [8. Кн. 4. С. 555]. Остатки старинных римских руин нередко использовались по всей Сербии как строительный материал, который «так хорош, что целиком идет на новые здания». Античность стала мощным культурно-историческим фундаментом, на котором стояла новая Сербия. Второй исторический пласт, определивший архитектурное своеобразие княжества, – это османское прошлое. Мечети и крепости для военных гарнизонов, восточные жилые кварталы, пространства турецких рынков остались органичной частью сербских поселений, придав им колоритный ориентальный оттенок. Без очарования османской истории сербские города могли бы показаться заурядной европейской провинцией. На эти остатки старины во второй половине

XIX в. плотно ложились слои современной европейской индустриальной цивилизации, делая жизнь человека удобной, комфортной, устойчивой. Строившиеся фабрики, лесопилы, мельницы, современные магазины, административные здания как будто подчеркивали, что княжество отныне навсегда связано с промышленной модернистской Европой. Строгий историзм в сочетании с художественными подробностями и лирическими отступлениями позволили П. А. Ровинскому с фотографической точностью представить российским читателям самобытность и неповторимость Сербского княжества в XIX столетии.

Лейтмотивом, основной сюжетной линией путевых очерков слависта стало знакомство с сербским народом. Автор честно писал о стране, которую стремился глубоко изучить и понять, не позволяя себе рисовать лживую картинку идеальной славянской жизни, наполненную пустыми комплиментами: «Мерка, по которой я оцениваю сербский народ, та же самая, которую я применяю к России и ко всякому другому народу» [7. Кн. 12. С. 162]. П. А. Ровинский был убежден, что у каждой нации есть сильные и слабые стороны, и сербы вполне заслуживали того, чтобы услышать правду о себе. Поэтому люди и общественные типы, с которыми ученый познакомился в княжестве, стали для него самой ценной находкой. Эти люди жили в особой общественно-политической и духовной атмосфере. С одной стороны, они недавно освободились от иноземного гнета и строили свое национальное государство, достигая определенных успехов и ошибаясь, разочаровываясь в своих руководителях. С другой стороны, соседство с экспансионистской Австро-Венгрией и сохранение власти Османской империи над областями Старой Сербии, Боснии и Герцеговины делали жизнь сербской нации нервной, напряженной, чреватой конфликтами и опасностью новой войны. Все это, по мнению Ровинского, отвлекало сербский народ от мирных занятий, превращало повседневную жизнь в нечто хрупкое, благополучие казалось зыбким. В воздухе витала военная угроза, превращавшая юную державу в «полувоенный лагерь».

Изучение характера сербского народа, настроений и чаяний, образа мыслей отдельных его представителей, было для П. А. Ровинского главной целью путешествия по княжеству. Буквально с первых часов командировки он стал «сортировать» свои наблюдения. Явную симпатию автор выражал «фабричным (рабочим. — В.Х.) и ремесленникам разных родов»: «Любо было смотреть на этот народ, свежий, крепкий физически, бодрый и веселый духом, работающий и деятельный» [6. С. 365–366]. Молодые, опрятно одетые, «умеющие держать себя с достоинством» юноши напомнили писателю русских студентов. Он знал, что нередко молодые мужчины до того, как пойти на фабрику, учились в политехнических вузах, однако не могли завершить обучение из-за нехватки средств. Первые впечатления не обманули путешественника. Прибыв в Белград, а позже отправившись в поездку по княжеству, ученый продолжал наблюдать за простыми тружениками, теми, кого обычно европейские путешественники либо не замечали, либо бранили за нерасторопность. Например, он обратил внимание на белградских носильщиков, которые предлагали свои услуги, но «навязываться вам силой не в их обычае». За тяжелый труд эти люди получали такую нищенскую оплату, которая едва их кормила. Еще больше задела слависта сложившаяся в белградских гостиницах практика, когда женской прислуге хозяева зачастую не считали нужным платить жалованье, пользуясь даровым трудом этих

несчастливых женщин. Вообще, П. А. Ровинский отметил, что в Белграде сфера услуг явно отличалась от того, к чему привыкли выходцы из Западной Европы. Демократизм и простота в быту часто казались состоятельным путешественникам «неуслужливостью», это «чрезвычайно не нравится людям, навывшим на европейский буржуазно-барский образ жизни» [8. Кн. 4. С. 531].

Цепкий глаз исследователя как будто выхватывал из толпы то одного, то другого персонажа. П. А. Ровинскому были интересны все: и меланхолические извозчики Белграда, напомнившие путнику жителей юга Российской империи, и сербы из Баната, и граничар, которого привелось встретить на палубе пассажирского парохода, и австрийский почтальон, и турецкие лавочники, изготавливавшие и тут же продававшие свои изделия. Трудовой люд Сербии, независимо от дохода и национальности, вызывал у русского журналиста сочувствие и уважение. По его мнению, вся ремесленная жизнь Белграда «наружу», и это отличает ее от «деятельности чиновника, журналиста и вообще литератора; непроницаемой тайной окружена и деятельность сербского государственного мужа и дипломата» [8. Кн. 4. С. 551]. Простой открытый образ жизни и честный труд, чувство человеческого достоинства и умение стойко переносить нужду – вот что привлекало ученого-демократа в сербском народе.

Во время поездки по стране П. А. Ровинский постоянно проявлял такую же расположенность к общению и внимание к проблемам крестьян, пастухов, учителей, солдат, торговцев, строителей. Для всех находились меткие и выразительные слова. Купечество Сербии славист назвал «живым, оборотливым и деятельным народом» [8. Кн. 5. С. 168]. Сербских учителей похвалил за природную сметливость и упрекнул за недостаток научных знаний. Священнослужители удивили его активным участием в различных общественных кружках и заинтересованностью в политике: «Так мало в этих людях аскетического и такой живой интерес принимают они во всем мирском, что их никак нельзя считать чем-либо особенным от народной жизни» [7. Кн. 12. С. 702]. Несколькими остроумными предложениями, яркими деталями, этнографически точными описаниями обстановки дома, бытовых предметов, одежды автор рисует нам живописную картину необычной жизни страны, находившейся в переходном состоянии. Заново отстраивались города, формировались национальные государственные институты, княжество искало свое место в международных отношениях. И это определяло образ жизни каждого отдельного человека, влияя даже на его внешний вид. «Костюмы замечательны смесью общеевропейского с национальным. Один в черном сюртуке и с красным фесом на голове, другой, наоборот, в полном сербском костюме, а на голове шляпа», – заметил Ровинский [7. Кн. 11. С. 20]. Сербь как молодая государственная нация были интересны исследователю, стремившемуся разгадать работу социальных механизмов и понять процессы модернизации.

Общественная жизнь в княжестве, политические события и потрясения раскрывали путешественнику сербский национальный характер. Его очень смутило первое знакомство с княжеской бюрократией. Тщательный осмотр на таможне, явно несправедливые придирки к приехавшему, строгий паспортный контроль – все это вызвало недоумение. Также изумило количество жандармов на душу населения: «На каждые 50 человек сербское правительство имеет одного жандарма» [8. Кн. 4. С. 531]. Потом эта тенденция

правительства — взять все общество под тотальный надзор — становилась слависту все заметнее. В столице строгие полицейские порядки еще можно было оправдать тем, что есть политическая оппозиция, что против дома Обреновичей плетутся заговоры и интриги. Но в глухой глубинке, куда забрался ученый в поисках материала для своих работ, полицейское рвение выглядело нелепо и комично. В окрестностях села Крупань на Дрине П. А. Ровинский попал под подозрение местного пандура. Чиновник потребовал у путника паспорт, но разобрать ничего не смог, так как не умел читать. Слависта доставили в ближайшее караульное помещение, где начальник караула («булюк-баша») тоже оказался неграмотным. Правда, «пожилой и довольно разумный господин» быстро понял, что русский корреспондент не представлял угрозы и отпустил его на все четыре стороны. Вскоре у населенного пункта Любовия история повторилась, снова исследователя задержали бдительные солдаты и привели к унтер-офицеру, который был обучен грамоте, но не понял русского текста в паспорте. Усердный воин отправил иностранца к вышестоящему офицеру, а тот, к несчастью, был занят игрой в карты. До утра следующего дня продержали ученого под стражей пока отсыпался после ночных бдений строгий, но нерасторопный представитель власти [7. Кн. 12. С. 710–711]. Понятно, что такие контакты с официальными лицами резко контрастировали с дружелюбным вниманием и гостеприимством, которые оказывали повсеместно П. А. Ровинскому сербы, не облеченные властью, а зарабатывающие на жизнь своим трудом.

Весьма противоречивое впечатление произвело на путешественника знакомство с особенностями государственной жизни и политической борьбы в княжестве. Славист приехал в Сербию в тот момент, когда недовольство правлением Обреновичей достигло самой высокой точки. Атмосферу, царившую в обществе, Ровинский описывал так: «Князь [...] не верит народу, попирает его права в лице скупщины, и, окружив себя бюрократией на австрийской закваске, замыкается в своем конаке (дворце), и остается глух и слеп ко всему, что делается в стране. Все внимание сосредоточено на полиции и войске. Вся Сербия превратилась в огромное полицейское управление» [7. Кн. 11. С. 13]. Ученый постарался разобраться в причинах назревшего кризиса. Во-первых, он указал на слабые стороны экономического развития Сербии: «Промышленности в стране никакой, торговля основана на торгашестве и плутне; то и дело злостные банкротства, земледелие упадает, страна наполняется паразитами». Во-вторых, отметил неспособность законодательной власти противостоять произволу княжеской администрации: «Скупщина [...] обратилась в пустой парад, на котором дебютировали министры и их клеветы, а остальные члены были безгласными свидетелями»; «совершались колоссальные кражи и мошенничества в военном министерстве, на котором, после полиции, сосредоточено было все внимание правительства». В-третьих, автор обратил внимание российских читателей на то, как подавлялись гражданские инициативы, например, преследовалась деятельность сербской Омладины. Все это в совокупности и привело к тому, что Сербия оказалась на пороге государственного переворота: «Какой-то общий гнет, тяжелое чувство выносил всякий, кому в то время приходилось жить в Белграде и вращаться в различных сферах» [7. Кн. 11. С. 14]. Убийство князя Михаила в мае 1868 г. не разрядило напряжения в стране. Сторонники вступившего на престол Милана сурово расправлялись с оппонентами, шли аресты, политические процессы, а общественность

испуганно молчала или лицемерно демонстрировала лояльность и приверженность новой администрации. П. А. Ровинского неприятно удивил один знакомый, который ходил «в траурных лентах», «причитал и хныкал», хотя за несколько дней до убийства князя Михаила резко критиковал власть [8. Кн. 5. С. 155]. Такая политическая мимикрия, притворство вызывали неприязнь русского ученого, имевшего весьма бурное революционное прошлое. Но к чести П. А. Ровинского следует отметить, что он отводил политике в народной жизни ровно столько места, сколько она заслуживала, никогда не ставя знак равенства между политиками и обычными людьми, честно трудившимися и отстраивавшими свою страну.

Ирония как художественный прием помогала писателю смягчать те наблюдения, которые носили характер критических замечаний. Заметив притворство тех, кто лицемерно скорбел об убитом князе, ученый обратился к более широкому философскому вопросу. Что для среднестатистического жителя Сербии является приоритетом в жизни, о чем он мечтает, чего хочет добиться? Внимательно присмотревшись к сербам, П. А. Ровинский в шуточной форме описал их внешне романтическую, но, по сути, цельную прагматическую натуру: «Он (серб. — *В.Х.*) любит часто поговорить о красотах природы, восхищаться звездным небом и углубляться в непостижимые тайны мирового пространства, отдаваясь при том самым мистическим толкованиям, любоваться нежным цветком, воспевать глубинные чувства, которые дает семейная жизнь, любоваться идеальной красотой женского портрета на фотографии и т.д. Но в то же время, я положительно знаю, что он всем мировым задачам всегда предпочтет хорошее жалование, все красоты природы готов отдать за жирные сармы в виноградном или капустном листе, или за хороший кусок молодого барашка, испеченного на рожне, прошпигованного чесноком и посыпанного паприкой, и вовсе не идеальность прельщает его в красоте женщины» [8. Кн. 5. С. 137]. Уверенные в собственной непогрешимости морализаторы могли бы долго сетовать по поводу такой приземленности сербской нации. П. А. Ровинский поступил иначе. Да, многие сербы мечтают о личном благополучии и успешной чиновничьей карьере. Да, сербам присущи некоторое самодовольство, самообольщение, преувеличенное представление о своих достижениях. Да, они «не любят ни во что углубляться, любят схватывать верхки», бывают временами чрезмерно упрямы. Но какой народ совершенен, где на земле можно отыскать идеального человека? Ученый тут же сравнил сербов с русскими, чтобы напомнить читателю, что нужно относиться ко всем нациям с равным уважением: «У серба нет той поэтической беспечности, некоторой апатии и неряшливости, отличающей русского человека, и, несмотря на полувойенный образ жизни, на непривычку и неумение хорошо устроиться, он предупреждает многие беды осторожностью, постоянной заботливостью и трезвостью, теми именно качествами, которых нам (русским. — *В.Х.*) больше всего не достает» [8. Кн. 4. С. 553].

Таким образом, близко познакомившись с сербской нацией, проникнувшись к ней чувством глубокой симпатии, но ничуть ее не идеализируя, П. А. Ровинский по-научному обстоятельно, и в то же время живо, занимательно, художественно рассказал русской читательской аудитории все, что он видел и изучил. Его наблюдения и анализ отличаются обширностью и удивительной точностью. Славист сумел за сравнительно небольшой срок пребывания в княжестве глубоко погрузиться в атмосферу народной жизни, понять остроту социальных и политических проблем, мешавших стране

успешно развиваться в тот момент. Но эти драматические обстоятельства не заслонили главного — Сербия быстро обновлялась. Народ не упустил своего исторического шанса, освободившись, энергично строил новое государство и общество. Росли города, оживились села, пробуждались интеллектуальные силы нации. Конечно, была заметна торопливость и поверхностность этой модернизации, иностранцу были ясно видны те изъяны, которые, может быть, не всегда замечали сами сербы. Однако достоинство очерков П. А. Ровинского в том и состояло, что он поверил в успешность сербов, в их творческий потенциал, с надеждой смотрел в будущее этой славянской страны.

В России статьи ученого были встречены хорошо. Но, наверное, только сербы смогут по-настоящему оценить глубину и справедливость тех умозаключений, к которым пришел российский исследователь после путешествия по Сербскому княжеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хлебникова В. Б.* Павел Аполлонович Ровинский в Черногории // Славяноведение. 1987. № 2; *Хлебникова В. Б.* «Русский черногорец» Павел Ровинский // Родина. 2006. № 4.
2. *Достоевский Ф. М.* Колония малолетних преступников // Дневник писателя за 1876 г. Полн. собр. соч. СПб., 1882—1883. Т. II. Гл. III.
3. Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. I (письма, статьи, мемуары) / Сост. А. Л. Шемякин; М., 2014. Т. II (архивные свидетельства); *Шемякин А. Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П. А. Ровинского // Славянский альманах. М., 2004; *Шемякин А. Л.* Павел Ровинский. Сербская физиономия Белграда // Родина. 2006. № 9.
4. Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 23 III.
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
6. *Ровинский П.* Два месяца в Сербии (Из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Кн. 11. Ноябрь.
7. *Ровинский П.* Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Вестник Европы. 1875. Кн. 11. Ноябрь; Кн. 12. Декабрь.
8. *Ровинский П.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника // Вестник Европы. 1870. Кн. 4. Апрель; Кн. 5. Май.
9. *Ровинский П.* Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Вестник Европы. 1876. Кн. 4. Апрель.

A. MARÈS. Edvard Benes. Un drame entre Hitler et Staline. Paris; Perrin, 2015. 502 p.

А. МАРЕС. Эдвард Бенеш. Драма между Гитлером и Сталиным

В 2015 г. вышла в свет первая академическая биография Э. Бенеша на французском языке. Ее автор — известный историк-богемист Антуан Марес. Данная книга любопытна по ряду причин. Во-первых, ее основной герой Эдвард Бенеш (1884—1948 гг.) — ключевой персонаж политической сцены Праги и европейской дипломатии с конца Первой мировой и до начала «холодной» войны. Во-вторых, автор биографии — А. Марес — является не только признанным «бенешеведом», но одним из авторитетнейших представителей современной французской центральноевропеистики.

Рецензируемая книга подводит итог почти полувекowego интереса А. Мареса к личности Бенеша. Первая крупная работа этого ученого — диссертация «Пребывание Эдуарда Бенеса во Франции (1915—1919)», защищенная в 1975 г. [1]. Политическую карьеру Бенеша автор более широко использует в качестве «сейсмографа» политических потрясений Старого континента. Старательно контекстуализируя деятельность Бенеша, Марес претендует на роль судьи и над его творением — Чехословакией. Таким образом, данная публикация включается в дискуссию о характере масариково-бенешовского режима («демократизм» которого подвергнут в последние годы сомнениям) (р. 432—434).

Построенная по хронологическому принципу, книга разделена на три части. Первая («История одного восхождения») описывает юные годы Э. Бенеша и его эмигрантскую деятельность во время Первой мировой войны (р. 21—118); следующая часть (««Архитектор»» внешней политики Праги) покрывает 17-летний период пребывания Бенеша во главе МИДа ЧСР (р. 121—227);

третья («Время испытаний») захватывает его президентские годы — 1935—1948 гг. Эта заключительная часть, рассматривая наиболее трагический период жизни Э. Бенеша, составляет почти половину основного содержания книги (р. 231—412). Марес переплетает анализ личной деятельности Бенеша и международной активности ЧСР в целом — для французского историка Бенеш является как бы персональным воплощением чехословацкой дипломатии. Невзирая на задекларированное автором желание не скатываться до агиографии и памфлетных карикатур (р. 413), Марес наделяет второго президента ЧСР набором говорящих характеристик: «видный политический деятель» (р. 16), «воплощение [...] чехословацкой демократической модели» (р. 433) и даже — «краугольный камень защиты демократии в Европе» (р. 422).

Марес строит биографию Э. Бенеша, находившегося во властных структурах три десятилетия, вокруг понятия «разрыва». Историк отмечает, что важнейшие моменты жизни его героя связаны с изменениями социальных, политических и стратегических контекстов. Бенеш, выходец из средних слоев, по мнению Мареса, благодаря экстраординарным событиям Первой мировой войны внезапно очутился на верхушке социальной пирамиды в 1918—1919 гг. Переродившись из монархиста в республиканца, Бенеш закончил свою политическую карьеру после Второй мировой как проводник советской модели управления. При этом стратегическое мышление Бенеша провело его от приверженности идеям габсбургского федерализма в начале XX в., через веру в радикальную независимость Чехословакии

в межвоенные годы к непропорциональной ориентации на СССР в 1940-е годы. В этом «коктейле» постоянных трансформаций Марес выделяет два важнейших этапа: до и после мюнхенской травмы 1938 г.: период до — это «слава», после — «катастрофа» (р. 413—415).

Марес не скрывает, что личность Бенеша была объектом критики со стороны не только коллег-дипломатов (английские дипломаты клеймили его как «оппортуниста» и «циркового акробата» (р. 185), но и приближенных: секретарь Бенеша Я. Смутны описывал своего шефа как «Макиавелли» и «машину для обдумывания и работы, без человеческих чувств» (р. 422). Марес признает, что Бенешу была свойственна вера в свою предназначенность на роль лидера ЧСР (р. 232). Этот мессианизм, можно предположить, и подтолкнул Бенеша к спорным политическим методам. Например, Марес утверждает, что во время президентской избирательной кампании 1935 г. Бенеш участвовал в подкупе некоторых депутатов парламента. Также он допускает, что одной из причин заключения советско-чехословацкого союза в мае 1935 г. был поиск Бенешем поддержки КПЧ на скорых выборах (р. 235). Вместе с тем французский историк считает, что Бенеш руководствовался в своей политической деятельности не жадной властью, положением или денег (р. 117, 243), а «глобальными национальными интересами» (р. 184), по крайней мере в том виде, в каком он их понимал.

Не было чуждым чехословацкому политику, по мнению Мареса, твердое внутреннее убеждение в своей безошибочности (р. 277), правоте наперекор всем (р. 419), а также «экстремальный оптимизм» и даже «наивность» (р. 253). Эти личные качества, полагает Марес, внесли свою лепту в просчеты Э. Бенеша. Во внешней политике, по мысли своего биографа, Бенеш неправильно оценил намерения ведущих игроков Средней Европы: Берлина, Парижа и Москвы. Вплоть до 1938 г. Бенеш был убежден, что Германия не заинтересована в присоединении Судет. Президент считал, что Берлин предпочитал или господствовать над всей ЧСР, или оставить судетских немцев в ее составе как инструмент давления изнутри (р. 230, 250). Второй промах Бенеша сводился к переоценке возможностей гарантий безопасности Парижа — основного союзника Праги: «Франция никогда не нарушила своего слова!» — заявлял он в феврале 1938 г. (р. 278). Третий роковой просчет

заключался в наивном ожидании, что Москва, став военным гегемоном Средней Европы в 1944—1945 гг., воздержится от вмешательства по внутренним делам Чехословакии (иллюзия, которая должна была развеяться, по мнению Мареса, после присоединения к СССР чехословацкой Подкарпатской Руси) (р. 355).

Достаточно подробно Марес прослеживает изменение взглядов Бенеша на национальную проблематику в Чехословакии. Для Мареса, Бенеш — сторонник «чехословакизма» с вытекающими привилегиями для чехов и словаков и маргинализацией оставшейся трети населения республики (р. 158). При этом Бенеш якобы не чулдася мысли об ассимиляции словаков (р. 265). Что касается судетских немцев (которых в ЧСР было даже больше, чем словаков), Бенеш, по мнению Мареса, в 1938 г. перестал воспринимать их как соотечественников и был готов их передать вместе с некоторыми территориями в состав Германии еще накануне Мюнхенской конференции (р. 280—283). Решимость Бенеша покончить с судетонемецким вопросом радикализировалась во время войны. Вместе с тем, Бенеш придерживался идеи совмещения территориального и человеческого трансфера в пользу Германии вплоть до декабря 1943 г. (р. 344). С 1944 г. Бенеш выступал только за выселение немцев (и мадьяр из Словакии) (р. 350—351). Депортации 1945—1946 гг. 3 млн немцев из воссозданной Чехословакии Марес называет парадоксальным триумфом идей А. Гитлера по этническому очищению. Сожалея по поводу выселения некоторых евреев, не имеющих ничего общего с нацистами немцев, членов смешанных семей и антифашистов, кажется, что в целом французский историк склонен оправдывать послевоенное обхождение с судетскими немцами «как меньшее зло», позволившее удержаться в Чехословакии «гражданский мир» (р. 369—372).

Построенная при опоре на чешские и французские архивы, а также солидный историографический фундамент книга «Эдвард Бенеш. Драма между Гитлером и Сталиным» синтезирует наработки и других видных «бенешеведов» [2—4]; Маресу известна и монография о Э. Бенеше, написанная В. Марьиной (но, судя по ссылкам, он ее не привлекал). В целом книга дает несколько деформированный, апологетический портрет Э. Бенеша. Вместе с тем, автор не игнорирует замечания антибенешевских критиков и стремится

дать им свою интерпретацию. Среди небольших упущений публикации можно назвать разве что весьма поверхностное рассмотрение межвоенной дипломатии Э. Бенеша, а также несколько фактологических ошибок и небольшую путаницу и опiski в ссылочном аппарате. Несмотря на это, книга несомненно заслуживает внимания историков-центральноевропейцев и специалистов по истории международных отношений.

© 2017 г. А. О. Пеганов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Marès A.* Le séjour d'Edouard Bénès en France (1915–1919). Paris, 1975.
2. *Dejmek J.* Edvard Beneš. Politická biografie českého demokrata. Praha, 2006, 2008. Sv. 1, 2.
3. *Zbyněk Z., Klimek A.* The life of Edvard Benes, 1884–1948. Czechoslovakia in Peace and War. Oxford, 1997.
4. *Марвина В.* Второй президент Чехословакии. Эдвард Бенеш: политик и человек. М., 2013.

Славяноведение, № 3

М. СТАНЧЕВ. Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ. Харьков, 2016. 592 с.

Харьковский историк, иностранный член Болгарской академии наук М. Г. Станчев известен, прежде всего, своими работами о Х. Г. Раковском и Л. Д. Троцком, однако этим его научные интересы не ограничиваются. В последние годы проф. Станчев со свойственной ему скрупуплезностью принялся за масштабный и важный труд – обобщающее трехтомное исследование «Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ». Первый том увидел свет в 2009 г. и представлял собой статистический сборник, основанный на ревизских сказках, переписях населения Российской империи, СССР и уже независимых государств. Недавно же вышел второй том, являющийся биографической энциклопедией, куда включена информация о более 1700 болгарях. Среди жизнеописаний присутствуют как развернутые большие статьи о известных личностях, так и совсем небольшие, в несколько строк, которые основываются на упоминаниях тех или иных персоналий в справочниках и научной литературе (С. 108, 119, 122 и др.), что свидетельствует о тщательности труда, сделанного автором. С рядом героев своей книги М. Г. Станчев знаком и использовал их личные архивы (с. 28, 36, 56 и др.), тем самым впервые вводя эти источники в научный оборот. Помимо них книга базируется на архивах Болгарии, России, Молдавии и Украины, множестве опубликованных источников, обширной

научной литературе, задействовались и интернет-ресурсы.

В беседах М. Г. Станчев признает, что был бы рад, если подобный труд выполнил коллектив авторов, что привело бы к большей полноте и точности информации, однако коллеги заняты собственными проектами. Тем не менее, ему удалось привлечь ряд исследователей, тесно знакомых с предметом их статей. Среди них украинские, российские и болгарские историки: С. Агульников (с. 42), И. Л. Александрова (с. 73–74, 162–163), С. В. Борщевский (с. 451–452), Е. Л. Валева (с. 78, 80, правда, при упоминании ее авторства в инициалы вкралась опечатка), А. И. Воейков (с. 423), А. И. Голдобин (с. 163), Н. Н. Гургуров (с. 475), В. П. Кирьязов (с. 187), С. М. Куделко (с. 353), А. И. Макарская (с. 519–520), К. Осовик (с. 448), В. С. Потрашков (с. 154–155), В. О. Свириденко (с. 279), Ф. Ф. Чиботару (с. 173), П. Чолов (с. 479, 508), Р. Б. Шиханов (с. 312). Целый ряд очерков о болгарях, проживавших и проживающих в Молдавии, написан С. З. Новаковым (с. 73, 143, 183 и др.), которого М. Г. Станчев с большим уважением называет своим учителем (с. 5).

Как пишет автор, он не претендует на то, что его труд является полностью исчерпывающим, и будет признателен тем, кто выскажет свои замечания или поделится сведениями, расскажет о тех, кто не включен в это издание (с. 5). В связи

с этим скажем пару слов и мы. Необходимым кажется присутствие краткой информации о двух военных – И. Д. Чинтулове и К. А. Людсканове-Цанкове, выпускниках академии Генерального Штаба, затем оставшихся в императорской и Красной армиях. Восстановление их биографий облегчается опубликованными документами о них [1]. Важность этих персоналий для полноты картины подчеркивает то, что Чинтулов, к тому же, был довольно известен в военных кругах и до Первой мировой войны, опубликовав свои записки об участии в качестве добровольца в Первой Балканской войне. Вызывает сожаление, что при написании очерка о другом военном, Й. Пехливанове (с. 391), оказалось неучтенным новейшее исследование биографии этого офицера [2]. В информацию же о В. С. Везенкове, как кажется, следовало бы включить и тот факт, что он принял активное участие в дискуссиях о будущем Македонии в период обострения противоречий внутри Балканского союза в 1913 г. [3. С. 113] и даже опубликовал брошюру на эту тему [4]. Но все это, к сожалению, вполне может быть объяснено и нарушившимися библиотечными связями между Россией и Украиной.

Интересным представляется и приложение, в которое включены биографии государственных и религиозных деятелей Средневековья. Однако некоторая информация вызовет у неподготовленного российского читателя оторопь, хотя и познакомит его с довольно остроумными, но весьма спорными гипотезами. Например, открыв статью о князе Владимире Святославиче, помимо общепринятой точки зрения на его происхождение, можно увидеть и следующую теорию, делающую его на три четверти болгаринном: место рождения его бабки княгини Ольги г. Плесков уверенно соотносится со средневековой

столицей Болгарии Плиской, а имя его матери ключницы Малуши объясняется как измененное болгарское Малка (с. 555). Однако, надо признать, автор заранее оговаривает: «Не скрою, есть многие спорные моменты в этих биографиях, рискуя навлечь на себя гнев некоторых авторов, придерживающихся противоположных точек зрения. Я не утверждаю, я привожу гипотезы» (с. 549). При такой условности приложение также является весьма органичной и самоценной частью книги.

М. Г. Станчев проделал тщательную и нужную работу, написав книгу, которая может использоваться и в качестве справочного пособия профессиональными исследователями, и как энциклопедия для людей, далеких от этой проблематики, и просто как занимательная книга для всех интересующихся судьбами людей, населявших Российскую империю, СССР, страны Балтии и СНГ. Третий том труда М. Г. Станчев планирует посвятить населенным пунктам, где проживали и проживают болгары.

© 2017 г. *Н. Гусев*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ганин А. В.* Болгары-выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // *Славянский альманах* 2012. М., 2013.
2. *Ганин А. В.* Българинът защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.
3. Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Оценка событий, предшествовавших сербо-болгарской войне 1913 года, в изложении заинтересованных сторон и членов общества. Пг., 1915.
4. *Везенков В.* Македония и причины Балканской войны. Б.м., б.д.

Болгарское искусство XX века. М., 2015. 338 с.

Сборник научных статей «Болгарское искусство XX века» – второй совместный труд российских и болгарских ученых (первый – «Болгарское искусство и литература. История и современность» вышел в 2003 г.). Эта книга так же, как и первая, охватывает многие виды художественного творчества – живопись, архитектуру, литературу, музыку, театр, кино, представляя широкую и многообразную панораму искусства Болгарии. Сразу хочется отметить продуманную работу редакционной коллегии, куда вошли Е. Виноградова, В. Федотова, А. Янакиев, определившие круг научной проблематики, состав авторов, среди которых и известные ученые, и молодые искусствоведы, представляющие российские и болгарские научные организации. Статьи издания отличаются по масштабу, научным подходам, некоторые из них посвящены основным тенденциям в истории болгарского искусства XX в., другие – творчеству отдельных коллективов, выдающихся деятелей национальной культуры, некоторые – конкретным произведениям, ставшим заметной вехой в болгарском искусстве.

Работы В. Турчина о наследии В. Димитрова-Майстора и Е. Надеждиной о Ж. Папазове раскрывают неповторимость художественных миров живописцев, работавших в один и тот же период первой половины двадцатого столетия, но создававших полотна, которые отличаются и по тематике, и по живописной манере, что подтверждается тщательным искусствоведческим анализом, проведенным авторами. Дополняют статьи биографические моменты, интересные факты, дающие представление о художественной атмосфере того времени.

В статье А. Гугова национальное зодчество 1960–1970-х годов (жилищное строительство и гражданские объекты) рассматривается как самобытное явление, учитывающее национальные традиции и одновременно ведущие тенденции современной европейской архитектуры. Надо заметить, что курортные комплексы, о которых пишет автор, во многом не утратили своей выразительности и по сей день, что подтверждается оценками современных искусствоведов.

Хотелось бы остановиться и на статье болгарского литературоведа И. Христова, посвященной выдающимся болгарским поэтам Атанасу Далчеву и Елизавете Багряне. В ней с научной достоверностью раскрывается не только творческий метод каждого из литераторов, но и картина культурной ситуации в болгарском искусстве 1920–1930-х годов, отличающаяся особой насыщенностью и полифоничностью художественного континуума.

Этот подход прослеживается в развернутой публикации об истории болгарского театра К. Николовой, дающей широкую оценку социополитической ситуации Болгарии в 1920–1930-е годы, во многом определившей состояние культуры, что убедительно подтверждается автором статьи в описаниях театральных постановок, отразивших «борьбу идей» в общественной жизни и в искусстве. Как отмечает исследователь, в национальном театре это сказалось в целенаправленном выборе отечественной и зарубежной драматургии с акцентом на современный материал, использовании в режиссуре новаторских приемов, в подходах к актерской игре в «духе времени», в экспрессионистской по стилю сценографии. О проблемах болгарского театра 1950–1960-х годов написана статья И. Спасовой-Диковой. Автор подчеркивает, что изменения общественного строя в стране (середина 1940-х годов) определили и резкую смену культурной парадигмы. Справедливо указывается, что в 1950–1960-е годы усилились контакты между болгарскими и советскими деятелями искусства, и, по мнению автора, это имело как положительные, так и негативные стороны, неоднозначно повлиявшие на развитие национального театра.

О театральной мастерской «Сфумато», созданной в 1980-е годы, интересно пишет театровед и драматург М. Праматарова, тонко показывая характерную зрелищность приемов создателей «Сфумато» – режиссеров М. Младеновой и И. Добчева и подчеркивая их особенное понимание кодов современного театра, взаимодействие с текстом, с пространством, с актерами, что позволяет им в своем искусстве приблизиться

«к постижению жизни человеческого духа». Это подтверждается вошедшими в статью уникальными текстами бесед автора статьи с М. Младеновой, высвечивающими новые грани творческой истории «Сфумато» (коллективу при своено высокое звание «Театра Европы»).

Статья старейшего российского искусствоведа, академика В. В. Ванслова рассказывает о Варненском конкурсе балета, одном из первых подобных форумов в послевоенной Европе, созданного при содействии выдающихся деятелей советской и болгарской хореографии — Г. Улановой, Ю. Григоровича, Н. Киранджиевой, П. Луканова. Эта публикация имеет особую ценность, поскольку многие годы ее автор был членом жюри конкурса и поддерживал восхождение звезд мировой сцены — Н. Бессмертновой, Е. Максимовой, М. Барышникова, других талантливых молодых артистов, получивших международное признание именно в Варне. В статью включены разделы о болгарском хореографе Х. Мехметове, плодотворно работающем в области современной хореографии, о художниках, отобразивших в своих полотнах искусство балета.

Обширная по материалу работа А. Янкиева касается многих аспектов национального кинематографа и обращается не только к 1960–1970-м годам, но и последующим десятилетиям, в которых «самое массовое из искусств» рассматривается под углом острых актуальных проблем, в частности взаимоотношений кинематографа и зрителя, интереса к отечественным фильмам, многопланового влияния и конкуренции с телевидением, — вопросов, которые стоят и перед российским кино.

Широко представлена в сборнике болгарская музыка XX в. Содержание обстоятельно аргументированной статьи К. Яповой о церковном наследии рубежа веков первой половины XX столетия не ограничивается музыкальными проблемами, но включает и философские стороны развития православных жанров, их духовную и художественную значимость, особенности исполнения. Эти темы продолжены и в тексте Г. Еленкова о произведении И. Спасова, одного из ярких представителей болгарского музыкального авангарда 1960–1970-х годов, в зрелые 1990-е годы обратившегося к духовной музыке на православные и латинские тексты, на современную поэзию и сконцентрировавшего внимание в своем творчестве на общехристианских образах.

В сборник вошла статья В. Федотовой о «Саламбо» В. Стоянова, первой болгарской опере, сочиненной на иностранный сюжет (либретто создано в 1940-е годы по мотивам одноименного романа Г. Флобера). Это яркое по музыкальному воплощению произведение звучало в Болгарии и на зарубежных сценах, но оно впервые анализируется в нашем искусствоведении. В статье рассматриваются особенности музыкальной стилистики вокальных партий, богатой оркестровой ткани, особенности драматургических решений. Важная сторона исследования — определение связей либретто оперы с литературной основой популярного сюжета в европейском музыкальном театре. В статье о «Саламбо» показано то, как болгарские композиторы, пройдя через этапы использования мелодико-ритмических особенностей национального фольклора, успешно освоили европейские традиции, воплощая художественные и философско-этические идеи своего времени.

Этот тезис подтверждает и работа М. Божиковой о творчестве нашего современника — В. Казанджиева, одного из ведущих композиторов болгарского музыкального авангарда. Обращает на себя внимание взвешенный и объективный взгляд автора на это музыкальное направление в национальной, а также европейских культурах. Вместе с тем, отмечается и то, что болгарское композиторское творчество всегда имело свое лицо, которое определило своеобразие композиционных приемов, ритмического и ладо-гармонического облика. Все это присуще музыке В. Казанджиева, о чем убедительно написано у М. Божиковой. В статье удачно проводятся параллели с образами ярких сочинений выдающегося болгарского писателя Й. Радичкова.

Самобытные черты отличают болгарский джаз, о чем мы узнаем из статьи К. Леви, включающей и сведения об истории этого музыкального жанра в Болгарии, и аналитическую часть о творчестве одного из создателей мирового направления «этноджаза» М. Левиева, органично соединившего в своих композициях стихи народной музыки и джаза. К. Леви, один из лучших болгарских специалистов в этой области, выявляет тонкие градации, свойственные живому и подвижному импровизационному по своей природе искусству.

Три последние статьи образуют небольшой блок, который можно было бы условно назвать «Диалог культур»,

открывающийся статьей Н. Злыдневой о литературе и живописи 1920–1930-х годов. Автор исследует болгарскую и, в целом, балканскую художественную культуру во взаимосвязях с русским искусством того времени, выделяя общность идей, образов, мотивов таких крупных балканских поэтов, художников, как Г. Милев, Л. Мицич, русских поэтов и живописцев – А. Блока, В. Маяковского, В. Хлебникова, А. Крученых, Эль Лисицкого, К. Малевича, К. Редько, в настоящее время ставших символами русского авангарда. В статье представлены новые ракурсы изучения актуальной в настоящее время тематики искусства первых десятилетий XX в.

Привлекает внимание и работа И. Проклова, живо и артистично повествующая о спектаклях известного режиссера А. Морфова, главного режиссера Национального театра в Софии, уже более десяти лет работающего с московскими и Санкт-Петербургскими коллективами. Он поставил в России пьесы Шекспира, Мольера, Сервантеса и других западноевропейских авторов. В статье, которую справедливо было бы назвать «расширенной рецензией» (хочется подчеркнуть, что такой публикации не было еще ни у нас, ни за рубежом), «расшифровывается» художественная концепция каждой постановки, подробно рассматривается характер мизансцен, рисунок актерской игры, особенности сценографии, грима, музыкального оформления. Авторский текст дает представление о художественных подходах театрального мастера, чьи опусы по праву вошли в анналы российской культуры последних десятилетий.

Ценнейшая по материалу статья Н. Башинджагян, посвящена постановке на болгарской сцене «Дзядов» А. Мицке-

вича, осуществленной выдающимся польским режиссером Л. Шиллером в конце 1930-х годов силами артистов Софийского Национального театра. Яркий литературный стиль автора позволяет почти зримо представить себе этот выдающийся спектакль, ставший заметной вехой не только для польского, но и болгарского театра, о чем свидетельствуют цитаты из болгарской театроведческой прессы того времени, включенные в статью. Это художественное событие, впервые представленное российскому читателю, можно отнести к значимым страницам истории славянской культуры.

Новизна материалов – определяющая черта данного сборника, в котором с научных аналитических позиций рассматриваются ключевые проблемы болгарского искусства XX в. В статьях, посвященных разным видам художественного творчества, не схожих по авторским подходам, возникают ассоциации, переключки, резонансы, что внутренне скрепляет этот «многоголосный» коллективный труд. Сборник щедро иллюстрирован (к сожалению, в черно-белом варианте). Репродукции картин, фотографии сцен из спектаклей публикуются впервые, расширяя наши представления о реалиях искусства этой балканской страны. Думается, что исследования болгарских и российских ученых восполнят представления о болгарской культуре прошлого века, органично впишутся в корпус отечественной славистики, будут иметь практическое значение для режиссеров, актеров, музыкантов, обращающихся в своей работе к искусству XX в.

© 2017 г. *М. Г. Смольянинова*

Slavische Wordbildung im Vergleich: Theoretische und Pragmatische Aspekte. Berlin, 2014. 675 s.

Сравнительное славянское словообразование: Теоретический и практический аспекты

Рецензируемый труд представляет собой сборник докладов, прочитанных на очередном заседании Словообразовательной комиссии при Международном комитете славистов, состоявшемся в 2014 г. в Германии. Он включает в себя 41 статью, посвященную различным вопросам словообразования в славянских (и не только славянских) языках в синхронном и диахронном аспектах. Так, исторические данные используются в статье редактора сборника С. Менгель, в которой богатство формантов славянского именного словообразования объясняется особенностями праславянских фонетических закономерностей, нашедших континуацию в особенностях именной словообразовательной системы древнецерковнославянского языка.

Тематически в сборнике выделены четыре раздела: I. Славянское словообразование в свете различных лингвистических теорий. II. Славянское словообразование в компаративном аспекте; III. Славянское словообразование в отдельных славянских языках; IV. Славянское словообразование в интердисциплинарном контексте.

Содержание сборника отличается широтой и многообразием затрагиваемой проблематики, теоретической и практической значимостью рассматриваемых вопросов, демонстрирует постулирование и конкретное применение целого комплекса разнообразных методов и приемов анализа (синхронного, сопоставительного, диахронного, синхронно-диахронного, системно-функционального, коммуникативного и др.), в том числе и ряда новейших методов исследования (когнитивного, когнитивно-дискурсивного, прагмалингвистического, использующего электронную базу корпусной лингвистики) (см., например, статьи З. Харитончик, Е. Которовой, Е. Петрухиной, К. Вашак и др.).

В первой части сборника (10 статей) рассматриваются, в частности, следующие теоретические проблемы:

- взаимодействие семантики и прагматики в производных лексических единицах (статья З. Харитончик о таком взаимодействии на примере анализа компаративных прилагательных от названий животных – типа *лисий*, *кошачий* и т.п.);

- соотношение двух основных подходов в синхронном словообразовании – от значения к форме и от формы к значению (Ю. Балтова);

- исследование семантики деривата в рамках гнездового подхода (Л. Кислюк, выделяющая три типа гнёзд – корневые, смешанные и словообразовательные и устанавливающая отношения между ними);

- отношение префиксации и композиции и соотношение префиксов и префиксоидов (Р. Драгичевич);

- постулирование понятия «национального форманта-униката» в качестве словообразовательной морфемы, свойственной только данному этносу (Б. Тошич);

- взаимодействие концептуального, лексического и словообразовательного уровней (на примере сакральных лексем польск. *święty*, чешск. *svatý*, немецк. *heilig*, *weihen* и производных от них это взаимодействие исследует А. Нагурко);

- теоретические и прагматические аспекты современной славянской словообразовательной терминологии, для которой характерны явления синонимии (вопреки постулируемому принципу точности и однозначности терминов) и многозначности терминов (статья З. Рудник-Карват, в которой, в частности, выявляются причины синонимии в дериватологических терминсистемах: латинско-греческая традиция, процесс интернационализации, активность различных школ и направлений);

- множественность семантической интерпретации (амбисемия), обусловленная дихотомией язык–речь и манифестирующая интегративный подход к описанию семантического варианта,

противопоставляемый сегрегативному (А. Киклевич).

• определение статуса словообразования в рамках новой научной парадигмы как имеющего интерфейсный характер по отношению к мотивологии и этимологии (Е. Которова).

Вторую (сопоставительную) часть сборника составляют 13 статей. О перспективах использования в сопоставительном словообразовании национальных корпусов и достижений когнитивной семантики пишет К. Вашак. Выделив три основных подхода в сопоставительном описании словообразовательных систем (ономастиологический, идеографический и полевой), А. Лукашанец считает, что наиболее плодотворной является комбинация этих способов, опирающаяся на ономастиологический подход и включающая в себя элементы полевого анализа. О типологических универсалиях общего порядка в славянском словообразовании пишут в совместной статье Г. Николаев и Н. Николаева, рассматривая с применением историко-сопоставительного метода ряд таких универсалий (общность в способах словообразования: взаимосвязь формообразования и словообразования, нулевая аффиксация, конфиксация и др.).

Составной частью сопоставительного изучения словообразования славянских языков является исследование общеславянского инвентаря заимствованных формантов, наличие которого обусловлено главным образом осуществлением процесса интернационализации, реальное наполнение которого исторически изменчиво (от «европеизации» к «амероглобализации»). Теоретические и прагматические аспекты функционирования в славянских языках общеславянских и зональных интераффиксов рассмотрены в статье Е. Коряковцевой. Г. П. Нешименко раскрывает возможности применения в рамках системно-функционального метода разработанной ею бинарной коммуникативной концепции языковой ситуации с выделением центра–периферии в практике деривационного сопоставительного анализа, вследствие чего создается динамичный образ функционирования языковой системы. Выявленная на словообразовательном уровне динамика не только выражена вербально, но и проиллюстрирована приведенными в статье диаграммами трех чешских родовых подсистем деминутивов.

Проблему центра–периферии словообразовательной системы и конкретной репрезентации их составляющих затрагивает не только Г. Нешименко. Так, Е. Карпиловская выделяет центр как зону абсолютной упорядоченности (компактности по Г. Нешименко), область периферии как зону абсолютной неупорядоченности (множественности манифестаций по Г. Нешименко) и переходную между ними зону относительной упорядоченности/неупорядоченности.

Исследованию деривационного потенциала прилагательных в славянских языках в сопоставлении с немецким посвящена статья В. Раевой. В ней, в частности, устанавливается типологическая общность в славянских языках образования инхоактивных деадъективных глаголов (аффиксация в отличие от конверсии в германских языках). Большое внимание уделяется роли номинатора.

В сопоставительном плане в сборнике исследуются отдельные словообразовательные категории. Так, Ц. Аврамова, анализируя бессуффиксальные *nomina habitatorum*, функционирующие в славянских языках в качестве этнонимов (типа русск. *чех*, *серб*, польск. *Czech* и т.д.), доказывает их мотивированность на синхронном уровне названиями места. Принципы контрастивного исследования социолектной деривации определены в статье Е. Лукашанец, которая формулирует их на основе объединения общих положений словообразовательной теории, сопоставительного (ономастиологического) подхода в словообразовании и установок социолектологии, опирающейся на понимание знаковой вторичности социолекта. При сопоставительном исследовании социолектных феноменов необходим также учет типологической характеристики каждого из социальных вариантов языка.

В статье Н. Клименко восточнославянский материал (главным образом украинский) адъективных композитов с локативными значениями сопоставляется с новогреческим. Среди локативных значений прилагательных-композитов представлены бинарные оппозиции «внутренне–внешне», «вверху–внизу», «высоко–низко», «левый–правый», «передний–задний», «север–юг», «запад–восток». Реже пространственное значение выражает третий («срединный») член (например: *переднеязычный–среднеязычный–заднеязычный*). В рассмотренных префиксальных

прилагательных с локативным значением, в отличие от композитов, не реализуется словообразовательными средствами оппозиции «внутренне–внешне».

Особая разновидность сопоставления в области словообразования – перевод тех или иных формантов или производных лексем того или иного славянского языка на инославянский язык и наоборот, поиск славянских эквивалентов инославянским. Этот аспект представлен в двух статьях второй части сборника: Л. Тасевой о переводе греческих префиксов *ἀ-*, *ἀνα-*, *ἀπο-* на древнецерковнославянский в семи средневековых памятниках XIV в. и Г. Кейперта о функционировании гипокористик и гоноративов типа *батюшка*, *матушка*, *дядюшка*, с одной стороны, и слов *государь*, *государыня* с другой в русском переводе «Бесед» Берлемона (XVII в.).

Материал отдельных славянских языков анализируется в третьей части сборника. В десяти статьях этой части используются данные русского языка (статьи Е. Петрухиной и Л. Рацибурской), македонского (Л. Аризанковская), сербского (Б. Чорич), хорватского (Б. Штибих-Голуб), боснийского (А. Шехович), словенского (И. Страмлич-Брезник), чешского (статья И. Боздех о композитах, номинирующих лицо), польского (статья К. Клешч о польском наречии). При этом ряд статей объединяет либо избранный метод исследования (в частности когнитивно-дискурсивный – см. статьи Е. Петрухиной, К. Клешч, Л. Рацибурской), либо анализируемый материал (так, новые слова русского языка являются предметом анализа в статье Е. Петрухиной и в работе Л. Рацибурской). Ср. также внимание к обращению как сигнализатору гонорификации и уважения в статье С. Афонина и в уже упомянутой статье Г. Кейперта. Если в первой на синхронном материале рассматриваются словообразовательные составляющие обращения, позволяющие изменить дистанцию между говорящим и адресатом (новые морфемы и усечение полных словоформ-обращений), то во второй исследуются лексические маркеры установления определенной дистанции при обращении в русском переводе XVII в.

Дискурсивный, лингвопрагматический подход включает в себя аксиологический аспект, который наиболее ярко продемонстрирован в статье Е. Петрухиной, где негативно оцениваются в качестве «искажающих когнитивное пространство и русскую картину мира» абстрактные

неологизмы вроде *противозовие*, *видеология* и т.д. из «Проективного философского словаря. Новые термины и понятия», составленного М. Н. Эпштейном.

Связям словообразования с другими уровнями языка и исследования посвящена четвертая часть сборника докладов (восемь статей). Здесь анализируется связь синхронного словообразования и лексикографии (статьи Р. Беленчиковой и А. Никитевича), отношения между словообразованием и этимологией (Л. Селимский), формулируются десять постулатов, по которым славянский вид относится к словообразованию (И. Милославский), ставится вопрос о «возвращении словообразования в лоно морфологии» (Й. Рэке), рассматриваются в качестве занимающих промежуточное положение между словообразованием и синтаксисом славянские составные номинации и устанавливаются соотношения между этими номинациями и сложениями типа *сорока-воровка* (Р. Хаммель), описываются возможности выражения деривационными средствами логических (семантических) категорий и выявляется универсальность ограничений этих возможностей. Так, не имеют словообразовательного выражения категории причины, следствия и цели, а также ушерба в этом отношении категория объекта (О. Ермакова). В завершающей сборник статье С. Бирюкова анализируются особенности так называемой трансформационной поэтики и отмечается, что процессы, характерные для этого направления в русской поэзии, могут повлиять на словообразовательную систему русского языка.

При чтении материалов сборника у нас появились некоторые замечания, преимущественно частного характера или более общие, но не имеющие непосредственного отношения к словообразовательной проблематике. Так, ко вторым относится вопрос о правомерности в двуязыковой точке зрения рассматривать как самостоятельные языки боснийский (бошняцкий) или черногорский идиомы. Не случайно в статье Б. Тошевича в выделенном им сербско-хорватско-бошняcko-черногорском интеркорреляционном – а под интеркорреляционным на с. 75 понимаются «отношения между очень близкими языками с *одной и той же диалектной основой*, имевшими когда-нибудь *общую норму*, например сербохорватскую» (курсив мой. – Н.А.) – отсутствуют формальные уникаты. Здесь возникает вопрос общетеоретического порядка: влечет ли придание статуса государства

какой-либо части прежнего государственного образования, жители которого говорят на одном и том же языке (безусловно, с региональными отличиями), автоматически появление нового языка? Успел ли сформироваться за такое непродолжительное время этот новый язык?

Частные замечания касаются непосредственно словообразовательного аспекта. Так, нам не совсем убедительной и противоречащей историческим фактам (при постулировании авторами статьи историко-сопоставительного подхода как метода словообразовательных исследований) представляется выделение конфиксной структуры в формах превосходной степени типа польск. *wesoły*–*weselszy*–*najweselszy*, а не традиционное рассмотрение деривационной цепочки *wesoły* → *weselszy* → *najweselszy*, что соответствует историческому процессу и современным отношениям мотивации (статья Г. Николаева и Н. Николаевой). В статье А. Киклевича об амбисемии можно было бы увеличить число конкретных примеров многозначности лексемы *шоколадница*: мотивированная названием упомянутой в статье картины Ж. Э. Лиотара «Шоколадница» номинация сети кафе (по крайней мере, известной в Москве). Полиязычный характер примеров не мог не повлиять на появление досадных опечаток (ср. польск. *bezłesie* ‘*bezłesie*’ на с. 232 и др.). Отмечено приведение языкового фантома, не существующего в языковой реальности: польск. *budownia* как ‘место’ в статье Г. Николаева

и Н. Николаевой не известно ни словарям польского языка, ни носителям польского языка – проверено нами у лектора польского языка, работающего на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова.

Материалы сборника показывают, что на смену чисто синхронному и чисто диахронному анализу словообразовательного уровня приходят синхронно-диахронные исследования, либо выявляющие динамику в синхронных процессах или на синхронных срезах (статьи Г. Нешименко и Е. Лукашанец), либо проводимые в плане синхронно-диахронного сопоставления материала славянских языков с западноевропейскими параллелями (статья С. Сахно), а также когнитивные, для которых в принципе нерелевантна оппозиция «синхрония–диахрония» (см. статьи К. Вашак, З. Харитончик и др.).

Работы сборника отражают современный этап научной парадигмы, характеризующийся антропоцентризмом, учетом роли говорящего-номинатора как индивида и как представителя определенного ментально-культурного сообщества, вниманием к когнитивно-эпистемической и коммуникативной деятельности этих сообществ, лингвистической прагматике и аксиологии, корпусной и компьютерной лингвистике. Рецензируемый труд безусловно заинтересует не только дериватологов, но и лингвистов более широкого профиля.

© 2017 г. Н. Е. Ананьева

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЫНУЖДЕННОЕ СОСЕДСТВО – ДОБРОВОЛЬНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ, XVIII–XX ВВ.»

С 2015 г. в Институте славяноведения РАН осуществляется проект «Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе, XVIII–XX вв.». В рамках проекта в 2015 г. на конференции «Славянский мир: общность и многообразие» состоялся круглый стол, посвященный проблемам историографии и источниковедения исследуемой темы (см. *Кокунина Л. К., Новосельцев Б. С., Усачева А. В., Ясинская М. В.* Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» // Славянский альманах 2015. М., 2015. Вып. 3–4). Развивая проект, желая апробировать результаты собственных разработок проблемы и сверить их с выводами других исследователей, было решено провести следующую научную встречу, расширив хронологические и географические рамки обсуждаемой темы, и 25–26 октября 2016 г. в Институте славяноведения РАН состоялась вышеуказанная конференция (с программой и тезисами можно ознакомиться на сайте Института славяноведения РАН <http://www.inslav.ru/sobytiya/2334–2016-sosedstvo>. Дата обращения: 22.11.2016). Ее участниками стали специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, а также Минска (Беларусь) и Ужгорода (Украина).

Предваряя научные доклады, с приветственным словом к участникам конференции обратилась *О. В. Хаванова*, рассказавшая о проекте и очертившая круг сложных проблем, связанных с взаимоотношениями народов Центральной и Восточной Европе в условиях менявшегося мира.

Работа конференции проходила в рамках поочередно работавших тематических секций. Утреннее заседание началось с секции «Соседство с Византией и Османской империей», ее открыл доклад *А. С. Добычиной* (ИСл РАН) «Болгары и болгарские земли под властью Византийской империи (1018–1185)», где внимание было обращено на свидетельства добровольного приспособления болгарской элиты к реалиям своего времени, превратившейся в «новую знать» и претендовавшей на вхождение в византийскую. *А. А. Леонтьева* (ИСл РАН) в сообщении «Некоторые аспекты жизни еврейской общины Софии в конце XVIII – начале XIX в. (по данным документов кадийского суда)» на примере г. Софии проанализировала процесс постепенного сглаживания традиционной замкнутости еврейской общины и на основании документов кадийских судов показала активное взаимодействие еврейского населения с мусульманами и христианами как в экономической сфере, так и на бытовом уровне. *Д. В. Сень* (ЮФУ, Ростов-на-Дону) обратился к теме жизни на пограничье, заставлявшей население искать внеконфликтные способы взаимодействия, в докладе «Войско Донское и османский Азов: культура диалога в условиях вынужденного соседства (XVII в. – 1730-е годы)». По мнению автора, донские казаки и турки-османы сумели выработать особую систему организации жизни, позволившую им вести обмен информацией и товарами, со своими договорными отношениями, о которых стороны не всегда информировали центральные власти.

Вторая секция была посвящена кардинально иному аспекту совместного проживания — «Периодика, публицистика, полемика в общественной мысли Польши». Секцию возглавила *М. В. Лескинен* (ИСЛ РАН), а открыл ее доклад *Н. К. Миско* (ГИМ) «Мусульманская угроза в польской полемической литературе на рубеже XVII и XVIII вв.», в котором был дан анализ приемов, при помощи которых польские авторы создавали ощущение угрозы завоевания турками в условиях, когда сама угроза перестала существовать. Изменчивость взаимного восприятия соседских народов была продемонстрирована в выступлении *Л. М. Аржаковой* (СПбГУ) «Польская и русская публицистика XIX в. как поле столкновения и поиска соглашения». На протяжении «долгого» девятнадцатого столетия (вплоть до Первой мировой войны) оба народа прилагали усилия в налаживании диалога, но бытовавшие стереотипы оказались сильнее и глубже, и следом за стиранием старых ментальных границ воздвигались новые.

Дневное заседание конференции продолжила секция «Международные и между-народные отношения». Первым прозвучал доклад *Н. С. Гусева* (ИСЛ РАН) «Болгария и Сербия в 1912–1913 гг.: соперничество за место любимца России на Балканах». В 1912–1913 гг. полуостров оказался мал для удовлетворения желаний проживавших там народов, потому они старательно выживали своих соседей по этой «коммунальной квартире», в том числе привлекая к спорам и стороннюю, но влиятельную силу — Россию, доказывая обоснованность своих прав на территории. *Е. С. Сергеев* (ИСЛ РАН) выступила с докладом «Британские печатные СМИ об Албании и ее жителях в конце XIX — начале XX в.». В 1913 г. получила независимость Албания, будучи в XIX в. практически неизвестной европейскому обывателю. Впервые же она обратила внимание Европы на свои проблемы на Берлинском конгрессе через Призренскую лигу. Интерес к ней возрос, и британская печать попыталась его удовлетворить, информируя читателей не только о событиях в регионе, но и стараясь объяснить нравы и обычаи албанцев, в этот процесс активно включились и издания, посвященные туризму и охоте. Указанный пестрый калейдоскоп мнений чаще всего являлся взглядом свысока, взглядом цивилизованного европейца на диких жителей неведомой страны. Выступление Сергеев вызвало активную дискуссию, как теоретического характера, затрагивая проблематику представлений о «чужом», так и практического, с привлечением аналогий из других регионов и временных периодов.

По результатам тех же Балканских войн в состав Сербии вошел косовский регион, ставший предметом притязаний нескольких народов. Эту проблему осветил *Е. А. Колосков* (СПбГУ) в докладе «Косовская легенда как элемент славяно-албанских противоречий в 1989–2001 гг.». Данное выступление, следовавшее в русле актуального направления в науке — публичной истории, демонстрировало начавшееся между албанскими, сербскими и косовскими историками оправдание претензий на территорию Косово своими странами с исторической, демографической и моральной точек зрения. Колосков продемонстрировал трансформацию сербской Косовской легенды в современных условиях и возникновение нового косовского мифа, создаваемого местными албанцами.

Завершило первый день конференции заседание секции «Народы Австрийской империи: приспособление к неудобным соседям», модератором ее выступила *О. В. Хаванова*. Открывая заседание, *А. М. Дронов* (ИСЛ РАН) обратился к теме вынужденного лавирования между сильными соседями в докладе «Проект “Венгерской Иллирии” как программа развития хорватской государственности накануне революции 1848–1849 гг.». Хорваты в условиях угрозы растущего в непосредственной близости венгерского национализма раскололись на два движения, предлагавшие разные видения будущего. Одно из них подразумевало создание «Венгерской Иллирии» как компромиссного варианта объединения южных славян. Их оппоненты сумели представить идеологию иллиризма — обоснование историей прав на населенные хорватами земли — как полезную для Венны, что и обусловило ее успех. В продолжение темы *В. Л. Шарова* (Ин-т философии РАН) проследила возникновение и эволюцию идеологии иллиризма, особо акцентировав внимание на одном из его лидеров в докладе «Иосип Юрай Штросмайер и проекты объединения народов империи Габсбургов: от иллиризма к югославизму». *А. А. Ждановская* (МГУ им. М. В. Ломоносова) обратилась к проблеме превращения нейтральной, внешнеполитической повседневноности этнического пограничья в инструмент национального противостояния в своем выступлении «Неполитические инициативы богемских немцев как способ утверждения идентичности (1880–1890-е годы)», показав на ряде примеров способы превращения досуговых организаций в политические

клубы и рупоры идеологии, в то же время формально остававшиеся вне политики. Завершал первый день конференции доклад *Д. Ю. Ващенко* (ИСл РАН) «Этнокультурные стереотипы в метаязыковых рефлексиях жителей словацко-венгерского пограничья», в котором обратилась к необычному для историков аспекту соседства различных народов — анализу метаязыковых рефлексивов, показав, как бытовые представления о национальном характере венгров влияют на рецепцию их речи словаками, какие особенности их речи служат предметом оценки в первую очередь.

Второй день конференции начался с заседания секции «Восточное славянство: вместе и порознь», модератором которой выступил *Д. В. Сень*. Первым был доклад *М. Ю. Дронова* (ИСл РАН) «Восточные славяне из Австро-Венгрии и России в Северной Америке (конец XIX — начало XX в.): соседство на чужбине». Докладчик детально проанализировал противоречивый в целом опыт соседства на чужбине выходяще из Австро-Венгрии и Российской империи. Выступление *С. А. Гануса* (УжГУ, Ужгород, Украина) было посвящено проблеме конфликтов и взаимодействия на восточногалицийском «фронтире» в 1915 г. по воспоминаниям Николая Галагана — члена украинской Центральной рады, выполнявшего важные дипломатические поручения в период революции 1917 г. и Гражданской войны. Эти мемуары представляют собой крайне важные сведения по истории Первой мировой войны и революционным потрясениям, при этом данный источник, как отметил исследователь, еще недостаточно изучен. Завершил заседание секции доклад *А. Р. Лагно* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Украинцы и поляки Восточной Галиции в польской периодической печати», в котором была предпринята попытка анализа материалов польской периодики 20–30-х годов XX в.; автором были обозначены основные темы, затрагивавшиеся в прессе в исследуемый период. Особое внимание Лагно уделила сюжетам, связанным с формированием национальной идентичности украинского и польского населения и с отношением польского государства и общества к украинскому национальному меньшинству.

Секция «Народы-соседи и новые государственные границы» была открыта выступлением *А. О. Пеганова* (БГУ, Минск, Беларусь.) «Экономический кризис в Венгрии и попытка “политической перезагрузки” между Будапештом и Прагой в 1931–1932 гг.». Докладчик, опираясь на разработку венгерских и словацких историков, а также опубликованные материалы МИДа Франции (документы дипломатической переписки и обзоры иностранной прессы), предпринял попытку восстановить развитие контактов между Будапештом и Прагой в 1931–1932 гг., начатых с целью восстановления нормальных торгово-политических отношений. *А. Е. Кузьмичева* (МГУ им. М. В. Ломоносова) выступила с докладом «Французский фактор в политике “равноудаленности” Ю. Бека в 1935–1936 гг.», детально рассмотрев положение министра иностранных дел Польши Ю. Бека после смерти маршала Ю. Пилсудского, когда Бек был вынужден искать новые точки опоры и выстраивать новые модели сосуществования как со своими соседями (Германией и СССР), так и с союзной Францией. Продолжилось заседание секции выступлением *Л. В. Кузьмичевой* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Деятельность короля Александра Карагеоргиевича по нормализации межнациональных отношений в Югославии», в котором на основании опубликованных источников и материалов сербских архивов были проанализированы усилия короля Александра Карагеоргиевича в деле нормализации межнациональных отношений в Югославии. Особое внимание Кузьмичева уделила общегославянским культурным и общественно-политическим обществам и организациям, а также проанализировала отношение окружения короля и Королевского Двора Югославии к делу формирования «интегрального югославянства».

После небольшого перерыва работу конференции продолжила секция «Босния до и после Югославии» под руководством *Л. В. Кузьмичевой*. Открыла это заседание *К. В. Мельчакова* (ИСл РАН) с докладом «Осман-паша в погоне за прогрессом. К проблеме конструирования боснийской нации в Османской империи в 1861–1869 гг.». Представив вниманию слушателей информативную презентацию, автор проследила деятельность Осман-паши на посту генерал-губернатора Боснийского вилайета. Тема истории Боснии была продолжена докладом *Л. Ю. Пахомовой* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Босния и Герцеговина: инкорпорация в империю — решение конфликтов?», который вызвал оживленную дискуссию. Отметив, что Босния и Герцеговина, которые в силу их географического положения и исторического развития находились на границе цивилизаций, на границе больших миров и потому являлись частью больших империй и были объектом притязаний молодых амбициозных стран, она отметила, что специфика задачи австро-венгерской администрации в Боснии заключалась в том, что дуалистическая монархия получила провинции

с преобладающим мусульманским населением, сложным клубком этноконфессиональных проблем и традициями османского государственного управления. Заседание секции продолжило выступление *И. Е. Ивановой* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Иво Андрич о путях взаимопонимания между народами», в котором тема истории Боснии была представлена в неожиданном для данной конференции литературоведческом ракурсе. Последним на секции стал доклад *Г. Н. Энгельгардта* (ИСл РАН) «Навязываемая интеграция и механизмы ее обхода в политической практике Боснии и Герцеговины», посвященный политике международного сообщества по интеграции национальных общин в постконфликтной Боснии и Герцеговине.

Завершало конференцию заседание секции «Румыния и ее соседи, румыны и их соотечественники». Первым свой доклад «Позиция Югославии и Румынии по вопросу безопасности и сотрудничества в Европе (в 1966 – начале 1967 гг.)» представил *Б. С. Новосельцев* (ИСл РАН). Он отметил, что активизация дипломатических усилий Белграда и Бухареста была с неодобрением воспринята в Москве, где на данные вопросы смотрели с совершенно других, блоковых позиций, имея в виду, прежде всего, признание факта существования ГДР и нерушимости границ в Европе, а также укрепление единства стран советского лагеря. Возникшие противоречия еще нагляднее обрисовали тот «еретический» курс, которым шли Югославия и Румыния в международном рабочем движении. Далее тему истории Румынии середины XX в. развил *А. С. Стыкалин* (ИСл РАН) с докладом «Кризис в советско-румынских отношениях в конце августа 1968 г. и поиски путей его преодоления», в котором предпринял попытку выявить механизмы, позволившие в довольно быстрые сроки резко снизить возникший накал в отношениях двух близких соседей. Завершил заседание этой секции и конференции в целом доклад *А. В. Усачевой* (ИСл РАН) «Этнические меньшинства и миграция/эмиграция в современной румынской литературе», в котором актуальные для румынского общества проблемы были освещены в контексте современной румынской литературы.

Подводя итоги, организатор конференции *О. В. Хаванова* отметила высокий уровень научной дискуссии, а также выразила надежду на публикацию трудов участников конференции в 2017 г. в рамках проекта.

© 2017 г. *Н. С. Гусев, А. А. Леонтьева*

*Проект РГНФ № 15-31-01003а1
(руководитель О.В. Хаванова)*

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА ВАСИЛА ГЮЗЕЛЕВА

19 октября 2016 г. отметил восьмидесятилетие выдающийся болгарский историк-медиевист Васил Тодоров Гюзелев — действительный член Болгарской Академии наук, председатель Ассоциации медиевистов и византинистов Болгарии, лауреат премии им. Иоганна Готфрида Гердера, ежегодно вручаемой в Австрии выдающимся ученым и деятелям культуры Восточной Европы. Мировому и российскому славистическим сообществам известны его блестящие труды о крестителе Болгарии князе Борисе-Михаиле (1969), духовной культуре Болгарии в XIII–XIV вв. (1985, 1993 — исправленное и дополненное издание на немецком языке), истории Добруджи (2005). Предмет особого интереса ученого — историография болгарского Средневековья. Им изданы не публиковавшиеся при жизни труды Спиридона Палаузова и Петра Мутафчиева, написаны содержательные статьи о творчестве Паисия Хилендарского, Христофора Жефаровича, Марина Дринова, Константина Радченко, Ивана Дуйчева, Александра Бурмова, Станчо Ваклинова и других исследователей средневековой Болгарии. Гюзелев — один из авторов написанной совместно учеными-историками Софийского и Московского университетов коллективной монографии об исторических связях между Болгарией и Россией (1981).

В. Гюзелев поступил на философско-исторический факультет Софийского университета им. св. Климента Охридского после окончания с отличием гимназии в родном городе Димитровграде в 1954 г. и закончил его также с отличием в 1959 г., защитив дипломную работу о языческих верованиях и погребальных обрядах южных славян. После двухлетней работы в историческом музее родного города в 1961 г. он был принят ассистентом на кафедру болгарской истории названного старейшего болгарского университета, и с тех пор жизнь ученого оказалась неразрывно с ним связана. Желая встретиться с академиком и сегодня найдет его за рабочим столом в кабинете на третьем этаже южного крыла главного университетского корпуса. Гюзелев — живая легенда университета, представитель «звездного» поколения историков, к которым принадлежат Николай Генчев, Илчо Димитров, Александр Фол, Константин Косев и другие ушедшие и ныне здравствующие коллеги юбиляра. Пожалуй, среди них ему принадлежит наибольший вклад в восстановление преемственности исторических исследований в социалистической Болгарии от национальной историографии последней четверти XIX — первой половины XX в., и ему же — не меньшая заслуга сохранения преемственности нынешней академической историографии от достижений историков в Народной Республике Болгарии. Отдав многие годы преподаванию и руководству кафедрами болгарской и средневековой истории, «бате Васко» — так его с любовью называют ученики — по праву считается создателем, старейшиной и лидером современной болгарской школы историков-медиевистов.

Многолетняя плодотворная деятельность юбиляра не ограничивается стенами Софийского университета. Гюзелев возглавлял секцию средневековой истории Болгарии Института истории Болгарской АН (1977–1983), был одним из основателей и первых руководителей Национального исторического музея (1975–1977),

директором Болгарского исследовательского института в Вене (1984–1990), председателем Археографической комиссии Народной библиотеки им. св. Кирилла и Мефодия в Софии. Его важнейшим вкладом в болгарскую медиевистику стали издаваемые под его руководством периодические издания «*Bulgaria Pontica medii aevi*» (v. I–VII; 1981–2008); «Светогорска обител Зограф» (т. I–III; 1995–1999) и «*Bulgaria Mediaevalis*» (v. 1–6; с 2010 г. по наст. вр.), а также серия книг «Болгарское историческое наследие». Опубликовано и пятитомное собрание избранных работ историка. По учебникам, в которых автором средневековых разделов является ученый, изучают родную историю несколько поколений школьников и студентов. Он – почетный профессор Великотырновского университета им. св. Кирилла и Мефодия, среди преподавателей которого также немало его учеников. Курсы лекций болгарского историка читались в Московском, Кельнском и Лейпцигском университетах, а один лишь перечень его выступлений в ведущих мировых университетских и академических центрах занял бы несколько страниц. На многих иностранных языках опубликованы написанная при участии Гюзелева «Краткая история Болгарии» (1979), научные очерки о протоболгарах (1979) и крещении Болгарии (1976). Сборники научных трудов и отдельные исследования ученого вышли в свет в Австрии, Великобритании, Германии, Италии, Мексике, Турции, Франции и Японии. При его деятельном участии организованы многочисленные международные научные форумы, прошедшие в Болгарии в прошлом и нынешнем веках, а в 2011 г. Гюзелев возглавлял оргкомитет блестяще проведенного в Софии XXII Международного конгресса византистов.

В научном творчестве В. Гюзелева глубокое изучение источников сочетается с широким хронологическим охватом и разнообразием тематики исследований – от языческого периода болгарской раннесредневековой истории до начала национальной историографии в новое время. При этом в качестве основных сюжетных линий выделяются история контактов и связей Болгарии с Византией и Западной Европой; история международной торговли и городов средневековой Болгарии; формирование и развитие средневековых болгарских культурных институтов, в том числе церковных. Знаток и любитель болгарской и мировой поэзии, историк посвятил несколько своих книг и статей упоминаниям о Болгарии в средневековой европейской поэзии.

О чем бы ни писал ученый, его мысль берет свое начало в размышлениях над текстом первоисточников, многие из которых опубликованы им в добротных переводах на современный болгарский язык. Как подчеркивает сам Гюзелев, поиск, прочтение и публикация средневековых славянских, византийских и латинских источников долгие годы занимали первостепенное место в его ученых занятиях. Результатами стали двухтомная хрестоматия по средневековой истории Болгарии (1978, в соавторстве с П. Петровым); сборники документов по военной истории средневековой Болгарии (1977) и болгарской государственности (1981); антология средневековых поэтических текстов о Болгарии (1981); два тома византийских, западных и славянских источников средневековой болгарской истории, хранящихся в архивах и библиотеках Вены (1994, 2000); том венецианских архивных документов XII–XV вв. по болгарской истории (2001); сборник географических описаний и путевых заметок о средневековой Болгарии (2011).

Свое восьмидесятилетие историк встретил в работе над новыми изданиями документов Генуи и Дубровника по средневековой болгарской истории. «Я остался поклонником исторического познания, основанного на источниках, а не на предварительно составленных схемах и словесной эквилибристике, избрав в свою защиту принцип “*Ex fontibus ad veritatem*” (От источников к истине), и, как кажется, останусь верен ему до конца», – говорил Гюзелев на праздновании своего семидесятилетнего юбилея в родном университете в 2006 г.

Творчество историка В. Гюзелева пропитано глубоким осознанием единства цивилизационного пространства и общей культурной среды европейского Средневековья, интегральной частью которой ученый считает православный славянский мир и Болгарию. С IX по XV в. средневековая Болгария, принимая различные

формы политического существования, была значимым фактором европейской истории и внесла в нее свой уникальный вклад, составными частями которого стали кириллическая книжность и духовная культура средневековых городов и монастырей, государственная идеология и связанная с ней литература, товары, участвовавшие в балканской и черноморской торговле, наконец, вклад в международный баланс сил на Балканах, периоды устойчивости которого способствовали хозяйственному и культурному развитию Болгарии.

Достойный гражданин своей страны, прошедший вместе с ней в 1940-е и в 1990-е годы сложнейшие исторические рубежи, Гюзелев, по его словам, всегда был верен принципу «Fidus legibus non regibus» (Верен законам, а не правителям), оставаясь человеком высокого личного достоинства и академического долга. Он не стал ни политиком, как его однокашник и друг Жельо Желев — первый демократически избранный президент Болгарии, ни министром, как Илчо Димитров, ни ректором Софийского университета и медийным кумиром, как другой его однокашник Николай Генчев. Ученый хранит верность науке и ее принципам, оставаясь щедрым на мудрость жителем своей университетской «обители» и не превращая ее в «башню из слоновой кости». Задолго до нынешнего обострения отношений между Европейским Союзом и нашей страной Гюзелев, подчеркивая закономерность вступления Болгарии в ЕС, писал: «Ни в коем случае европейское объединение не должно превращаться в орудие антирусской политики [...] Россия несет в себе огромный европейский потенциал, потому что всегда была и останется неотделимой частью Европы [...] Вклад России в европейскую цивилизацию и в строительство Европы огромен. Своим разумным, трезвым и дальновидным поведением по отношению к урезанию своей имперской территории и сути она в большой степени благоприятствовала созданию новой европейской конфигурации и стимулировала ее [...] Только все еще не ясно, какой будет цена проявленного ей великодушия» (*Гюзелев В.* Словесен триптих. Изповеди—Слова—Размисли. София, 2010. С. 204–205). Таков актуальный и в наши дни вывод из размышлений историка над общим европейским прошлым.

Читатели (и почитатели) блестящих работ академика Василя Гюзелева искренне желают нашему дорогому старшему другу и коллеге здоровья и многих лет плодотворного труда на благо болгарской и мировой науки.

© 2017 г. *И.И. Калиганов, Д.И. Польшванн*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Simov M. I.</i> (Sofia). Russian consulates on the Balkans and their role in Russian intelligence activities on the eve of the Russian-Turkish war of 1877–1878	3
<i>Vishnyakov Ja. V.</i> (Moscow). Serbs in the Russian Army during World War One	15
<i>Zorin A. V.</i> (Kirov). The problem of recognition of the Czechoslovak government in exile by the USA during World War Two	30
<i>Stepanov A. S.</i> (Moscow). The reasons why the Soviet leadership decided on the liquidation of Lev Rebet and Stepan Bandera	44

REPORTS

<i>Kozlov D. Ju.</i> (Moscow). «Frivoles Vabanquespiel». Plans of the Habsburg Empire fleet's deployment into the Black Sea (August 1914)	57
<i>Starchenko L. A.</i> (Briansk). Little Russians – prisoners of war in Germany and Austria-Hungary during World War One	65
<i>Nosov B. V.</i> (Moscow). On the release of Volume 10 of the «History of Polish science»	71

HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Shemiakin A. L.</i> (Moscow). Serbian works of Pavel Rovinski (first consideration and perspectives of further research)	87
<i>Khlebnikova V. B.</i> (Moscow). Pavel Rovinski's travel notes and journalist sketches about Serbia ...	99

REVIEWS

<i>Peganov A. O.</i> A. Marès. Edvard Benes. Un drame entre Hitler et Staline	109
<i>Gusev N. S.</i> M. Станчев. Болгары в Российской империи, СССР, странах Балтии и СНГ... ..	111
<i>Smolyaninova M. G.</i> Болгарское искусство XX века	113
<i>Ananyeva N. Je.</i> Slavische Wordbildung im Vergleich: Theoretische und Pragmatische Aspekte... ..	116

SCHOLARLY LIFE

<i>Gusev N. S., Leontyeva A. A.</i> Scholarly conference «Forced neighbours – voluntary accommodation in diplomatic and international relations in Central and Eastern Europe of the eighteenth – twentieth centuries»	120
--	-----

JUBILEES

<i>Kaliganov I. I., Polyviyani D. I.</i> To the jubilee of academician Vasil Güzelev	124
--	-----

Сдано в набор 02.02.2017 Подписано в печать 30.03.2017 Дата выхода в свет 23.05.2017
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 1,8 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 169 экз. Зак. 241 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука» РАН
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
121099, Москва, Шубинский пер., 6